

АНБУР — КОМИ МОЙД КОМИ СКАЗКА-АЗБУКА

**Сборник сказок
на коми и русском языках**

**Составитель и переводчик
Геннадий Васильевич БЕЛЯЕВ**

АНБУР

Коми йёзлөн, зыраналён, важся пӧль-пӧчныс овлісны помтӧм-дортӧм пармаын. Сиктъяснас найӧ пуксьывлісны юяс пӧлӧн да ӧта-мӧд орда-ныс веськавлісны сідзжӧ сӧмын ва туйті да нӧшта вӧралан ордымъясті либӧ вӧлӧкъясӧд, кор колӧ вӧлі ӧти ю ковтысысь пыжсӧ кыскыны мӧдӧ. Ӑнія кодъ ыджыд кушинъясыд сэки эз на вӧвны. Гӧгӧр, кытчӧдз синмыд судзӧ, вӧр да вӧр. Водзӧ мунан да бара, кытчӧдз синмыд судзӧ, помся вӧр.

Тӧла-кымӧра поводдяӧ шуштӧм, шондіа арся лунӧ вичко кодъ кыпид, пемыд рӧмъяса и югыд гажа, скӧра шувгысь и кузя сьылысь, тшӧкыда да чӧла сулалысь, пыр мича да сӧстӧм вӧр. Сійӧ вӧлі вердысь и юкталысь, шонтысь да пасьтӧдысь, дорйысь да дзебысь, дойдысь и бурдӧдысь, ыркӧдысь да такӧдысь, збоя овны велӧдысь парма. Коми мортлӧн горт, ловсӧ сӧстӧммӧдысь да юр садьсӧ сӧдзтӧдысь — Матушка Парма. Сійӧ вӧлі озырсьыс-озыр, гӧгӧр зверь-пӧткаӧн тыр. Ӑнія серти ёна отаджык да пыдіджык сӧстӧм ю-тыыс вӧлі мойдын моз чериа.

Со и вӧравлісны да чери кыйлісны, кузь тӧв кежлӧ заптысьӧмӧн, ӧктылісны тшак да вотӧс, чукӧртлісны быдсяма бурдӧдчан турун, вӧчлісны пу-нӧрйысь да кырсь-сюмӧдысь аслыныс став коланасӧ мян важ пӧч-пӧльным. Найӧ весиг мутӧ вӧдитны эз тэрмасьны велӧдчыны, пармаыд вердіс-пасьтӧдіс да.

Ок и сюсь да пельк вӧралысьясӧн вӧліны важ йӧз! Велалісны найӧ парматыс ветлӧдлыны сідз жӧ, кыдзи тӧ ӧні уличьясӧд. Ветлывлісны Из-Урал сайӧ дай Сибырӧдыс на ылӧ асыввыв. Сылань жӧ рочьяссянь вузасян туйсӧ чужан му вомӧныс писькӧдісны. И бара жӧ зырана медасьлісны Асыввылын выль муяс корсьысь-тӧдмалысьяслы туй индалысьӧ. Гӧгӧрвоана, унаӧн сэтчӧ и, озыр муясас, кольччылісны либӧ весиг матыссасӧ быдса котыръясӧн тшӧтш нӧдлісны. Сы вӧсна важ кадсянныс нэмъяс чӧж кывсьӧны Зырян нима йӧз, а Сибыр пасьтаыс — Зырянкаӧн да Зыряновкаӧн шусысь оланінъяс.

Овмӧдчылісны кӧ медсясӧ ва туйяс пӧлӧн, юяс да налӧн вожъяс серти жӧ и найӧс асьнысӧ тӧдлісны. Шусьылісны эжваса, сыктывса, емваса, мозынса да сідз водзӧ. Либӧ асланыс муяс сайын, роч ногыс нин,

найӧ кывсисны кызди вычегодцы, вымичи, сысоличи, мезенцы... Вӧлӧмаӧсь зыраналӧн асланыс ӧксыяс (князьяс) да канъяс (царьяс), асланыс государство да Канкар — столица. Государствоыс кор ёнмыліс, кор омӧльтчывліс, ӧні кежлӧ миянлы медся тӧдса Эжваса Пер Му — Пермь Вычегодскӧй нима. Ӧнія вичко да ен эз тӧдлыны важ комиясыд. Налы, вӧр-ва пӧвстын олысьяслы, еннас вӧр-ваыс да ывлаыс жӧ и вӧлі: кевмылісны билы, валы, тӧвъяслы, шонділы, пулы, гырысь зверлы.

Но быдман да та йылысь ёна унджык тӧдмалан.

А ӧні мӧвпышт, мый сэки нин овмӧс кутысь мортлы, прӧмыс нуӧдысь-кыйсьясылы, ылі муясӧ туй писькӧдысь-индысьлы колӧны вӧлі кутшӧмкӧ пасъяс. Колӧ жӧ вӧлі аслыд мӧдысь кежлӧ либӧ локтан вояс кежлӧ, тэ бӧрын сэтчӧ локтысь-веськалысь мӧд мортлы либӧ пияныдлы да пӧльӧн шуысьясыдлы мыйкӧ юӧртны. Мыйкӧ юӧртны — сідзкӧ мед абу куш аслыд гӧгӧрвоана. Татшӧм юӧрсӧ кольлісны лым вылӧ ли лыа вадорӧ пасӧн, чегӧм увйӧн либӧ зургӧм беддӧн.

Сэсся — лӧсыштӧм пу вылӧ, кульыштӧм сямӧд вылӧ, стрӧйба штэнӧ, из вылӧ гижтӧмӧн, сёртӧмӧн, сизьдӧмӧн. Татӧг, татшӧм юӧра пастӧгыс, ӧтувъя олӧмыс эз нин артмы, эз нин позь тӧдӧмлунъяс да опыт чӧжны. Коліс и содысь эмбур да угоддӧ юкны. Пасыс лоис унджык сикас. Вӧралан пас, потш пас, ыж пас... Лоис и рӧдпас и киподтуй пас. Лыд висьталысь пас.

Сэсся — вӧралан-кыйсян, мукӧд удж да мог вӧчан кад тӧд вылад уськӧдысь, праздник и шог казтылысь-урчитысь пас. Тадзи вочасӧн кутіс артмыны поводдянас кытш вӧчан кадсӧ, во гӧгӧр кадсӧ юкан уна пас, комилӧн асланыс календарь. Тайӧ уна сикас нин пассӧ, быдса системасӧ, вундавлісны бедь вылӧ, сэсся и бронза-кӧртысь сывдны-кисьтны велалісны. Асьныс велалісны тадз вочасӧн важ комияс дай мукӧдлысь велӧдчисны, дерт. Ветлӧдлісны ӧд эз сӧмын Сибырлань. Коми муын учӧнӧйяслы сюралі Алтай—Кавказланьысь, Иранланьысь вайлӧм кӧрт деньга, мичмӧдчантор, важ кӧлуй. Коми сёрниӧ сыланьысь жӧ веськалӧма вель уна кыв. Зырана вузасисны, тӧварӧн вежласисны, сюсьлунсӧ чӧжисны.

Бура велӧдчӧм йӧз тӧдӧны со мый: Ибн-Фадлан нима гижысь араб волӧма сюрсыс унджык во сайын нин Волга ковтысса Булгария государствоӧ. Булгарияса царь сылы висьталӧма, воліс пӧ войвывсян

зэв ыджыд тушаа кутшөмкө морт-великан. Тайё висьталом сертиыс Ибн-Фадлан гижөма войвывса йёзыслы, и найё вочавидзөмаось сылы. Артмө, войвывсаяс кужлөмаось нин гижасьны соседьясыскөд. И мед весиг тайё вөліны эз важ комияс, а орччөн олысь йёз. Но од наысь вывті ёна бөрө кольөмаясөн комиыс эз вермы лоны.

Учёнөйяс жö висьталөны, мый комияс VI—VII нэмсянь нин төдöны «небөг» кыв, кодöс босьтлөмаось кутшөмкө иранскöй сёрниа войтырлысь. А мыйла ковмис кывйыс, эз кө вöв ачыс небөггыс, эз кө лыдысьны-гижны?

Быдсяма рөдвуж пасыд, эмбур, угодыö либö гортса скötöс торйöдан пасыд колö вöлі, медым төдісны тэнсьыд вöчөмтортö, тэнсьыд вөдитан ли быдтантортö, эз сорлавы мөдлөнкөд. Сэсся комияслөн лоины вежөртаса пасьяс. А бöрынджык лоисны и шыа пасьяс, сöмын кутшөмкө шы висьталысь пасьяс. Важ комилөн найö бура төдсаöсь Емва да Эжва-Сыктыв вожьясö Храп Штэпанлөн воёмсянь, XIV нэмсянь. Гижана ли гижтана, сёртана-вундана ли сизьдана пас вöчлісны-лөсьөдлісны да төдлісны быд сёрниа йёз шыпаса грамота лөсьөдтөдзыс. Эн чайт, ыштö и важ комияс нинөм эз төдны ни гөгөрвоны да налы ставсö кыськö кодкö вайис да дасьтіс.

Храп Штэпан, коді коми язычникьясöс велөдіс эскины Христослы, 1372–1375 воясö лөсьөдöма коми гижөд кыв да комиөдöма важ славянскöй да греческöй кывйөн гижөм вичко небөгьяс. Бöрын сійö тані епископөн лои — христианскöй вичколөн ыджыд мортөн. Вичко ног кө, сылөн лои Перымса Стефан ним. Кулөм бöрас тайö мортсö дзевисны Москваса Кремльö, да, дыр мысти на, шуисны вежаөн.

Но сы йылысь колö торья висьт. А лөсьөдіс сійö 24 коми шыпас, греческöй алфавитын мында жö. Найö медсясö сэксся славянскöй да греческöй кодьöсь. И абу куш на кодьöсь. Штэпанлөн эмöсь сідз ни тадз, абу славяна ни грек ног, гижтана шыпасьяс. Шуöны, öткымынөн пö муноны важ армянскöй да грузинскöй вылö. Сідзкö, мыйкö öтувья вермас лоны медводдза коми да зэв важся иранскöй, тшötш и еврейскöй алфавитьяс костын. Сідзкö, гөгөрвоанаджык и коми сёрниö «небөг» да мукöд кывлөн веськалөмыс. Тыдалö, торья шыпасьяс Штэпан лөсьөдіс тшötш сэксся коми пасьяс серти. И лоис коми анбур.

Мыйла анбур? Мый сійö анбурыс?

Ми тōдам, мый шыа пас — сійō пас, кодї висъгалō кутшōмкō шы. Шыпас — буква. Роч кывйын òнї 33 шыпас. Òтвылысь став шыпассō грекъяс шулōмаōсь алфавитōн, рочъяс — азбукаōн.

Мыйла азбука? Сы вōсна, мый медводдза кык шыпасыс важ роч алфавитын аз да буки. Важōн найōс шуавлісны эз а, б, в да сїдз водзō, а мōд ног — аз, буки, веди... Медводдза кыксыс и артмис «азбука» кыв. Сїдз жō коми стефановскōй алфавитын воддза кык шыпасыс шусис эз а да б, но ан да бур. Òтлаын артмō анбур.

Õнїя коми анбурын 35 шыпас.

Сы мында жō мойд тайō небōгас комиōн да рочōн.

АЗБУКА

Древние предки зырян — коми людей жили в бескрайних лесах, их они любовно называли и нынче называют пармой. Селения свои строили по берегам рек и друг к другу попадали только по водному пути да ещё по охотничьим тропам или по волокам, когда нужно было лодки из бассейна одной реки волочь, перетаскивать в бассейн другой. Таких, как сейчас, больших, безлесных, вырубленных просторов тогда еще не было. Кругом, сколько глаз достает, леса и леса. Идешь дальше, и опять, докуда видишь, бесконечные леса.

В пасмурную погоду мрачный, в солнечный осенний день как церковь величественный, сумеречный и светлоликий, сурово шумящий и вечно поющий, а часто и молчаливый, всегда роскошный и чистый лес. Он кормил, поил, обогревал и одевал, защищал и прятал, калечил и лечил, прохлаждал и успокаивал, учил храбрости. Такова была парма. Обиталище коми человека— Матушка Парма. Она была удивительно богата, полным-полна зверей и дичи. В более полноводных и глубоких, чем нынче, чистых реках и озерах было сказочно много рыбы.

Вот и охотились, и рыбачили, запасали на долгую зиму грибы и

ягоды, собирали всякие лечебные травы, мастерили все нужное из прутьев и дерева, из коры и бересты наши дальние предки. Они даже неспешно учились возделывать землю, потому что парма кормила и поила.

Ох и ловкими да смелыми ловцами были древние люди! Научились они по парме ходить, как ты нынче по улицам. Ходили за Урал-Камень и далее по Сибири на восток. Торговые пути от русичей туда же через свой родной край прокладывали зыряне. И опять же коми следопыты нанимались проводниками к землепроходцам, которые на Востоке искали и изучали новые земли. Понятно, многие там и оставались, в этих богатых краях, или даже целыми группами уводили туда своих знакомых. Поэтому с давних времен в истории освоения Сибири известны то люди по имени Зырян, а то по Сибири остались названия Зырянка и Зыряновка.

Коли расселялись коми в основном вдоль водных путей, то и знали их также по названиям рек и их притоков: вычегодцы, вымичи, сысоличи, мезенцы... Были у зырян свои князья и цари-каны, своя столица — Канкар и государство. Оно то набирало мощь, то слабело. Наиболее известна Земля Пер Вычегодская — Пермь Вычегодская. Христианства пермяки не знали. Для них, детей природы, Богом и церковью была сама природа: поклонялись огню, воде, ветрам, солнцу, дереву, крупным зверям.

Но намного больше об этом узнаешь, когда вырастешь.

А сейчас представь, что уже тогда имеющему какое-то хозяйство человеку, промышляющему, изыскивающему пути в дальние края, нужны были какие-нибудь знаки. Ведь надо было многое на другой случай, на последующие годы для себя отмечать, для прибывшего после него другого человека или детям и внукам сообщать. Что-то передать — значит, чтобы эти знаки были понятны не только тебе. Такие вести чертили на снегу или на песчаном берегу, сообщали сложенной веткой или воткнутой палкой.

Дальше — сложнее: на затесках на дереве, на содранной бересте, на стене сруба, на камне чертили, вырезывали, насекали, долбили. Без них, без этих извещающих знаков, совместная жизнь уже не получалась, уже нельзя было копить и передавать знания и опыт.

Надо было размечать накапливаемые имущество и угоды. Знаки становились все более разные. Знаки, различающие твой шест, твоё бревно, твою охотничью тропу, твою скотину. Так постепенно появился родовой знак и знак качества. И знак количества.

Дальше — знаки, напоминающие сроки и сезоны охоты, иных работ и забот, означающие праздники и дни бед народных. Так постепенно получалась система знаков, которая разделяла период годового круговорота в природе, время совершения природой круга в течение года — получился свой коми календарь. Эту уже сложную и довольно точную систему знаков нарезали на палках, затем научились их переводить на бронзу и другие металлы. Сами коми шаг за шагом учились этому и перенимали у иных народов, конечно. Ведь ходили они не только в сторону Сибири. В Коми крае ученые обнаружили монеты, украшения, древние предметы, привезенные с Кавказа, Алтая и из Ирана, немало заимствовано там же слов. Зыряне торговали, обменивались товарами. Веками учились уму-разуму.

Ученым людям известно и вот что: арабский литератор по имени Ибн-Фадлан написал о своем путешествии в поволжское государство Булгарию более тысячи лет назад. Тогда болгарский царь рассказал ему о визите какого-то северного великана. После этого Ибн-Фадлан обратился с письмом к северянам, и те ответили ему. Выходит, они уже тогда умели переписываться с соседями. И пусть даже это были не предки коми, но ведь они не могли быть очень отсталыми от соседствующих племен.

Также ученые утверждают, что уже с VI-VII веков коми знают слово небӱг (книга), которое вошло в их речь из какого-то иранского языка. Зачем же им понадобилось слово, если не было самой книги, если они вовсе не читали и не писали?

Всякие родовые знаки на нажитом добре, угодыях, домашней скотине нужны были, чтобы различать то, что ты смастерил, что возделываешь и содержишь, чтобы не путать с чужим. Затем у коми появились знаки, несущие какую-то мысль, идею (идеограммы). А еще позже понадобились знаки звуковые, передающие только какой-либо звук. По-коми звук — шы, знак — пас, отсюда получилась шыпас-буква. У средневековых зырян они хорошо известны со времени,

когда в бассейнах Выми, Вычегды, Сысолы появился Храп Степан, — с XIV века. Нацарапанные или начертанные, нарезанные или насеченные — выдолбленные знаки все племена придумывали раньше буквенного письма. И не думай и не верь тому, что якобы древние коми ничего не знали и не ведали и все им кто-то откуда-то принес или подготовил.

Храп Степан, чтобы сделать коми-язычников христианами, в 1372-1375 годы создал коми письменность и переводил церковные книги со старославянского и древнегреческого языков на древнекоми язык. Позже он стал здесь епископом — главным человеком христианской церкви. По-церковному его нарекли Стефаном Пермским. После смерти этого человека похоронили в Московском Кремле, а позже и объявили святым.

Но о нем отдельный разговор. А создал он 24 коми шыпаса-буквы. Они немного похожи на старославянские и греческие. Но не все. У Степана есть не так или этак, ни по-славянски, ни по-гречески начертанные буквы. Говорят, отдельные походят на древнеармянские и древнегрузинские. Значит, общее может быть у первой коми азбуки с древнеиранским, также и с древнееврейским алфавитами. Значит, понятнее становится, как в коми речь попали «небӧг» и другие слова. Видимо, отдельные буквы Степан создал также по уже существующим тогда коми знакам. И получился коми анбур.

Почему — анбур? Что такое анбур?

Мы знаем, что шыпас — это знак, означающий звук. Шыпас — буква. В русском языке сейчас 33 буквы. Вместе их греки называли алфавитом, русские — азбукой.

Почему азбука? Потому что первые две буквы в русском алфавите аз и буки. В старину буквы называли не а, б, в и так далее, а иначе — аз, буки, веди... От названия первых двух и получилось слово «азбука». Так же в стефановском коми алфавите первые две буквы назывались не а и б, но — ан и бур. Они и сложились в слово анбур.

В современном коми анбуре-азбуке 35 букв.

Столько же сказок в этой книге на коми и русском языках.

БОБӨ

Олас-вылас Бобө нима кань. Көзиян-көзйяйкаыс удж вылө мунасны, а каньтө пияннас тшыгйөн колясны. Пондасны нора нявзыны пияныс, а Бобө-шыльыд юр мөскыс динө мунас да корө:

— Серук, Серук! Вайышт йөвтө!

— Турунторйөн кө вердан, и сета.

Бобө котөртас видз вылө да сылысь корө:

— Дзоридзалысь-вежөдысь виддзөй! Вайышт турунтө!

— Киськалан кө ваөн, и сета.

Бобө котөрөн шор дорө:

— Визув шор! Вайышт ватө!

— Весалан кө менө, и сета.

Котөртас Бобө зыр динө да корө:

— Зырьөй-зырьөй! Весалышт шорсө!

— Зудьялан кө менсьым нырөс, и весала.

Котөртас Бобө зуд динө, корө:

— Чорыд зудйөй! Зудьяв зыр нырсө!

Зырсө быдса во нин абу зудьявлөма, и сідз нин бокьясыс сылөн лудөны.

— Көні зырьыс?

— Карта сайын.

Зуд зырсө зудьялас, зыр шорсө ёсь нырнас весалас-писькөдас, шор Бобөлы ва сетас, ваыс киськалас, виддзыс турун сетас, турунсө мөс сёяс, мөскыс Бобөлы йөв сетас.

Каньпияныс йөвсө сёясны да дугдасны нявзыны-бөрдны.

Аддзан, кыдзи шогмө? Ставныс бур вөчисны.

ЛАСКА — ГЛАДКАЯ ГОЛОВКА

Жила-была кошка по кличке Бобө. Иначе как Ласка эту кличку с коми языка и не переведешь. Ласка — как моток шерсти круглая, гладкая головка. Хозяин с хозяйкой на работу пошли, кошку же с

котятками голодными оставили. Начали жалобно мяукать котята, а Ласка — круглая головка подошла к корове, просит:

— Серенька, Серенька! Дай молочка!

— Покормишь травкой — дам молочка.

Побежала Ласка на луг, просит:

— Зелёный лужок! Дай немного травы!

— Польёшь водичкой, дак дам.

Дальше бежит Ласка к ручью.

— Быстрый ручеёк! Дай водички!

— Почистишь меня, дак дам.

Бежит Ласка к лопате, просит:

— Лопата, лопата! Прочишь ручеёк!

— Отточишь бруском мне носок, дак почищу ручеёк.

Бежит Ласка к бруску, просит:

— Кремень-брусок! Отточи лопаты носок!

А лопату уже целый год не точили, и так уже бока бруска чешутся.

— Где лопата?

— За хлевом.

Брусок отточил лопату, лопата прочистила ручей, ручей дал Ласке воды, вода полила лужок, а лужок дал травы, корова съела ее и дала Ласке молочка.

Котята полакали молочка и перестали мяукать-плакать.

Видишь, как надо? Все сделали что-то доброе.

«ВОДЗДЖЫК ТАЙ САДЬМЫССЬӨМА»

Оліс лунтыр Якё сөйтөг нянь абутөмла да тшыг кынөмөн и узыны водіс.

Узьё сійё да вөтасьё: сулалё сы водзын еджыд керка, а өдзёс вылас гырысь шыпасъясөн гижөма: «Тані талун гөльясөс вердөны дон босьттөг. Быдөн, коді гөль, вермас пырны да сөйны».

— Тайё меным гижөма. Меысь гөль мортыд оз нин төр,— нюмъяліс Якё да котөрөн пырис керкаас.

— Лок, муса вок, лок,— шуис сылы паныд паськыд тошка

дядьё.— Талун гөляслы праздник. Быдторйыс налы лосьёдöма: яя шыдыд и, проса рокыд и, кисельдыд и, чöскыд лязйыд и. Пуксы да паняв мыйта төрас. «Но, сё мокастыö,— думыштис Якö.— Нелямын квайт арöсöдз ме олі, а гөляслысь праздниксö эг на аддзыв. Пыр на озыръяс празднуйтлісны, а ми сöмын бокиянь видзöдім найö праздникъяс вылö».

— Пуксы, пуксы,— бара шуис паськыд тошка дядьё.— Паняв мыйта лолыдлы колö.

Сатшкысис пызан сайö Якö, а пызан вылас збыль быдторйыс эм. Пызан гөгөр пукалöны голь йöз да панялöны — коді шыд, коді рок, коді кисель, коді ляз. Быдöнлы, майбыр, тырмö сёянторйыд.

Видзöдліс Якö, а паньыс сылы буретш абу. Висьталіс та йылысь паськыд тошка дядьёлы, а паськыд тошка дядьё вочавидзис:

— Татчö, муса вок, колö ас паньон локны. Паньястö мян абу лосьёдöма.

— Мыйон нö эськö ме паняся?

— Ветлы гортад да вай паньтö. Сійон и панясян.

Котöртис Якö гортас паньла. Куим верст лои сылы рöдтыны ас кокнас. Бөрйис медыджыд паньсö да бөр котöртис-тöвзис. Воис гөлясöс верданінö да шнөпкысис пызан сайö.

— Но, заводитам и ми сёйны! — долыдырысь горöдіс Якö да гумовтіс ыджыд паньнас тасьтисыс чöскыд яя шыдсö.

— Паняв, муса вок, паняв,— ышöдіс сійос паськыд тошка дядьё.— Тіянлы, гөляслы, талун праздник!

Кöсйис Якö нылыштны яя пöсь шыдсö, паньыс вом дорас нин вöлі, да сы шөрö швач садьмис...

— Со, колөкө, тэныд и праздник! — ышловзис Якö да чорыда ёрччыштис.— Некөн жö нин абу шудыд голь мортыдлы. Рушку дундытöдз эськö ме верми сэні сёйны, да водзджык тай садьмыссьöма, морыд!

МАЛОСТЬ РАНЬШЕ ПРОСНУЛСЯ

Весь день провел Яков голодным, поскольку хлеба не было, да на

пустой желудок и лег. Спит он и видит сон: стоит перед ним белый дом, а над дверьми крупными буквами написано: «Здесь сегодня бедных кормят бесплатно. Каждый бедняк может зайти и пообедать».

— Это для меня написано. Беднее быть уж некуда,— улыбнулся Яков и прямо-таки вбежал в дом.

— Заходи, дорогой брат, заходи,— такими словами встретил его дядька с широкой бородой.— Сегодня праздник для бедных. Всего им наготовлено: и мясной суп, и пшенная каша, и простой кисель, и с протертой ягодой. Устраивайся за стол и хлебай сколько влезет.

«Ну диво,— подумал Яков.— До сорока шести лет прожил, а праздника для бедных ещё не видел. Все пока богатые праздновали, а мы лишь со стороны глядели на их гулянья».

— Садись, садись,— тут опять сказал дядька с широкой бородой.— Хлебай сколько душе угодно.

Залез Яков за стол, а на нем и правда все есть. Вокруг стола сидят бедняки и хлебают — кто суп, кто кашу, кто простой кисель, кто с толченой ягодой. Слава богу, каждому хватает еды.

Осмотрелся Яков, а глядь — для него как раз ложки и нету. Сказал широкобородому, а дядька тот отвечает:

— Сюда, милый брат, надо со своей ложкой приходиться. У нас ложки не припасены.

— Тогда чем же я стану есть?

— Сходи домой и принеси ложку. Ею и будешь есть.

Побежал Яков домой за ложкой. Три версты пришлось ему трусить на своих двоих. Выбрал самую большую ложку и обратно помчался. Добрался до столовой для бедных и плюхнулся за стол.

— Ну, начнем и мы! — радостно воскликнул Яков и зачерпнул своей большой ложкой из миски наваристого мясного супа.

— Хлебай, милый брат, хлебай,— подбодрил его широкобородый дядька.— Вам, бедным, сегодня праздник!

Хотел Яков глотнуть горячего супа, ложка уже возле рта была, да тут он хлоп — и проснулся...

— Вот тебе и праздник! — вздохнул Яков и крепко выругался.— Ну нигде же нету счастья для бедного человека. До отвала можно было мне там наестся, да черт толкнул малость раньше проснуться!

ГОРТ ОЛӨМ

Өти вөлөстын олісны крестьянин гозья. Мужикыс уджаліс видз-му, а гөтырыс идрасис горт гөгөрыс да отсасис верөсыслы. Воис гожөм, сэн абу ылын и страдна. Быд асыв водзысь-водз гөтырыс садьмөдө верөссө. Көзяин мунас видз вылө, а гөтырыс пач дінас на кольччас. Пөжалас нянь, пуас шыд. Сэсся пөртйөн нуас верөсыслы видз вылас. Рытөдз тшөтш сэн верөсыскөд мудз-төдзыс уджалас.

Рытсөрөн локтасны гортө, а гөтырыс мөс корсьны на мунас. Ваййөдас өшинь ув йөрас да вой шөрнас нин лысьтас.

А верөсыс сэк кості неуна шойччыштас. Верөссө ужынөн вердөм бөрын коркө сөрөн нин гөтырыс водлас узыны.

Дыш лои өтчид крестьянинлы мунны видз вылө. Гөтырыс асыв-нас садьмөдө, а сійө оз чеччы, ёрччө:

— Тырмас,— шуө.— Тэ талун мун видз вылас. А ме кольчча горт овны. Ме лун-лун уджала, а тэ сэк кості узян.

— Ладнө, кольччы,— шуө гөтырыс.— Идрась. Аски вежа лун, и горт гөгөр уджид лоө тырмымөн. Видз вылө верман не воыны. Съөд көлуй пеславны колө, нянь көтны, ид шыдөс тойны, гырнич тыр нөк вый вылө гудравны...

— Аддзөмыд тай удж,— өвтчө көзяин.— Абу тайө сьөкыд.

— Нинөм эн вунөд,— шуө гөтырыс.— Ме тэныд лөсьөда ставсө.

Мыськавны көтөдіс съөд көлуй ёкмыль, вайис кашник тыр нөк — гудравны вый, нянь көтны — пызь, шыдөс вылө — тасьті тыр ид. Тшөктіс на чипан видзны.

Муніс гөтыр видз вылө, а мужик и шуө аслыс: «Водз на, позьө неуна узыштны»,— да и нюжөдчис лабичас. Лун шөр кадө садьмис и кутіс тэрмасьны өдйөджык помавны уджъяссө. «Мый дінө кутчысьны водзджык?» — мөвпалө. Син улас сюри съөд көлуй ёкмыль. Босьтіс сійө көлуй ёкмыльсө, лэччис вадорө, да сэтчө ваас и колис.

— Мед,— шуө,— нильзяс, пожьяссяс да бөрынджык өшла гож водзас косьтыны.

Өти удж вөчөма лои. Лөктіс гортө, шомөсө пуктіс пызь, кисьтіс ва.

— Мед неуна шоммас,— шуө.

Сэсся тасьтіысь кисьтіс гырйө ид да көсьис тойны. Друг чипанпи-

ян мөдiсны горзыны, тшыгъялөмаоьс да. Куталис ставнысө да шөртөн кокъяссө көрталiс, мед оз разавны, да лэдзис мамыскөд ывлаө. Бара кутiс тойны, да дум вылас уси нөк кашникыд. Көрталис гезйөн кашниксө сыылиас: «Шыдөссө тойигмоз и гудрассяс нөкйид. Öтпырйө кык удж эштас»,— радпырысь мөвпалө.

Чипанпиянлөн мамыс сэк костi пырөма йөрө и сьөрсьыс пиянсө кыскөма. Кысянькө друг уськөдчөма на вылө зэв ыджыд варыш и чипанөс пияннас нуөма аслас челядьлы. Кылис мужик чипанъяслысь горзөмсө да өдйөджык чепөсийс ывлаө — мездыны көсийс найөс варышысь. Тэрмасьөмыдла өдзөсас клёнгысис юнас, нөк тыра кашник пасьмунi-уси джоджө. Доймөмвывсьыд вунөдiс пөдлавны керка өдзөссө. А сэн матын порсьяс вөлөмаоьс да регыд и аддзисны керкаад туйсө. Öти порсь путкыльтiс гырсө, мөд аддзис шыдөс.

Пырис коньөр мужик керкаө, видзөдө да шензьө: керка тырыс порсь! Öдва сэсса и вөтлiс найөс.

Шог босьтiс мужикөс. «Регыд гөтыр воас, а ме нинөм на эг вөч. Часлы, вадорө өдйөджык лэччыла»,— мөвпалө. Лэччис көлуйла. А юыс налөн визувкодь. Корсьө мужик дөрөм-гачсө, кодөс кольлис ваас, и оз аддзы. «Тыдалө, нуөма ваыс»,— нурбыльтiс мужик да шогпырысь бөр гортас мунiс.

Мужиклы вөчны нинөм. Пуксис лабичас да кутiс виччысьны гөтырсө. Сёр рытын нин гөтырыс локтiс гортас да юалө:

— Ставыс-ө эштiс?

— Ставыс,— шуө верөсыс.

— Көлуйыд косьмис?

— Нуөма ваөн.

— Чипанъясыд нө көнөсь?

— Сьөд варыш кокалис найөс.

— Няньшомыд көнi? Шыдөсыд тойсис?

— Порсьяслы горшаныс пырис.

— Выйтө көть вай.

— Нөк кашникыд, омөльыд, уси да жугали.

Бура сюрис мужиклы гөтырсяньыс. Та бөрын сэсса эз кут сийө вежавны нывбаба удж вылө, сылөн гортас весь олөм вылө.

ЖЕНСКОЕ БЕЗДЕЛЬЕ

В одной волости жила крестьянская семья. Муж обрабатывал свои поля и луга, а жена хлопотала по дому и помогала мужу. Настало лето, а там недалеко и страда. Каждое утро в раннюю рань жена будит мужа. Хозяин идет на сенокос, а хозяйка пока возле печи остается. Хлеб испечет, суп сварит. Затем в котелке несет мужу на луг. До вечера там с ним вместе наработается досыта.

Поздненько придут домой, а хозяйка ещё и корову искать пойдет. Приведет во двор и уже в полночь подоит.

Тем временем муж малость отдохнет. После того как накормит мужа ужином, уже ночью когда-то жена приляжет поспать.

Как-то раз лень стало крестьянину идти на сенокос. Жена утром будит, а он не встает, ворчит.

— Довольно,— говорит.— Иди сегодня туда ты. Я день-деньской тружусь, а ты в это время спишь. Останусь сегодня твоим женским бездельем заниматься — домашнее хозяйство вести.

— Ладно, оставайся,— отвечает жена.— Убери тут все. Завтра воскресенье, и домашних дел набирается полно. На луг можешь и не приходить. Рабочую одежду надо постирать, тесто замесить, ячменную крупу истолочь, кринку сметаны на масло взбить...

— Тоже мне работа,— отмахнулся хозяин.— Пустяки все это.

— Ничего не забудь,— говорит жена.— Я тебе все приготовлю.

Замочила для стирки кучу грязной одежды, принесла на стол кринку сметаны — взбить масло, замесить теста — муки, на крупу — истолочь ячменя в миске. И велела ещё присмотреть за курами.

Ушла жена на луг, а мужик и рассуждает про себя: «Рановато пока, можно ещё поспать»,— ну и растянулся на лавке. В полдень проснулся и давай спешить побыстрее переделать все дела. «За что в первую очередь взяться?» — думает. На глаза попалась нестираная одежда. Схватил ее комом, спустился к реке, опустил в воду да там и оставил.

— Пусть,— говорит,— промокнет подольше, прополощется и после развешу сушить на солнце.

Одно дело сделано. Пришел домой, насыпал в квашню муки, залил водой.

— Пусть малость закиснет,— говорит.

Затем из миски высыпал ячмень в ступу и собрался было толочь. Но тут вдруг цыплята запищали, проголодавшись. Поймал их, всех за ноги привязал на одну нить, чтоб не разбежались, и выпустил с наседкой-мамой на улицу. Снова начал зерно толочь, да тут вспомнил про горшок со сметаной. Веревочкой схватил горшок и повесил себе на шею. Обрадовался своей находчивости: «Буду крупу толочь и масло взбивать. Зараз все работы сделаю».

Наседка тем временем залезла в огород и за собой цыплят потянула. Откуда-то неожиданно большой коршун налетел и наседку со всеми нанизанными на нить цыплятами своим детям утащил. Услышал хозяин кудахтанье и быстрее ринулся на улицу — хотел отбить у коршуна наседку с выводком. Из-за спешки он боданул лбом об косяк, горшок со сметаной полетел на пол и разбился. С досады забыл и двери прикрыть. А тут рядом свиньи оказались и быстренько нашли дорогу в избу. Одна свинья свалила ступу, другая прибрала крупу.

Вернулся бедный мужик в избу, смотрит и диву дается: полон дом свиней! Еле выгнал их.

Загрустил хозяин. «Скоро жена придет, а я пока ничего не сделал. Погоди-ка, побыстрее к реке сбегая»,— думает. Спустился к берегу за бельём. А речка у них довольно быстрая была. Ищет мужик свою одежду, что в воде оставлял, и не видит.

— Течением унесло, видать,— пробормотал и грустный зашагал обратно домой.

Нечего делать мужику. Сел на лавку и стал ждать возвращения жены. Уже поздно вечером пришла она и спрашивает:

— Все ли сделано?

— Все,— отвечает дядька.

— Стираная одежда высохла?

— Водой унесло.

— А куры где?

— Черный коршун их исклевал.

- Тесто где? Крупа истолчена?
 - Свиньям в глотку попала.
 - Ну хоть масла дай.
 - Горшок сметаны выпал, дьявол этакий, и разбился.
- Ох и попало мужу от жены. Больше никогда он не завидовал жениной работе, ее домашнему безделью.

ДЯКӨН НӨБАСЬӨ

Олісны-вылісны коркө дякөн гозъя вөлөсьтын, грездын. А вөліны томось. Первойсө, дерт, водз оз сетны гөтрасьны, велөдчыны колө. А дякөнө пуктігөн колө, мед быть гөтыра. И вот дякөн гөтрасис, выль гөтыра олө. Выль гөтыр сійөс радейтө ёна, чөскыда, бура вердө, дякөн сөмын вичкоё петавлө служитыштны. Вот и пондіс кызны, ёнмыны. Гөтыр видзөдльвлө, любуйтчө: мужик пондіс ёнмыны.

А налөн грездас вөлі Лукерья нима өти баба, төдысь туйө олө. Но, дякөн кызө и кызө, и мөвпалө:

— Мый нө ме понді тадзи кызны, гөтраси да? Гөтырөдз тай нө вөлі зэв вөсни.

Коркө нин гөтырыс дуригмозыс кинас тувкнитіс рушкуас:

— Тэ нөбасян кө-а?

Дякөнлы тайө ещө ётшкис сьөлөмас:

— Збыльысь кө нин нөбася-а?

Кынөм быдмө и быдмө, юр яндзим.

— Час ме ветла коркө, мед эськө гөтырөй оз жө казаяв, Лукө тьотка дорө петкөдчывлыны, мый сійө шуас, висьталас.

Өтчыд рытын сёрөн, гөтырысь кытчөкө помка пуктіс да, муніс Лукө тьотка ордө. А сэні йөз век овлөны, локтөны юасьны сылысь. Но буретш сэки некод абу. Йиркөдчыштіс кильчөө, Лукө тьотка петіс:

— Коді сэн?

— Тьотка Лукерья, эн ёна шумит, ме локта, дякөн.

— Мыйла нин, бласлө Кростос, воин, отеч дякөн, батюшко? Войын локтан, татшөм сёрөн?

— Чөв, ёна эн шумит. Тэ ордын некод абу?

— Абу некод, абу.

— Но, восьты, сэк сёрнитам.

Лукö тьотка кильчö восьтис, дякөн пырис дай шуö:

— Сёрнитам гусьöнджык, мед некод эз төд: юр яндзим, видлы вай тэ, он-ö төд. Ог-ö ме нöбася? Висьтав тэ меным.

Лукö тьотка чуньясөн видлалис, видлалис рушкусö дай шуис:

— Збыльысь öд тэ нöбасян!

— Аттö,— дякөн кабалатор кыскис зептысь:— А кор нö эськö ковмас мен чужтынысö?

Лукö тьот висьталис кад, кор колö лосьöдчыны. Дякөнлы сэтшөм шог лои. Дерт, сийö дон мынтыштіс тьоткалы и шуö:

— Прöщайтлы сэсся, да эн бара некодлы висьтав. Мед бара некод оз төд.

Гортас муніс сэтшөм шогөн. Гөтырлы эз висьтав, а гөтырыс и шуö:

— Мый нö сідзикөн, отеч дякөн,— нимнас ыдждöдлö,— татшөм мыйкö тэ лоин зэв жугыль?

— А мыйкö ме вися, да ковмас, буракö, больничаö мунны.

— Пöжалуй, абу здоров тэ, мыйкö век гажтöмасян.

— Гажтöмася, дерт, вися да, аддзан кутшöма кынöмöй кызис.

А гөтыр бара тувкнитіс кинас:

— А дзик нин тэ нöбасьысь баба кодь, быттö медбөръя вежонъяс новлөдлан, сы кыза нин рушкуыд.

Дяконлы ещö чорыда инмис, дай думайтö: аттö, пышйыны ковмас гортысь!

Кабалатор сийö частöкодь видлавлö: матысмö чужтан кад. Вот пасьтасис дай гөтырлы шуö:

— Ме муна больничаö, эн гажтöмтчы, тэ ов, а ме муна лечитчыны.

Муніс гортысь, петіс кутшöмкö туйлань. Кытчöкö мунö, көнъясынкö узыльвлö. Уджавны некөн оз уджав. Сийö гөтырыслысь гусяліс сарапан, пасьталіс да шаллясис нывбаба пыдди, рушку вомöдзис. И полö век. Коркö бара кабалатор видліс, а сылы тайö лунъясö чужтыны колö. Зэв ёна шог босьтіс, и думайтö:

— Мед эськö талун бурджык көзьяйка дорö жö узыны веськала. Талун рөдитны ковмас меным.

Өтилагын юасис узьны, гозъя вöлі олöны да лэдзисны сійöс, эз и өткажитны.

— А мен эськö вот паччөр колö да, кынмалі да шонтысьыштны, паччөраныд узьтöдöй менö.

Найö вольсалісны:

— Вод, вод. Ми огö паччöрын узьлöй, ми крöватьын узьлам!

А налөн вöлі мöскыслы куканясьны талун колö. Мöс вöлі кöдзыд картаын. Шоныд места эз вöв, а кöдзыд вöлі зэв. Найö гозъя и сёрнитöны:

— Кодным водз садьмам, колö мöс дорад лэччывны, видзöдлыны. Мед эськö куканьным оз жö кынмы.

Сэсса коркö и унмовсьыштлісны, а дякөн пыр на узьö. Узьыштисны гозъя, садьмис кодыскö дай шуö:

— Мöстö видзöдлыны колö петавны, гашкö, и куканясьö. Гашкö, и кынмö куканьыд.

Петісны, и збыльысь нин сійö, буракö, водöм бöраныс куканясьлöма. Куканьыс ёна нин кынмöма, и шуöны:

— Аттö, паччöрад узьысь эм, эськö вот тайöс шонтыны колö катöдны паччөрö-а. Вай пасьтö, тубралам,— кöзьяиныс шуö кöзьяйкалы,— да пыртам паччөрö.

А дякөн узьö зэв ёна, оз кыв нинöм. Куканьöс пасьөн тубраласны и пыртасны керкаö, дякөнсьыс пыдöджык паччöрад и пуктасны, пасьөн шебралöмөн. Кöдзыдінсьыд куканьыд веськаліс да оз шыась. Асьныс бөр водісны да унмовсисны.

Коркö дякөн садьмис дай думайтö:

— Господи, кыз бара енмыс отсалас меным талун чужтынысö? Дерт нин, талун ковмас рöдитны.

А куканьыд вөрзыштис сэтöні пась пиад.

— Мыйкö тай нö тані эм нин?

Вөрзыштігад пасьыд вешйыштöма, дай куканьыд и куш лоöма. Ки нюжөдіс дякөныд, ныр помыс самöй сюри куканьыдлөн.

— Благöслöви Кростос, эг öд и тöдлы, кызди менам кагаыд петöма. Енмыд отсаліс, ёна кевми да, меным чужтыныд, эг и тöдлы. Но, а яндзимыс мый ыджда! Кытчö тайöс явитны лысьтан? Мый ме тайөн кера? Да öд и ыджыд зэв.

Но, а ветлӧдлігмозыд да шогсигмозыд дякӧныд ёна нин омӧльтчис, кынӧмьяс вӧснялӧма нин. Йӧзті ветлӧдлігад эз и пӧрччысьлы, пыр паськӧмнас узьліс, а со пӧрччысьӧмӧн, паччӧрад шоналӧма да, асьсӧ видлалӧ: и збыльысь кынӧм дзольмӧма. Зэв эськӧ любӧ лои, мый чужтӧмсӧ эз тӧдлыны, эз мучитчы.

— А кытчӧ тайӧс воштыны? Час ме тайӧс, мед сӧмын оз садьмы, петкӧда да юкмӧсаныс чӧвта.

Куканьтӧ босьтас дай петкӧдас, юкмӧсас брун шыбитас. «Кага-ысь» мыні.

— Сэсся позьӧ ӧні гӧтыр дорӧ мунны бӧр. Сӧмын эськӧ мед некы-тысь оз кывсы, некод оз висьтав!

И муніс гӧтыр дорад, бурдӧма. Гӧтырлы зэв любӧ:

— Сэсся он вись?

— Ог.

И найӧ овмӧдчисны бура. Эськӧ и кутісны грездас дякӧнтӧ кукань гусялысьӧн шуны, но мый сэсся вӧчан? Гусяліс да.

БЕРЕМЕННЫЙ ДЬЯКОН

Жили-были когда-то в волости, в деревне дьякон и его жена. Сперва, конечно, не давали рано жениться, учиться надо. Когда же после учебы дьяконом назначают, надо чтобы обязательно женат. И вот дьякон женился, живет с молодой женой. Она его любит очень: вкусно, хорошо кормит, дьякон лишь в церковь на службу выходит. Вот и начал полнеть, пухнуть. Жена посматривает, любитесь: муж гладеньким становится.

Как-то жена в шутку ткнула ему в живот:

— Не беременный ли ?

У дьякона от этого ёкнуло сердце.

— Уж правда, что ли, беременный я?

Живот растёт и растёт, стыд и срам.

А у них в деревне была одна баба по имени Лукерья, знахаркой считалась. Ладно, дьякон полнеет и полнеет, подумывает:

— Схожу-ка я как-нибудь, чтоб только жена не заметила, показаться тетке Луке, что она скажет.

Раз поздно вечером, найдя перед женой оправдание, пошел к тетке Луке. А у нее всегда народ вертится, ходят со своими бедами, спрашивают. Но как раз никого не оказалось. Постучался в крыльцо, тетка Лука выходит:

— Кто там?

— Тетка Лукерья, не очень шуми, это я, диакон.

— Что уж привело, благослови Христос, отец диакон? Ночью пришел, так поздно, батюшка ?

— Тихо, не шуми. У тебя никого нету?

— Нету, никого нету.

— Ну, открой, тогда поговорим.

Тётка Лука открыла, дьякон вошёл и говорит:

— Давай тихонько, чтоб никто ничего. Стыд божий, осмотри-ка, меня, может, поймешь. Не беременный ли я, скажи ты мне.

Тётка Лука щупала, щупала ему живот и говорит:

— И правда ведь ты беременный!

— Вот незадача,— дьякон вытащил из кармана бумажку и приготовился записывать:— А когда же мне рожать?

Тётка Лука назвала время, когда надо ожидать. Дьякон стал таким грустным. Понятно, он малость заплатил тётке и говорит:

— Прощай пока, да не проговорись никому. Чтоб, упаси, никто не знал.

Пошел домой мрачный. Жене ни слова, а она спрашивает:

— Что уж так, отец диакон,— по имени назвала,— такой стал ты очень невесел?

— А болею я что-то, и придется, видать, в больницу пойти.

— Пожалуй, нездоров ты, все чем-то опечален.

— Конечно, печален, если болею, видишь как живот раздуло.

А жена опять ткнула кулаком:

— Совсем уж ты как беременная баба, будто на сносях, до того большой живот.

Это вконец убило дьякона, и он подумал: вот незадача, придется бежать из дому! На бумажку ту он частенько посматривал: подходит

срок родов. Вот оделся он и говорит жене:

— Пойду в больницу. Не скучай, живи, а я пойду лечиться.

Ушел из дому, направился куда-то, по какой-то дороге. Куда-то идет, где-то ночует. Работать нигде не работает. У жены он украл сарафан, надел и этот сарафан, и платок, все по-женски. А живот, как говорится, до рта. И боится всё. Как-то заглянул опять в бумажку — в эти дни ему уже рожать. Ещё больше расстроился и думает:

— Сегодня бы у более порядочной хозяйки переночевать. Рожать придется сегодня.

Попросился к одним, жили они лишь муж да жена и пустили его ночевать, не отказали.

— Мне бы вот на печку надо, намерзся и погреться бы, пустите на печку.

Хозяева постелили:

— Ложись, ложись. Мы на печи не ночуем, мы на кровати спим.

А у них в этот день корова должна была отелиться. Стояла она в холодном хлеву. Тепло не было, а стояли крепчайшие морозы. Вот муж с женой и рассуждают:

— Кто раньше проснется, выйдем в хлев посмотреть корову. Не заморозить же теленка.

Затем когда-то и задремали, а дьякон все спит. Хозяева поспали, который-то потом из них проснулся и толкает другого:

— Надо выйти проверить корову, может, телится. Может, и теленок уже замерзает.

Вышли, и правда корова отелилась, видимо, сразу после того как легли. Теленок уже весь дрожит.

— Ах незадача, на печи занято, а то надо бы его поднять туда погреться. Давай шубу, укутаем и занесем на печь,— говорит хозяин хозяйке.

А дьякон крепко спал, ничего не слышал. Телку укутали в шубу и на печь затащили, за дьякона, к стенке уложили и шубой укрыли. Та с мороза в тепло попала и тихо лежит. Сами хозяева обратно легли и заснули. Проснулся когда-то дьякон и горюет:

— Господи, как мне даст бог родить сегодня?

В это время телка зашевелилась под шубой.

— Что-то тут есть уже.

Шуба сползла малость, и теленок обнажился. Протянул дьякон

руку, пощупал и как раз телячью мордочку нашупал.

— Благослови Христос, и не почувствовал даже, как у меня ребенок появился. Молился много, потому бог помог мне родить, даже не почувствовал. Ну, а стыд какой! Как об этом скажешь людям? И что я буду с дитём делать? Да ведь большой очень.

Пока вот так ходил на стороне и горевал, дьякон довольно сильно исхудал, и живот у него спал. В людях он и не раздевался, все время в одежде ночевал, а тут раздевшись себя щупает на теплой печи: и правда живот уменьшился. Хорошо, конечно, что о родах никто не знает и не мучился.

— Вот куда только дитё девать? Сейчас я его, чтоб только не проснулось, вынесу и в колодец сброшу.

Взял в охапку телку и вынес, спустил в колодец. Так избавился от «ребенка».

— А сейчас можно к жене возвращаться. Лишь бы люди не распознали, лишь бы никто не сказал!

И вернулся к жене вылечившийся. Той очень любо:

— Больше не болеешь?

— Нет.

И вот зажили они по-доброму. Хотя и прозвали дьякона в деревне телячьим вором, да что поделаешь? Ведь своровал!

ЕНМӨН СЕТӨМТОР

Крестьянинлөн вошас курөг. Корсяс, корсяс сійөс крестьяниныд дай аддзас поплөн курөг позйысь. Аддзас да юасьö:

— Мыйла нө тэ, батюшкой, менсьым курөгсө йөртін?

Попыд соссьö:

— Эг жө ме йөрт! Менам аслам курөгыд то мыйта. А содіс кө нөшта öти — сійө Енмөн сетөмтор либө. Сійө и сетіс, миян шань сьөлөма Крестосыд.

— А кыз нө сетіс, батюшко?

— Кевми ме сылы ёна, мися, Енмөй, сетышт меным Ыджыд видз борас яйтор. И сійө, видзөдтө, кыліс менсьым кевмөмтө.

Лои крестьянинлы гортас мунны тыртөм киөн.

Лун-мөд-коймөд колис, гашкө. Рытъядор видзөдө крестьяниныд өшиньөдыс да шензьө: сылөн мөс бөрся тирөдө-котөртө поплөн порсьыс. Код тодас, мый сылы, чошөйдлы, юрас пырөма, а крестьянинлөн мөс бөж помас быттьө сирасьөма. Овлө татшөмторйыс польөясыдкөд, ныр увсьыс сөмын и адзöны да. Крестьяниныд чепөсьяс ывлаас, восьтас карта өдзөссө. Мөс бөрсяяд сэтчө и поплөн порсьыд тшөтш пырас.

А мый сэсся вöчны крестьяниныдлы, тані и мөвпавнысө дыр нинөмла. Начкас чошөтө и куляс. Яйсө эськө меститас, да кучиксө йөз син улысь саймовтны оз на слөймы, попыд сэтчө и локтас. Видзөдө — сылысь порсьтө кульөмаөсь нин.

— Тэ нө мый вöчин, грека лов?! Менсьым порсьөс тай нө, рөзбойник, начкөмыд! — крестьянинтө лөкысь пинявны босьтчас.— Да тэнө Енмыс ёрас гусьясьөмсьыд!

А крестьяниныдлөн зэв лабутнөй воча кыв дась:

— Оз ёр менө. Ме порсьтө эг гусьяв, батюшко. Меным сійөс Енмыс сетіс. А кызди нө ёрас, ачыс кө сетіс?

— Сідз тэныд и сетіс, быдса порсьөс!

— Быдсаөс сетіс. Ме өд лунтыр кевми.

Мый сэсся татчө вöчас попыд? Нинөм. Сідзи жө и муніс куш киөн.

БОЖИЙ ДАР

Потерялась у крестьянина курица. Искал, искал крестьянин ее и нашел в курятнике у попа. Нашел и спрашивает:

— Зачем же ты, батюшка наш, мою курицу к себе загнал?

Поп не сознается:

— Да не загонял я! У меня своих курей гляди сколько. А если прибавилась ещё одна — от Бога значит она. Дар божий. Он и дал, наш всемилостивый Христос.

— А как дал, батюшка?

— Молил я его очень, говорил: «Боже наш, сниспошли мне после поста великого кусочек мяса». И он, видишь ли, услышал мои молитвы.

Пришлось крестьянину возвращаться домой с пустыми руками.

Минуло, может, дня два-три. Под вечер смотрит крестьянин в окно и своим глазам не верит: за его коровой семенит попова хаврунья. Кто знает, что ей, свинье-то, взбрело в голову, но бежит — все равно что к хвосту крестьянской буренки привязана. Случается такое с хрюшками, поскольку дальше своего рыла не видят. Крестьянин выскочил во двор, отворил хлев. За коровой туда и свинья последовала.

А что потом в таком случае крестьянину делать, тут и раздумывать долго нечего. Зарезал он свинью, шкуру снял. Мясо быстро распихал, а вот со шкурой замешкался. Не успел он ее убрать с чужих глаз, как поп заявился. Смотрит — с его хавруньи уже и шкуру содрали.

— Что же это ты наделал, грешная душа?! Мою свинью зарезал, разбойник! — взялся крестить он крестьянина. — Да тебя всевышний проклянет за воровство, — проткнул пальцем воздух над головой.

А у крестьянина ответ давно готов. Спокойненько так говорит:

— Не проклянет. Я твою свинью, святой отец, не крал. Мне ее Бог послал. А как же он проклянет, если сам же и дал?

— Так уж и дал тебе целую свинью!

— Да, целую свинью послал. Я ведь целый день молил.

Что было тут попу делать? Нечего. Так и ушел ни с чем.

ЁН КЫВ

Олісны-вылісны кык вок. Кыкнанныс вузасьом помысь олісны — купечалісны. Ётиыс вузасьё мудеравтөг, бур нимсё ассъыс видзёмён, йёзсё ылёдлытөг. Кыдзи ачыс шуё, правдаён вузасьё. А мёд вокыс сэтшём наян: вузасьё — кыз сёмын вермё ньобасъысьтё бёбйёдлө! Кривдаён вузасьё да олө. Правдаён вузасъыс вок некызди оз озырмы, а кривдаён вузасъыс нажөвитчө и нажөвитчө.

Но найо сэсса и венё воисны. Но, венё воисны кык вок, и өтиыс шуө: — Вольной светын яндзим төдөмөн овны бурджык.

Модыс ассыс дольо: кривдаон купечыдлы бурджык. Вензисны, вензисны и помё эз воны. Сэсса-й сёрнитчисны, петалам пё кузь туйо, ветлөдлыштам йөзөдыс да юасям, код ног шуасны.

Модисны кык вок ю пөлөн. А сэни вуграсысы. Юалоны сылысы, вольной светын пё правдаон али кривдаон овны бур. Вуграсысыды сэтшөм вөлөма, асланыс жө сюсы, кривдаон пё бур, шуө. А кык вокыд петигас пуктисны сэтшөм өбвет — сёрнитчисны сідзи: кодным дор пё водзджык шуасны куимысы, сылы и кыкнан овмөсным лоө. Законөн пё тайо лоө, куимысы кө өтарө шуасны.

Правдаон олысы вок и жугыльтчис, медводдза жө паныд сюрисыс мортыс эз сы дор шу да. Мөд вокыслы нимкодь.

Мунисны водзө, и паныдасис пода морт. Сылысы тшөтш юалоны. И бара тайо мортыд сэтшөм веськалөма, кривдаыд пё бурджык, шуө. Правдаон олысыды содтөд на жугыльтчис. Ладно, мунисны водзө, и бара пода паныдасис. Бара юалисны вокьясыд. И тайо дядьыд вочавидзис, кривданад пё бурджык.

Наяна олысы венис, сылөн закон тыри. И шуө вокыслы, мун пө, вокө, кытчө синмыд видзөдө да сийөн, мый вылысад, а ме пө босьта ставнас овмөстө, кызди мян өбветным вөли.

Озыр вокыд сэсса-й вокыслысы семьясө вөтлис, керкасө и став көлуйсө босьтис. Правдаон олысыдыды лои нопьясыны да мунны правда корсыны.

Мунис да мунис мудзтөдзыс. Вөлөкыд эз помасы, узымөдчыны колө, а некытөн. Туй бокас, видзөдө, ыджыд тупу воис. Пырис сы улө, узыны лөсьөдчө, а сэни, тупу улад, гөгөр кок туй. Тан пө кодкө олысы-яс эмөсы, чайтө, час жө пу йылас кая, а то локтасны, гашкө. Кавшасис тупу йылө, лөсьөдчис узыны өти вож вылө.

Вой шөр войнас, зонмө, пөим-ном мында мути-морыд сэтчө локтис. Медся ыджыдыс налөн пуксис, и ставныс модисны ошйысыны сы водзын. Öти шуө, ме пө тайөтө лөк вөчи, мөд — ме тайөтө омөль кери. А ме, ошйысыө өти мути, царлысы нывсө висьмөди, ку пиас пыралі да. И некоди пө оз вермы бурдөдны, ачым кө ог туйды. Со эстөн пө эм сюръя, сийө сюръя йывсысы ва петө, вежа ва. Сөмын сысысы царь нылыс бурдас.

А рөзөритөм купеч кывзө, и аслыс оз эскыссы, вөт али вемөс тайö. Вемөс жö! Югдигас сэсся лэччис, морьясыд мунисны да. Час пö, ветла царь ордö. Мунис да пондiс юасьны, и збыль, нылыд чорыда висьö, садьсö воштöма. Царь быд ногыс нин бурдöдöма да абу вермöма. Сэсся йöз дiнас шыасяс, кодi пö менсьым нылöс справитас, ас пыдди сийöс и пуксьöда.

Купечыд локтас царь дворечö, ме пö верма бурдöдны, сöмын вайö меным чожд вöв. Вöвтö сетасны. Босьтас туис, пуксяс вöв вылад и гөнитас, кытысь морыд висьталас ловья ватö. Локтiс, и збыль сюръя йывсьыд ва чулькйö. Туисад босьтiс, локтiс дворечад бөр и юктöдiс лимый ли, царь ныв пондiс справитчыны и справитчыны дай дзыкöдз бурдiс. Кывсис тайö, и йöзсö, локтöны да, тшöтш кутiс мездыны быд висьöмысь. Царлы нимкодь, со пö, локтiс бокöвöй морт да менсьым нылöс дай царствоысь йöзсö бурдöдö. Нывсö сетас сы сайö, и гöльмылөм купеч кутас царавны да зэв бура овны.

Коркö сэсся и кывсяс мöд вокыслы, со пö, сыысь озырджыка олö, царö воöма. Кыдзи нö йöзöс пöрийöдлытöг царöдз воис, шензьö мудералөмөн олысьыд. Вежöгыс петны мöдiс. Час жö ме ветла пö да аддзöдла.

Вокыд ордö воис, а мöдыс сылы: ме пö тай шулi, бурджык веськыд мортөн пыр овны. Со ме царөн лои, а тэ век на купеч. Кыдзи нö царнас лоин, юасьö наян вокыс. А ме пö сэтшöм вына, ён зарни кыв аддзи, тайö кывйыс — збыль, правда. Пыр сийöс висьталi и öнi висьтала ставсö веськыда, збыльсö. Кор овмöсöс менсьым босьтiн да ме мунi, туяс воис тупу. Сы йылö узымöдчи. Войнас сэтчö воисны мутияс, и öти ошйысьö, висьмöдi пö царевнаöс, а бурдöдны позьö куш ловья ваөн, кодi сэтöнитö петö сюръя йылысь. Ме и кутчыси бурдöдны царь нывсö, валаыс ветлi да. Сэсся менö и пунктiсны царад. Со пö мый артмис тупу йылын менам узыöмысь.

Озыр купечыд татчö и юалас, мый лöö, ме кö сэтчö жö ветла. Верман пö и тэ, шуö мöдыс.

И нопьясис да мунис горш вокыд висьталөм туйöдыс, аддзис сийö путö, кавшасис вылиас да мöдiс виччысьны. Вой шөр кад мыйöн лои, бара пöим-ном мында мор-мути воис сэтчö. Бара ошйысьöны асланыс ыджыдлы, кодi кöнi да кутшöм лөк вöчöма. А кодi вöйдөр висьтасьлис царь ныв тшыкöдысьнад, сийö и шуö, энлö пö ёна ошйысьöй, гашкö,

кодкӧ мянӧс кывзысь эм. Ме тай висьмӧдлі царь нывтӧ да ошйысьлі, а сійӧс бӧр лад вылӧ вайӧдӧма кодкӧ. Абу-ӧ пу йылас сійӧ? И давай кок пӧла морыд кавшасьны тупу вылӧ. Аддзис купечтӧ. Со пӧ тай кодӧ вӧлӧма! Юрсиӧдыс лэччӧдіс, и пыр жӧ чашйисны-косявлісны морттӧ.

Тадзи наянитӧм-пӧръясьӧмыдлы да кривдаыдлы пом воис. А мӧд вокыс, вына кывтӧ аддзӧма да, пыр на царствуйтӧ-олӧ. Ӧнія кадӧ правда кодъыд нинӧм абу.

СЛОВО — СИЛА

Жили-были два брата. Оба торговлей жили — купцами были. Один праведно торгует, без обмана, оберегая свое доброе имя. Как сам говорит, с правдой торги ведет. А другой брат такой хитрый, покупателя как только не обсчитает и обвесит, и объегорит. Словом, с кривдой торгуя живет. Тот брат, что по правде все делает, никак не бога-теет, а что по кривде — наживается и наживается.

Вот они заспорили. Заспорили два брата, и один говорит:

— На вольном свете лучше с правдой жить.

Другой на своем стоит: купцу лучше с кривдой. Спорили, спорили и согласия не нашли. Потому и договорились отправиться в долгий путь, мол, походим среди людей и поспрашиваем, как они рассудят.

Пошли братья вдоль реки. А там рыбак с удочкой. Спрашивают его, на вольном свете с правдой аль с кривдой жить хорошо. Рыбак таким оказался жуликоватым, говорит, с кривдой лучше. А братья, отправляясь в путь, так уговорились: за чью сторону раньше выскажутся трижды, тот и оба наши хозяйства получит. Если трижды за одного скажут, это будет закон. Живущий с правдой и погрузнел: первый же встречный сказал не в его пользу. Другому брату любо.

Идут дальше, навстречу им пеший попался. Его тоже спросили. Опять такой человек оказался, которому кривда лучше. Живущий по правде еще больше пригорюнился. Ладно, пошли дальше, и новый путник навстречу. И этого спросили братья. И этот говорит, с кривдой лучше.

Так победил жульничающий, его закон. Он говорит брату, мол, иди куда глаза глядят и в том, что на тебе надето, а я забираю все твое хозяйство, по нашему уговору.

Богатый брат и его семью прогнал, а дом и все добро себе взял. Пришлось живущему с правдой пойти с сумой свою правду искать.

Шел, шел, устал уже, заночевать пора, а селений не видно. Смотрит, у дороги большой дуб стоит. Свернул к нему, ночевать собрался, а глядь, под дубом-то полно следов. Думает, тут жильцы есть, дай-ка на дерево залезу, придут они, может. Залез на дуб, устроился спать на ветке.

В самую полночь, брат ты мой, тьма-тьмушая там чертей собралось. Ну, как гнус — тучей. Самый главный черт уселся, и каждый перед ним выхваляется. Один говорит, такое-то зло сотворил, другой — я такую-то пакость сделал. А я, бахвалится один черт, царскую дочь такой хворью заразил — никто не сумеет вылечить, если сам не подскажу. Вон там есть столб, с верхушки того столба вода бьет, живая вода. От нее только поправится царская дочь.

Слушает разоренный купец и не верит, наяву или во сне все это слышит. Не спит же все-таки! На рассвете спустился, когда черти разошлись. Схожу к царю, думает. Пошел, спрашивает — и правда, царевна тяжело заболела, без сознания лежит. Говорят, царь уже повсякому лечил и ничего не добился. Затем к народу обратился, мол, кто мою дочь выправит, того вместо себя на царство поставлю.

Заявился купец во царский дворец, сказал, что может вылечить, только резвого коня надо. Дали коня. Взял туеса, вскочил на скакуна и помчался туда, где черт указал столб с живой водой. Доскакал, и вправду с вершины столба струйка бьет. Набрал в туесок воды, вернулся во дворец и напоил или что сделал, не знаю, царская дочь начала поправляться и поправляться и вовсе выздоровела. Узнали об этом, начали идти к нему люди, а он не отказывает, от всякой хвори вызволяет.

Царю любо, вот пришел посторонний человек, мол, и спас мою дочь и людей моего царства врачует. Выдал царевну за него, и обедневший было купец стал царствовать и жить — не тужить.

Когда-то стало известно и другому брату, вот мол, богаче его за-

жил брат, царствует. Как же он царем стал, диву дается хитрец. Завидно стало. Дай-ка, говорит, схожу до него и повидаяю.

Пришел к брату, а тот ему: я же говорил, лучше честным человеком всегда быть. Вот я царем стал, а ты все купец. Как же царем стал, спрашивает жуликоватый брат. А я золотое, могучее слово нашел, отвечает тот, это слово — сила, это слово — правда. Всегда ее говорил и нынче говорю все честно, правдиво. Когда ты мое хозяйство забрал и я ушел, по пути встретился дуб. На нем заночевал. Ночью собрались там черти, и один выхваляется, что передал тяжелую хворь царевне, а справиться ее можно лишь живой водой, которая течет там-то с вершины столба. Я и взялся лечить царскую дочь, съездив за той водой. Вот меня и воцарили. Вот что вышло из того, что заночевал я на дубе!

Богатый купец тут и спроси: что будет, коли я туда же схожу? Можешь и ты, говорит брат.

Повесил жадный брат нищенскую суму за спину и пошел по указанному пути, нашел то дерево, залез и давай ждать. Как настала полночь, тьма чертей собралась. И опять хвастаются перед старшим, кто где какое зло натворил. А тот, от которого царевна захворала, говорит, погодите бахвалиться, может, кто подслушивает нас. Я вот заразил царевну дочь и похвастался, а ее кто-то сумел вылечить. Не на дереве ли он? И давай хромой черт забираться на дуб. Увидал купца. Ах, вот кто тут был! Спустил за волосы, и тут же изорвали человека! Так вот обману и кривде конец наступил. А другой брат, который слово-силу нашел, все живет и царствует. В наше время правда как ничто другое нужна.

ЖУГ-ЁГ, ШЫЛЛЬÖ-МЫЛЛЬÖ

Олісны-вылісны вит чоя-вока. Медыджыд чойыс лэччис ю дорö вала дай думайтчис: «Менам кö кага лоас, шöвк вöньöн вöньöда, ю дорас лэччас да пöдö кö». Бöрдны сэк мöдіс. Виччысисны, виччысисны сійöс гортас, эз во дай мöд чойыс лэччис. Лэччис да юаліс бöрды-ссыслысь:

— Мыйкө тай нө, чойө, бөрдан?

— Мый,— шуас,— ог бөрд. Тэныд кө висьтала, и тэ на бөрдан.

— Мый нө сэтшөмыс, он висьтав?

— Кага кө лоө, шөвк вөнён вөнёдан, ю дорас лэччас да пөдө кө, и тэ на бөрдан.

Пуксяс орччөн сыйкөд мөд чойяс да бөрдны жө кутас.

Виччыясны гортас, виччыясны, но мөд чой сідз оз и лок. Коймөд чой лэччас.

— Мыйкө тай,— шуас,— чойяс, бөрданныд?

— А мый,— шуасны,— ог бөрдө, тэныд кө висьталам, и тэ на бөрдан.

— Мый сэтшөмыс, он-ө висьталө?

— Кага кө лоө, шөвк вөнён вөнёдан, ю дорас лэччас да пөдө кө, и тэ на бөрдан.

И коймөд чой сэк бөрдны жө кутас. Нельөд чой лэччас. Виччыясны, да и сійө оз во. Сэсся вокыс лэччас.

— Мыйкө тай, чойяс, бөрданныд? — юалө.

— А мый ог бөрдө. Тэныд кө висьталам, и тэ на бөрдан.

— Мый инө он висьталө?

— Кага кө лоө, шөвк вөнён вөнёдан, ю дорас лэччас да пөдө кө, и тэ на бөрдан.

Вокыд скөрмас да тодмышкөдыс ставнысө гортаныс мөдөдас. Сэсся шуас:

— Ме тиянкөд ог ов. Муна да, тиян кодь кө йөйяс оз сюрны, гортө ог и волы.

Босьтас нянь ноп да мөдөдчас кытчө синмыс видзөдө и кытчө кокыс нуөдө. Висьтавны регыд, а муніс сійө бура дыр. Локтіс сиктө, аддзө — стрөйтөны керка. Ёти кер оз судз, да өтмөдар помас доддьялөмаөсь вөвъясөс — керсө нюжөдөны.

— Честь труда,— шуас.— Керка стрөитанныд?

— Стрөитам эськө, бур мортө, да керйяс оз судз да вөлөн нюжөдам, а кер оз нюжав.

— Вайө,— шуас,— сё шайт деньга, ме кернытө нюжөда.

— Сетам нин эськө,— шуөны,— нюжалас кө да.

Сёрнитчисны сё шайтысь. Сэсся сійө мортыд вөвъястө лэдзалис,

пила босьтіс, пилитіс содтөд, и кер нюжалі. А найө сэк шуоны:

— Но, тадзи кө вөчны, ми асьным кужим.

— А кужинныд кө, эськө вөчинныд, абу жө сямныд тырмөма. Керйыд өд оз нюжав.

И мөдөдчис водзө. Муніс, муніс, висьтавыны регыд, а муніс ёна дыр. Видзөдө — керка воис. Керкаас вөлөм югыдыс абу, да лым пыртлөны. Сійө и шуө:

— Честь труду. Мый нө ті тані вөчанныд?

— Вот, бур мортө, керка стрөитім да абу югыд.

— А ме,— шуө,— тіянлы югыдтө вөча, сө шайт кө сетанныд.

— Сетам нин эськө, югыдтө кө вөчан.

Сійө и тшөктас лымсө керкасьыс петкөдлыны. А лым петкөдігкостыс пыралас картаас да мөснысө начкас. Сьувъяссө да гадьяссө босьтас да рама вылө зэвтас. Сэсся писькөдас өшинь да рамасө пуктас. Налөн керка лоас югыд. Зэв лооны радось, лым пыртлөмысь мынісны. Карта вылө петісны — мөс начкөма. Пырасны дай шуасны, ми пө тадзитө асьным кужим эськө.

— А кужинныд кө, и вөчинныд, лым эськөн эн пыртлөй.

И мөдас водзө. Висьтавыны регыд, а сійө бура дыр нин муніс туй кузя. Ылісянь аддзө — өти пөрысь гозья өшсө пывсян вылас лэптөны.

— Мый нө ті тан вөчанныд? — юалө.

— Ми өшнымөс лэптам пывсян вылө йирсьыны.

Сійө и шуас:

— Сө шайт кө сетанныд, ме лэптыла йирөдныд.

Сетасны сылы сө шайт. Сійө кайлас пывсян вылас, турунсө нетшас и сетас өшкыслы. Сылы шуасны:

— Тэ тай зэв төлка. Кольчы, миянкөд олам.

— Ог,— шуас, ме ті кодь йөйясөс ветла корсьны.

Сэсся водзө мунас да мунас; видзөдө да аддзө: өти дядьө керкасьыс петалө да пыралө, киас пож кутө. Сійө и юалас:

— Мый нө тэ, дядьө, вөчан?

— Ме тшын пожйөн петкөдла.

Зон серөктас и шуас:

— Сетан кө сө шайт, ме тэнө тшын петкөдлөмсьыд мезда.

Сёрнитчасны сё шайтысь. Зон сылы пачас труба тэчас.

Сэсся мёдас водзё. Мунас, мунас да аддзё: ёти дядьё керкасыс петалас, ваё уськөдчылас да мыйкө вомас пыртас. Зон и юалё:

— Мый нё тэ, дядьё, вёчан?

— Ме шыд пуны ва пыртла вомён.

Зон серөктас да шуё:

— Мем кө сё шайт сетан, ме тэныд доз вёча.

Сетас сылы дядьё сё шайт, и сійё вёчас пу ведра, сямөд чуман да туис.

Сэсся и думайтны кутас: «Быдлаын жё эм миян кодь йёзыд». Бергөд-час гортас, а чойясыс век на ю дорын бёрдёны. Ставнысё катодас гортас. Кутасны овны зэв лёсьыда и ёні на олёны.

Со татшөм жуг-ёг да шылльё-мылльё. Та вылын и мойдыслы пом.

БРЫЗГИ-ДРЕБЕЗГИ, БЫЛИ-НЕБЫЛИЦЫ

Жили-были четыре сестры и брат. Пошла старшая на речку за водой и задумалась: «Если будет у меня ребенок, шелковым поясом опояшу, коли к реке спустится и утонет». И тут расплакалась. Ждали, ждали ее — не дождались. И спустилась к берегу вторая сестра. Спустилась и спросила у старшей:

— Отчего, сестричка, рыдаешь?

— А как,— отвечает,— не плакать. Если тебе расскажу, и ты заплачешь.

— Не скажешь ли, что случилось ?

— Коль ребенок будет, шелковым поясом опояшешь, если к реке спустится да утонет, и ты заплачешь.

Села рядом с ней вторая сестра и тоже заплакала. Ждали, ждали, но и вторая сестра так же не пришла. Третья сестра спустилась.

— Отчего это,— спросила,— сестрички, рыдаете?

— А как,— отвечают,— не плакать нам, если тебе расскажем, и ты заплачешь.

— Не скажете ли, что такое?

— Коль ребенок будет, шелковым поясом опояшешь, если к реке спустится да утонет, и ты заплачешь.

Тут и третья сестра заревела. Так и четвертая пришла их искать, да тоже села с ними плакать-горевать. Дома и ее не дождались. Затем брат спустился к реке.

— Чего-то, сестрицы, плачете?— недоумевает.

— А как не плакать. Если тебе расскажем, и ты заревешь.

— Чего же не рассказываете?

— Коль ребенок будет, шелковым поясом опояшешь, если к реке спустится и утонет, и ты заплачешь.

Брат разлился на плаксивых сестер и погнал всех домой, толкая в загривок. А потом говорит:

— Я с вами жить не стану. Уйду и, если таких же дурных не встречу, вовсе не вернусь домой.

Взял котомку с хлебом и пошел куда глаза глядят, куда ноги несут. Сказывать скоро, а шел он долго. Дошел до села, смотрит — дом строят. Одно бревно оказалось коротким, и хозяева запрягли к обоим его концам лошадок — хотят бревно растянуть.

— Честь труду,— говорит.— Дом строите?

— Строим бы, добрый человек, да бревно вот не достает. Растягиваем бы, а оно не удлиняется.

— Дайте,— говорит,— сто рублей денег, я вам растяну его.

— Дадим уж, лишь бы растянул,— отвечают.

Договорились за сто рублей. Затем пришлый человек этот распряг лошадей, взял пилу, отпилил кусок от другого бревна, приложил к первому — вот и стало оно длиннее. А строители тут говорят:

— Ну, если так, мы сами бы сумели.

— Коли умели, сделали бы, а вот не хватило ума. Бревно же не растягивается.

И пошел дальше. Шел, шел, сказывать скоро, а шагал очень долго. Смотрит — к избе пришел. В избе той, оказывается, темно, и снег заносят, чтоб светлее стало. Он к тем людям обращается:

— Честь труду. Что вы здесь делаете?

— Избу вот срубили, добрый человек, да она не светлая.

— А я,— говорит,— сделаю вам свет, если сто рублей дадите.

— Уж мы дадим, ты лишь сделай.

Велел он весь снег из избы вынести. Сам тем временем зашел в хозяйский хлев и корову зарезал. Взял кишки да пузыри и на раму натянул. Затем прорубил окно и раму вставил. Изба стала светлой. Хозяева очень рады, гость избавил их от таких хлопот— снег затаскивать. Заглянули в хлев, а корова зарезана. Заходят в дом и говорят: так бы мы и сами сумели.

— Если умели, и сделали бы, а не снег заносили.

И пошел дальше. Скоро сказывать, а он довольно долго уже топает по дороге. Издалека видит — старик со старухой пытаются быка поднять на баньку.

— Что вы тут делаете?— спрашивает.

— Быка на баню поднимаем, пусть там травку пощиплет.

Он и говорит:

— Если дадите сто рублей, я подниму быка, пусть пасется на бане.

Дали сто рублей. Он залез на баньку, всю выросшую на крыше траву нарвал и сбросил быку. Ему говорят:

— Очень ты смысленый, оказывается. Оставайся с нами жить.

— Нет,— отвечает.— Пойду поищу таких же дураков, как вы.

Затем шел, шел, смотрит — один мужик выбежал из избы да обратно, из избы да обратно, а в руке решето. Его и спрашивает:

— Что же ты, дядька, делаешь?

— Я решетом дым выношу.

Парень рассмеялся и говорит:

— Если дашь сто рублей, я тебя избавлю от этого.

Договорились за сто рублей. Парень мужику сложил трубу печную.

И дальше пошел. Шел, шел и видит — один мужик выскочил из дому, бросился в воду, в рот чего-то набрал и обратно в дом бежит.

Парень и спрашивает:

— Что же ты, дядька, делаешь?

— Я во рту воду на суп таскаю.

Парень рассмеялся и говорит:

— Если дашь сто рублей, я тебе посуду смастерю.

Дал мужик сто рублей, а парень сделал ведро из дерева и туес и лукошко из бересты.

Потом подумал: «Везде есть такие, как мы». Вернулся домой, а сестры все еще у реки плачут. Всех их повел домой. Зажили они по-доброму и нынче живут.

Вот такие брызги-дребезги, были-небылицы. На том и сказке конец.

ЗАРАНЬ

Мусяньыс вылын-вылын, енколаас, олісны Ен да сълён Зарань нылыс. Шаня да лӧня найӧ олісны. Гӧгӧр вӧлі сӧмын енэж — шыльыд, лӧз, ни джуджыд гӧра сэні, ни джуджыд сӧн, ни визув ю, ни шувгыс сук вӧр — нинӧм абу.

Гажтӧм лои Зараньлы енэжад.

Видзӧдӧ сійӧ увлань му вылас. А муыд абу тай енэж кодь: ӧтилаын вӧрӧн вежӧдӧ, мӧдлаын кӧдзаӧн вижӧдӧ, и юяс сы вывтӧ шлывгӧны, и вӧръяс сулалӧны, и гӧраяс зымвидзӧны.

Дзоргис, дзоргис Зарань муас дай ӧтчид шуӧ Енлы:

— Айӧй, мем тані гажтӧм, лэдз менӧ мусӧ видзӧдлыны.

— Мый сэн видзӧднысӧ,— дӧзмӧмӧн броткыштӧс Ен.— Омӧль сэні, му вылас: гӧра да увтас, да шуштӧм вӧр-парма, а пармаас тырыс шӧйтӧ скӧр зверь — ошгьяс да кӧингьяс.

Эз лэдз нывсӧ му вылӧ Енмыд.

Лун коли, мӧд, коймӧд, а Зараньлӧн юрсъыс оз петав муыд. Пом-ся мӧвпалӧ сійӧ, кутшӧмӧсь гӧраясыс да пыдіа кырӧм сӧнгьясыс, мый сэтшӧмыс сук вӧр-парма. Зэв кӧсйыссьӧ сылы ставсӧ аслас синмӧн адзывны. Весиг ошгьясыд да кӧингьясыд оз повзӧдны. Гашкӧ, чайтӧ, оз вӧрзӧдны найӧ менӧ. Но кызд муас лӧччыны?

Сэки Зарань казяліс ӧшкамӧшка, дзоньнас енэж вомӧныс шыбитчӧма, муӧдзыс судзӧдчӧма да вӧр юысь васӧ дуньгӧ-юӧ.

— Ӑшкамӧшка, ӧшкамӧшка, вай ме лӧчча тӧнад мышкӧд муас,— корис Зарань.

— Лэччы,— вочавидзис ошкамёшка,— сёмын тэрмась: ме кызди юны пёта, сідзи и пыр жё енэжас качодча.

Котөрөн уськөдчис Зарань ошкамёшкалөн мыш кузя увлань, да эз вевъяв муөдзыс воны: ошкамёшкалөн юсис, и сійё бөр кыпаліс енэжө. Забеднө лои Ен нывлы.

Сэксянь Зарань, мый көть вөлі оз вөч, пыр кыйкъяліс: кызди сэні ошкамёшкаыс, оз-ө бара ю васө муыввса юсьыс?

И кор өтчыд ошкамёшка бара копытчис юланьыс, Зарань навыс-кок уськөдчис лэччыны сьлөн визя мыш кузя. Тайё пөрийө сійё вевъяліс уліөдзыс и воськовтіс вежөдысь му вылө.

Друг Ен ныв кылө, кодкө сылысь юалө:

— Коді тэ татшөмыс?

Видзөдө Зарань, а сы водзын бур куысь мича паськөма том зон.

— Ме Зарань, Ен ныв. А тэ коді?

— Ме вөралысь, тайё местаясас көзяин, а шуоны Йигөрөн. Мый-ла тэ татчө енэжсьыд лэччин?

— Гажтөм мем енэжас, көсья мусө видзөдлыны.

— Сідзкө, гөстяөн ло, петкөдла тэныд став му мичсө.

Нуөдіс вөралысь Йигөр нывсө аслас угоддьөясөд, петкөдліс сылы вөръяс и кушинъяс, гөраяс и увтасінъяс, паськыд юяс и сөдз шоръяс. Ёна воис сьёлөм вылас Зараньлы пармаыс, дай Йигөр сылы кажитчис.

— Көсья дырджык овны тэнад муясын,— шуө сійё Йигөрлы.

— Дзикөдз кольччы,— вочавидзө сылы Йигөр,— мед менам муөй лоас и тэнад муөн.

Тадзи и кольччис Ен ныв овны му вылын.

Сэк кості Ен казяліс, мый сьлөн нылыс воши. Дзоньнас енколасө кытшовтіс — некысь эз аддзы. Видзөдліс муас да аддзис ассьыс Зарань нывсө вадорын олысь муыввса морт керкаысь.

Тшөктіс Ен ошкамёшкалы муланьыс копытчыны да шуис:

— Öдйөджык бөр гортө лок, ныланөй.

А мөдыс вөчавидзө:

— Оз кыскы менө енэжад, ме көсья му вылас овны.

— Му вылас тэ кутан овны пемыд вөрын, ветлөдлыны векни зверь ордымьясөд, сөйны муыввса лёк сөян.

— Көть мый, а ме кольчча му вылас.

— Тэныд лоо быдторйысь сьёкыд и дзескыд, мёдан висьны и пом-ся мырсьыны. Садсьяв, кытчөдз абу на сёр.

Зарань видзөдліс Йигөр вылө дай вочавидзис батыслы:

— Ог, ме сэссия некор ог бөр кай енэжад.

Скөрмис Ен да лэдзис му вылас вөвлытөм ыджыд жар. Тайё жар-сьыс лёбзис видзьяс вылас турун, вижөдісны-чорзисны пу коръяс, косьмисны юяс да ёльяс. Но медся пыдын сёнас коли ичөтик ва ключ. Сійё юктөдіс став ловъя ловсө.

Терпитісны Йигөр да Зарань чишкалысь жар кадтө, а Ен ыстө выль ускөттё: койё му вылө некор адзывтөм зэръяс. Ойдіс нач став увтасіныс, ва улө вошины ляпкыд гөраясыс, вошины джуджыдъясыс. Но Йигөр да Зарань пур вөчисны да сы вылын ловйөн колины.

Усис ыджыд ваыд, важ ног пуксис олөмыс. А Ен бара на лөсьөдіс наказанньө: сійё ылыстіс му дінысь шондісө, и му вылас лои сэтшөм көдзыд, мөдіс усьны лым, омлявны-шутьявны турөб, му вылас пуксис сьөд вой.

Но Йигөр да Зарань дзевсисны сук пармаө. Парма видзис найөс төвъясысь да көдзыдысь, пармаын жө вөралысь перйис кынөмпөт.

Дыр Енмыс эз лэдз шонділы югдөдны да шонтыны мусө, а кор сійё бөр мөдөдчис аслас туйөд и бара югдөдіс да шонтіс мусө, видзөдліс Ен увлань и аслас синлы эз эскы.

Ыджыд ю дорын, шондінас нимкодясьөмөн, сьылісны да йөктісны йөз, быдса рөд. И на пөвстын вөлі нывбаба, кодөс ставныс найө шуисны мамөн. Вөлі сійё Зарань ныв кодъяс жө ясыд, сөмын юрсиыс тайё нывбабаыслөн абу зарни рөма, а дзор.

— Висьтав мем, нывбаба, коді тэ? — юаліс Ен.

— Ме тэнад Зарань нылыд,— вочавидзис сійё.

— А тайё йөзыс, кодъяс тэ гөгөр гажөдчөны?

— Тайё миян Йигөркөд челядь, тэнө пөльөн шуысьяс.

Тадзи му вылын лои Йигөрлөн да Зараньлөн рөд — комилөн важ пөч-пөльыс.

ЗАРАНЬ

Высоко-высоко над землей, на небе, жили Ен-бог и его дочь За-

рань. Тихо и спокойно текла их жизнь. Вокруг было одно небо — ровное, голубое, ни гор высоких на нем, ни оврагов глубоких, ни рек текучих, ни лесов дремучих — ничего нет. Скучно стало Зарани на небе.

Смотрит она вниз на землю. А земля не то что небо: в одном месте зеленеет лесами, в другом — желтеет полями, и реки по ней бегут, и леса стоят, и горы возвышаются.

Смотрела, смотрела Зарань на землю и однажды сказала Ену:

— Отец, мне скучно здесь, пусти меня землю посмотреть.

— Что там смотреть, — недовольно проворчал Ен. — Плохо на земле: горы да овраги, да дремучий лес — парма, а в нем бродят свирепые звери — медведи и волки.

Не пустил Ен дочку на землю.

Прошел день, другой, третий, а у Зарани из головы не выходят мысли о земле. Все думает она, каковы горы и овраги, что такое дремучий лес — парма. Очень хочется ей увидеть все это своими глазами. Даже медведи и волки не пугают. Авось, думает, не тронут они меня. Но как попасть на землю?

Тут увидела Зарань радугу, которая через все небо перекинулась, до земли достала и пьет воду из лесной реки.

— Радуга, радуга, позволь мне по твоей спине на землю сойти, — попросила Зарань.

— Иди, — ответила радуга, — только спеши: я как напьюсь, так сразу поднимусь в небо.

Побежала Зарань по спине радуги вниз, но не успела добежать до земли: радуга напилась и поднялась в небо.

Досадно стало Зарани.

С тех пор Зарань, что бы ни делала, все время поглядывала: как там радуга, не пьет ли опять воду из земной реки?

И когда однажды радуга снова наклонилась к реке, Зарань со всех ног пустилась бежать по ее полосатой спине.

На этот раз она успела пробежать весь путь и ступила на зеленую землю. Вдруг она слышит, кто-то ее спрашивает:

— Кто ты такая?

Видит Зарань: перед ней стоит молодой парень в красивой одежде из пушистого меха.

— Я Зарань, дочь бога. А ты кто?

— Я охотник, хозяин здешних мест, а зовут меня Йигэр. Зачем ты спустилась с неба сюда?

— Скучно мне на небе, хочу посмотреть на землю.

— Что же, будь гостьей, покажу тебе всю земную красоту.

Повел охотник девушку по своим владениям, показал ей леса и поляны, горы и доли, реки широкие и ручьи светлые. Очень понравилась Зарани парма, Йигэр ей понравился.

— Хочу я подольше пожить в твоих владениях,— говорит она Йигэру.

— Оставайся насовсем,— отвечает ей Йигэр,— пусть моя земля будет и твоей.

И осталась дочь Ена жить на земле.

Тем временем хватился Ен дочери, а ее нет. По всему небу он искал ее — не нашел. Глянул на землю и увидел свою дочь Зарань в доме земного человека на берегу реки. Приказал Ен радуге наклониться к земле и говорит:

— Возвращайся, дочь, скорее домой.

А та отвечает:

— Не хочу на небо, хочу жить на земле.

— На земле ты будешь жить в темном лесу, ходить узкими звериными тропами, есть грубую земную пищу.

— Все равно я останусь на земле.

— Тебе придется терпеть лишения и нужду, тяжелый труд и болезни. Одумайся, пока не поздно.

Поглядела Зарань на Йигэра и ответила отцу:

— Нет, я больше никогда не вернусь на небо.

Рассердился Ен и напустил на землю великую жару. От этой жары поникла трава на лугах, листья на деревьях пожухли, высохли реки и речки, но на самом дне глубокого оврага остался один маленький родничок, он и поил все живое.

Перетерпели Йигэр и Зарань великую жару, а Ен шлет новое испытание: обрушил на землю невиданные ливни. Затопила вода все низины, затопила низкие горы, затопила высокие. Но Йигэр и Зарань построили плот и спаслись.

Спала большая вода, пошла было жизнь по-прежнему. Но Ен придумал новое наказание: он увел от земли солнце, и наступила на земле стужа, повалил снег, замела-завыла метель, земля погрузилась во мрак

Но скрылись Йигэр и Зарань в чаще пармы. Парма укрыла их от ветра и холода, в парме охотник Йигэр добывал пропитание.

Долго Ен не пускал солнце освещать и греть землю, а когда оно вернулось на прежний свой путь и снова осветило и согрело землю, посмотрел Ен вниз и глазам своим не поверил.

На берегу большой реки, радуясь солнцу, пели и плясали люди, целое племя. И была среди них женщина, которую они все называли матерью. Была она такая же ясноглазая, как его дочь Зарань, только волосы у этой женщины были не золотистые, а седые.

— Скажи мне, женщина, кто ты такая?— спросил Ен.

— Я твоя дочь Зарань,— ответила она.

— А кто эти люди, которые веселятся вокруг тебя?

— Это наши с Йигэром дети, а твои внуки.

Так на земле появилось племя Йигэра и Зарани — предки коми.

ИЧМОНЬ ДА ИНЬКА

Оліс-выліс коркё нывбаба, дёва. И өти пи быдтіс. Быдтіс ыджыдөдз нин. Коркё и тшөктіс сылы гөтрасьны. Пи сэсся гөтрасис. А кыйсьысь вөлі пиыс. Частё вөрө ветлө. Важөн өд пищальясыд вөліны дзюляникось. Омөлик пищальнад паныдасяс ошкөд да ошкыдлы некытчө оз имит. Мөдыд уськөдчас дай сійөс нөйтас ёна, кувтөдзыс лоө.

Ичмонь да инька¹ колины кыкөн. Инька кутіс өтдортны ичмоньсө, зэв ёна чиршөдлө. Полө, мый овмөссө да эмбурсө ковмас юкны. Но морттө кытчө воштан? Кывсьыліс, көнкө пө уна верст сайын, көнкө вөрын, олө кутшөмкө Ёма. Коді сы дорө веськавлөма, некод на ловйөн абу петлөма. Час жө пө ме помка пукта да моньтө мөдөдла сэтчө, мед ветлас, сэсь ловйөн сійөс оз лэдзны.

А важөн дөра вөлі кыёны, инькаыс и шуө ичмоньыслы:

— Мен колö кыны пуктыны, да ректаныс абу. Менам эськö аслам вöлі да чойлы сеті, да вот эз вай. Тэ он-ö ветлы?

Ичмонь, дерт, кывзысьö:

— Ветла, мый нö ог.

Ичмонь мөдöдчис инька чой ордö. Пасьтасис, вöччис мичаакодь, рöдня ордö öд көсьö мунны. Важөн вöлі сборник новлöны, юрас пуктіс сійöс. Инькаыс велöдіс:

— Мун сикт помöдзыс, деревнясьыс петан, нöшта мыйтакö мун, сэсья шуйгавылас туй кежö, сэті и мун. Сійö öтнас олö. Тэнö прими-тас, висьтась сöмын менам моньөн.

Но ичмонь мөдöдчис. Муніс, муніс, ме ог тöд уна-ö. Думайтіс ли, мый ли, вунöдіс, кытчö колö мунныд. Сикт помас воис дай горшыс косьмыны кутіс. Медбөрря керкаыс дзоляник, ляпкыдик, омöлик.

Час пö пыравла да тані шойччышта вöлöкас петтöдз, юышта да. Таркөдчис, восьтіс — öти пöчö сэтöні. И юны корис. Юктöдыштісны, шойчыштіс сэн. А пöчыд юалö:

— Тэ нö кытчö мунан?

— Ме муна могөн, көнкö пö тай вöрас олысь эм, сійö менам инь-калөн чой лö, сы ордö ректанла муна, кыны көсьям да.

Пöчö и пондіс:

— Сэн öд Ёма. Мыйла нö тэнö сэтчö ыстісны?

— Ог тöд, ректанла пö тай мун-а.

— Тэ сэтчö эн мун, сэсь ловйөн некод на эз петав. Ме кө ог велöд, и тэ он пет.

— Велöд, кызди колö.

— Ме тэныд вот сета анькытш, сэсья сета яй.

Сумкаö сөвтис яй, гашкö, кусök вит-ö-квайт, ме эг вöv, ог тöд стöча. Сэсья нөкйөн нөкъяліс сир да пуктіс туйсö. Сетіс сылы ки чышкөд, зу да зуд.

— Тайö ставыс тэныд ковмас. Но мунігад нинöm эн вошты, локтіг-кежлад видз.

Ичмонь быдса ноп сөвтис, шойччис да, гашкö, и кык лун муніс, ог тöд. Коркö Ёмалөн керка воис. Игöдчис. Петаліс кутшөмкö, синсьыс и казяліс, мый абу лючки, мыйкö абу ёна сюсь нога. Вöзйысис сылы:

— Мамыд абу гортад?

А шушкыль кывйөн сёрнитö петысьыс:

— Кыттьöкö муніс. Локтас узыныд.

— Ме гөститны локті да, виччыся.

Кольччис виччысьны. Недыр пукыштіс, да Ёма локтö.

— Охо-хо, кыськö талун гөстя воöма.

Мыйкö абу жö лючки: юрсиыс лёзь, дөрöмыс кок бан вылөдзыс, сьöд, кок лапаыс кузь, чуньясыс кузьöсь, гыжйыс нэмнас вундав-лытöм, варыш кодь. Нырыс крука, синмыс чай юан блюд кодь. Көть пышйы, да некытчö.

— Но локтін кö и гөститам.

Сёянтор лосьöдыштіс, вердыштіс да шуö:

— Мый, кутшöм могөн тэ локтін?

— А менö чойыд ыстіс ректанла.

— Менам абу прöст сійö. Эштöд, кы тайö дөрасö, сэсся и ну, кор прöстмас. Но, ладнö, вай вод гөбöч вылө менам нывкөд.

Ичмонь водіс сэтчö, а эсійö пöчöйд эз тшöкты узыны сылы. Сійö и дум вылад уси. Мыйкö полиштныкодь кутіс. Ёма нылыд пыр и унмов-сис. Сійöс пыдöджык водтöдіс мамыс, а ичмоньтö дорөдджык. Ёмаыд ачыс эз и вод. Гөбöчö пырис и пондіс пиньсö кеслыны.

Ичмонь страсть повзис: «Аттö дивö, бур оз ло татөн. Висьталіс мөдыд, эз тшöкты узыны, да, час, ме дорланьыс вешта нывсö».

Ёма ныв шкоргö-узьö. Ассьыс юрсьыс сборниктö пөрччис да сылы юрас пуктіс, вештіс ас местаас, ачыс пыдöджык водіс. Ныв эз садь-мыв, сэтшöм крепыда узьö. Ёма петіс да ичмонь пыдди юрсö первой видлаліс. Кодыс сборника, сійöс и кватитіс. Гөбöчö гири-люки кыс-кис, сэтöні сёйис ли, яй вöчис ли, ог тöд.

Асыыводз коркö чеччисны — ныв абу. Скөрмис Ёма:

— О-о, тэ, гашкö, тадзи кöсьян мудеравны? Көть мый, а ме дорö кö воин, он пет. Асыв и тэныд öчередь воас, ме тэнö виа.

Зэв страсть гөстядылы.

— Вай талун тэ кы тайö кыансö, а аски сэсся и, эштас кö, лэдза,— шуö көзяйкаыс.

Ичмонь пуксис, мыйкö сёйыштіс да. Ёма бара кытчöкö муніс. Кытчö ветлö, код тöдас. Лунтыр ичмонь тэрмасьöмөн кыис. Дөра оз чин ни оз сод. Вөлöм көлдуйтöма сійö. Видзöдныс удж вöчö, а оз чин ни оз

сод.

Бара рытын Ёма воис и шуө:

— Ох-хо, тэ тай абу и кыөмыд. Эн кө кы, и ректан он ну. Вот талун узь, аски кы, эштөд, и нуан.

Ёмаыд гөбөчад пырис, гөстяыд эз унмовсь. И шуис сийө пышйыны. Дөрәтө, лэччис да, ножичөн вундiс, ректантө босьтiс, нопсө кватитiс дай петны пондiс. Петны пондiс — өдзөсыд оз лэдз.

Сийө и шуө:

— Өдзөсөй, өдзөсөй, лэдз менө кызкө!

А өдзөсыс сэтшөма дзуртө, сьөкыд, веськыда горзө ыджыд гөлөсөн.

— Но тэнө тай некор нин абу мавтлөмаөсь, ме тэнө мавтышта, лэдз менө.

Сийө сэсса нөкья сирнад өдзөс дзиртө мавтыштiс, өдзөс сэтшөм шывгун кодь лоис и ичмоньөс лэдзис. Ичмонь кильчө вылө петiс, мунны пондiс. Мунiс, мунiс, да каньяс сы вылө уськөдчисны. Сийө котөртө мый вермө, но каньясыд оз лэдзны, сылы чужөмас чеччөны. Быдөн косявлiсны платтьөсө, авзөны-горзөны.

— Каньясөй, каньясөй, лэдзөй менө, ме тiянлы яй сета.

Яйтө сетiс налы нопсьыд. Каньяс яйөн ылалiсны, ичмоньөс эновтiсны. Ичмонь бара котөрөн, мый вермө мунө. Воис кутшөмкө лэбачьяс дорө. Найө синмас веськыда и пырөны. Синсө перйыны, кокавны быдөн көсийөны, вирөдз нин кокалiсны юрсө, чужөмсө. И шуө налы бурөн жө:

— Лэбачьясөй, лэбачьясөй, эн менө кокалөй, ме тiянлы анькытш сета.

Вот сийө и анькытштө налы койыштiс. Найө быдөн анькытшө сутшыкысны, кокасьны колины. Сийөс лэдзисны.

А Ёма коркө петiс, ичмоньөс көсийө гөбөчө пыртны. Петiс, пемыдас малыштiс, ичмонь абу.

— Аха, пышйөма тай. Көть кыз суөда.

Видлiс — ректаныд абу, дөрәтө вундалөма.

Куим саженьөн ли, куим метраөн ли воськов, Ёма мөдөдчис вөтөдны ичмоньөс зэв өдийө. А ичмонь кызкө шысө кылiс сылысь.

— Аттө дивө,— ичмонь шуө,— Ёмаыд суас менө. Мый ме кера? Час, ме тайө зудсө шыбита.

Зудсö шыбитіс, бергöдчыліс, туй вылад сэтшöм гöра сувтіс, джуджыд! Ёмайд воис да шензö:

— Аха, ещö кутшöм дошлöй! Видзöд кутшöм гöра лэптис. Но быть ме вуджа!

Гöраад кайис, кайис, вылöдзыс нин тökötö эз во, да гольснитіс-уси, быгыльтчис гöра подулöдзыс. Сідзи сійö кыкысь-куимысь кавшасис гöра вылö. Вуджис öд кызкö. Пондіс бара ичмоньöс вötöдны. Ичмонь нö сійö мый, воськолыд посниджык сылөн. А мöдыс волшебнöй вынөн вötödö. Бара Ёма вötödö.

— Но мый нö понда керны? Öні нин ме сюра. Суödас. Час, ме зутö шыбита, щötötö.

Бергöдчыліс да бөрвылас щötötö шыбитіс, и сэтшöм тшökыд рас лои. Ачыс бара водзö мöдöдчис. Ёмайд воис сэтчö, оз вермы прöйдитны. Бара скöрмис, броткö сәні:

— Вот тай кутшöм, потшис менö! Но нинöм, менам пиньясöй лёка лэчыдöсь.

И заводитіс ас водзсыс растö пөрлавны пиньнас. Йирыштö, йирыштö дай век водзö, зэв öдйö пөрöдіс сук растö. Прöйдитіс, бара вötödö зэв ыджыд воськолөн. Ичмонь век оз матыстчы гортланьыс. Век на ылын.

— Енмöй, Ёмайд вötödö менö. Мый нö лоö? А час, менам сир на эм.

Бергöдчыліс да сир туистö шыбитіс бөрвыв, лои сир ю. Ёмайд воис сир ю дорöдзыд, ичмоньыд мöдарас нин.

— Охо, кызкö тай тэ вуджöмыд, вай менö вуджöd!

Ичмонь шуö:

— Ме тай келі, вай тэ кев жö.

— Ог, эн ылöдлы, тэ зэв наян. Вай вуджöd менö.

— Ме ки чышкöd шыбиті да сы вывті вуджи.

Нопйысь кыскис бара пöчöйдлысь сетöм ки чышкöдтö да нюжöдіс сир ю вомöныд. Мойд мойд и эм, кызкö тай сир ю вомöныс судзис. Ёмайд уськöдчис ки чышкöd вылад и сирад и вöйи.

Сэсса ичмонь воис гортö, ректан вайис, инькалы сетö. А инькалы нинöм оз ков, пондіс ропкыны:

— Видзöд, морт на эз петав, а тайö ловйөн петіс кызкö-мыйкö.

А ичмонь гөгөрвоис ставсö да шуö:

— Ме тэкöд ог ов.

Сэсся быдөн эмбурсö юкны шöри ковмис, и öнi олöны торйöн. Гашкö, пöрысьыс кули, а томыс и öнi на ловъя.

СНОХА И СВЕКРОВЬ

Жила-была когда-то вдовая женщина. И одного сына растила. Вырастила, взрослым уже он стал. Как-то и велела ему жениться. Сын женился. А охотником был сын. Часто в лес ходил. В старину ведь ружья были мелкие. С таким ружьишком встретил он медведя и никуда косолапому не попал. Тот набросился да измочалил его, до смерти.

Сноха и свекровь остались вдвоем. Свекровь возненавидела молодуху, ко всему придирается. Боится, что хозяйство и все нажитое добро придется делить с ней. А человека куда денешь? Слух прошел, что где-то за много верст, в лесу где-то, живет Ёма-ведьма. Кто к ней попадал, никто еще живым не выбирался. Сейчас же, думает свекровь, причину найду и пошлю туда сноху, пусть сходит, оттуда живую ее не выпустят. А в старину холст ткали. Свекровь и говорит молодухе:

— Мне надо тканье начать, но мотовила нету. У меня свое было, сестре дала, да не вернула вот. Не сходишь ли ты?

Сноха, понятно, послушна:

— Схожу, отчего же нет.

Собралась сноха к сестре свекрови. Оделась, принарядилась довольно хорошо, к родне ведь идти. В старину сборник, кокошник такой, носили, и она надела его на голову. Свекровь поучает:

— Иди до конца села, выйдешь за околицу, еще сколько-то пройдешь, и затем налево дорога сворачивает, по ней и иди. Она одна живет. Тебя примет, только скажись моей снохой.

Ну, пошла молодуха. Шла, шла, не знаю сколько. Задумалась или другое что, но забыла, куда надо идти. До околицы дошла и пить захотела. Последняя изба маленькая, низенькая, худая.

Сейчас, думает, зайду и передохну здесь перед дальней дорогой, и попою заодно. Постучалась, открыла дверь — там одна бабка. И попросила пить. Напилась, отдохнуть присела. А старушка спрашивает:

— Куда же ты идешь?

— По делу я иду. Говорят, где-то в лесу жительница есть, так она моей свекрови сестрой приходится, к ней за мотовилом иду, ткать собираемся.

Бабушка и разговорилась:

— Там ведь ведьма. Почему же тебя туда послали?

— Не знаю, но послали будто за мотовилом.

— Не ходи ты туда, никто еще оттуда живым не возвращался. Если я не научу, и ты не выберешься.

— Научи, как надо.

— Я тебе дам вот гороха, потом мяса.

В суму наложила мяса, может, кусков пять-шесть, меня там не было, не знаю точно. Затем в туесок намешала смолы со сметаной. Дала полотенце, чесалку из щетины и брусок точильный.

— Все это тебе понадобится. Но по пути туда ничего не теряй, береги на обратную дорогу.

Набила молодуха целую котомку, отдохнула и, может, два дня шла. Когда-то и ведьмина изба показалась. Постучалась. Вышла какая-то девушка, даже по глазам заметно, что не всё ладно с ней.

Спросила у нее:

— Мать твоя дома?

А вышедшая шепелявит:

— Ухла худа-то. Пхидет носевать.

— Я в гости пришла и подожду.

Осталась ждать. Недолго посидела — вернулась ведьма.

— Охо-хо, гостя сегодня откуда-то пришла.

Тоже у нее неладно кругом: волосы растрепаны, рубашка грязная и до ступней, ступни длинные, пальцы тоже, ногти не стрижены. Ну как коршун. Налетела. Нос крючком, глаза — чайные блюдца. Хоть убегай, да некуда.

— Ну, раз пришла, и гостьей будешь.

Собрала немного на стол, покормила и спрашивает:

— По какому делу пришла?

— А меня сестра твоя послала за мотовилом.

— Оно не свободно у меня. Докончи вот эту холстину, тогда освободится и унесешь. Ну, ладно, давай ложись на голбец с моей дочкой.

Гостья легла туда, а та бабушка ведь наказывала ей не засыпать. Вот она и вспомнила об этом. И побаиваться стала. Ведьмина дочь тут же уснула. Ее мать уложила к стене, а гостью — с краю. Сама не легла вовсе. Залезла в голбец и начала там зубы точить. Молодую страх охватил: «Диво дивное, добра здесь не жди. Дай-ка я дочку сдвину на край».

А та храпит вовсю. Тогда она сняла со своей головы сборник да ей надела, сдвинула на свое место, а сама у стенки улеглась. Хозяйская дочь не просыпалась, так крепко спит. Ведьма выбралась из голбца и вместо гостьи голову своей дочери начала шупать. На которой кокошник, ту и схватила. В голбец поволокла с грохотом, съела там или изрубила, не знаю.

Утром встали — дочери нету. Ведьма разгневалась:

— О-о, может, ты надеешься так схитрить? Коли ко мне пришла, все равно не выберешься. Завтра твоя очередь настанет, я тебя погублю.

На молодую страх великий напал.

— Давай сегодня холст ткать, а завтра, если кончишь, отпущу.

Гостья села за станок, позавтракав. А ведьма куда-то ушла. Кто знает, куда. Целый день сноха торопливо ткала. А холсту не прибавляется и не убывает. Заколдованным он оказался. Смотришь — работа делается, а не убывает и не прибывает.

Вернулась вечером ведьма и говорит:

— Ох-хо, ты и не ткала. А не ткала — и мотовило не получишь. Сегодня заночуй, завтра работу закончи, тогда и дам.

Ведьма залезла в голбец, гостья не уснула. И решила она убежать. Спустилась и холст разрезала ножницами, взяла мотовило, схватила котомку и начала выходить. Хочет выйти — дверь не пускает. Она уговаривать:

— Дверца, дверца, выпусти меня как-нибудь!

А дверь такая скрипучая, тяжелая, прямо кричит полным голосом.
— Тебя, оказывается, никогда уже не смазывали, я смажу тебя, выпусти меня.

Затем помазала петли смолистой сметаной, дверь такая легкая стала и гостью выпустила. Та вышла на крыльцо и пошла. Шла, шла, и тут кошки дикие набросились. Она бежит изо всех сил, но кошки не отстают, прямо в лицо прыгают. Даже платье изорвали, мяукают-визжат.

— Кошечки, кошечки, отпустите, меня, я вам мяса дам.

Дала им мяса из котомки. Кошки на мясо набросились и отстали. Сноха опять бежит что есть силы. Добежала до каких-то птиц. Прямо в глаза и метят, выклевать хотят. Молодуха и к ним по-доброму обращается:

— Пташечки вы, пташечки, не клюйте меня, я вам гороху дам.

Вот она горох кинула врассыпную. Все птицы остались горошинки клевать. Ее отпустили.

А ведьма выбралась когда-то, хочет гостью в голбец затащить. Вышла, шупает в темноте — никого нету.

— Аха, убежала, оказывается. Все равно догоню.

Посмотрела — мотовила нету, холст изрезан.

По три сажени, по три метра ли шагая, ведьма помчалась вдогонку. Гостья услышала уже ее шаги.

— Вот беда,— говорит,— Ёма-то догонит меня. Как же быть? Брошу-ка я этот брусок.

Бросила точило, оглянулась — на пути такая гора поднялась, высокая! Добежала до нее ведьма, удивилась:

— Аха, еще и дошлая такая! Смотри какую гору возвела. Но я и через нее перейду!

Лезла, лезла на гору, малость до вершины не докарабкалась и бряк — поскользнулась, покатила вниз. Так она раза два-три карабкалась до вершины. И перешла ведь. Начала опять гостью догонять. А та что будет делать, шажки у нее куда мельче. Ведьма же волшебной силой обладает. И вот вновь уже догоняет.

— Что же делать? Сейчас уж попадусь. Брошу-ка чесалку-щетки.

Обернулась и кинула назад чесалку, и тут такая густая роща вдруг поднялась. Сама дальше спешит. Дошла до того места Ема, не может пробраться. Разозлилась опять, ворчит:

— Вот ведь какая, снова отгородилась от меня! Ничего, зубы мои шибко острые.

И начала перед собой чашу рушить. Вцепится зубами, вмиг перегрызет и дальше. Быстро очень через чашу пробилась, опять догоняет огромными шагами. Молодая все не видит родного дома, все еще далеко.

— Боже, настигает меня Ёма. Что же будет! Ах, у меня же еще смола есть в туеске.

Обернулась и бросила назад туесок — возникла смоляная река. Ведьма добежала до ее берега, а молодуха уж на той стороне.

— Охо, перебралась ты как-то, давай и меня переправь!

Та отвечает:

— Я вброд перешла, давай и ты тоже.

— Нет, не обманывай. Какая ты, оказывается, лукавая. Давай переправь.

— Я полотенце перекинула и по нему перешла.

Достала из котомки полотенце, что та же бабушка дала, и постелила через смоляную реку. Сказка и есть сказка, как-то через речку хватило. А ведьма ринулась по полотенцу да в смоле и утонула.

Потом сноха добралась до дома, мотовило принесла, свекрови дает. А той ничего не надо было, начала ворчать :

— Ишь, ни одна живая душа еще не выбиралась, а эта как-то целехонькая явилась.

Сноха поняла все и сказала:

— Я с тобой не буду жить.

Потом все добро пришлось делить пополам, и сейчас они отдельно живут. Может, и умерла старая, а молодая и поныне жива.

«МЕЛІА» СЁРНІТІС

Вот ётчыд Ласей дядьёс кучкаліс старшина. Кучкаліс сысысь, мый

эз чөвт сы водзын шапкасö.

Ласей дядь котöртис урадник динö.

— Мый тэныд колö? — юалö урадник.

— Менö старшина колскöдис, — шуис Ласей дядь. — Ме сы вылö закон корся.

— Менам законыд абу ылын, — вочавидзис урадник да пöвсалис сабля пуртöснас Ласей дядьöс. — Со, колökö, тэныд и закон! Некор эн норась старшина вылö.

«Абу тай шань урадникыд», — думыштис Ласей дядь да мунис станöвöй динö.

— Мый локтин? — букышön видзöдлис станöвöй.

— Менö, ваше благородие, старшина да урадник нöйтисны, — вись-талис Ласей дядь. — Ме на вылö закон корся.

— Тэныд закон колö? Петкöдла, колökö, тэныд и закон, — чеччис улöс вывсьыс станöвöй да дöвкнитис кулакön балябöжас Ласей дядь-лы. — Но, тöдан он, кутшöм законыд? Некор сэсся эн элясь начальство вылö!

«Станöвöйыд абу жö тай шань», — думыштис Ласей дядь да мөдöдчис карö исправник динö.

А исправникыд карад медся ыджыд начальник. Сы водзын весиг поньяс тиралöны, а йöз йывсьыд нинöм и сёрнитны.

Пырис Ласей дядь исправник ордö да кутис муöдз копрасьны. Быд копытчигön плешнас джоджö клён да клён. Видзöдлис исправникыд сы вылö да юалис:

— Мый тэныд, сьöд мужик, колö?

— Менö, ваше благородие, куимön зульöдисны.

— Коді?

— Медводдзаыс старшина, мöдыс — урадник, коймöдыс — станöвöй. Ме локти на вылö закон корсьны.

— Ме тэныд, сьöд мужик, законтö ог понды петкöдлыны, — серöктис исправник. — Менам киöй лым кодь еджыд, а тэ мыссьытöм. Верма ляксьыны. Мун бурön гортад да некор сэсся эн норась гырысь йöз вылö.

Ласей дядьлы зэв нимкодь лои татшöм кывьяс бöрад. Мунис сийö гортö да кутис висьтавлыны аслас тöдсаяслы:

— Шань жö мян исправникыд. Эз тай, майбыр, равöст ме вылö, эз кучкы, эз зургы, а сьöлöмсяньыс мекöд варовитыштис да тшöктис гортö мунны. Зэв мелі!

«ЛАСКОВО» ПОГОВОРИЛ

Как-то раз дядю Власия избил старшина. Избил за то, что дядя Власий не снял перед ним шапку. Власий побежал к уряднику.

— Чего тебе надо? — спрашивает урядник.

— Меня отлупил старшина, — отвечает Власий. — Я на него управу ищу. Закон.

— У меня закон под рукой, — сказал урядник и отдубасил дядю Власия сабельными ножами. — Вот тебе, если захотел, закон! Никогда не жалуйся на старшину.

«Ох какой недобрый урядник», — подумал Власий и пошел к становому. Тот взглянул исподлобья:

— Зачем пришел?

— Меня, ваше благородие, старшина и урядник избилы, — объяснил дядя Власий. — Я на них закон ищу.

— Тебе закон понадобился? Покажу, раз захотел, тебе и закон, — поднялся со стула становой и с размаху долбанул Власия кулаком по затылку. — Ну, узнал, каков закон? Никогда больше не жалуйся на начальство!

«Становой тоже такой злюка», — решил дядя Власий и собрался в город к исправнику. Он в городе самый большой начальник. Перед ним не то что люди, даже собаки дрожат.

Зашел дядя Власий к исправнику и начал до земли поклоны класть. При каждом поклоне лбом об пол бух да бух. Взглянул на него исправник и спросил:

— Чего тебе, черный мужик?

— Меня, ваше благородие, трое побили.

— Кто?

— Первый — старшина, второй — урядник, третий — становой. Я пришел сюда закон на них найти.

— Я тебе, черни, закон показывать не стану,— рассмеялся исправник.— Мои руки как снег белы, а ты немый. Могу испачкаться. Ступай-ка добром домой и больше никогда не смей жаловаться на больших людей.

Дяде Власию очень любо стало от таких слов. Вернулся он домой и стал рассказывать всем знакомым:

— Какой же добрый и ласковый наш исправник. Небось, не стал на меня кричать, не ударил, не ткнул, а душевно поговорил и велел отправиться домой. Очень добрый!

ЙӱЙ ИВАН

Коркӱ вӱлӱ ӱти сиктын гозья олӱны. Олӱны буракодь. Ӱтик пи и быдтӱны сӱмын. Сэтшӱм ышмысь, ворсысь! Тшӱктасны тадз вӱчны, а сӱйӱ этадз, мӱд ног вӱчӱ. Бӱб, йӱй. Иван-дуракӱн и шуисны.

Коркӱ праздник локтӱ налӱн, сура праздник.

— Колӱ сур пуны, да миян ӱд тагным абу,— гозья сӱрнитӱны.

А на сиктын эз вӱв некутшӱм тӱргӱвеч. Мӱд сиктын вӱлӱ, верст вит, а гашкӱ, и дас сайын.

— Иванӱс вӱлӱн ыстылам, сӱйӱ ньӱбалас.

Сур пуисны да пиныслы шуӱны:

— Иван, тӱн ковмас ветлыны тӱргӱвӱй ордӱ ньӱбасьны.

— Мый ме ньӱба, ог ӱд нинӱм куж.

— Ставсӱ кужан,— мамыс шуӱ.— Миян мӱсьясным кукаясисны да уна йӱв лысьтӱны, а кринча абу. Кринча кӱть меным вай, вит-ӱквйтӱс ньӱб. Совным абу, совтӱ ньӱбны ковмас дай тагтӱ вай. Гашкӱ, уна гӱстьясыд воасны миян да, кӱть пань кымынӱскӱ тшӱтш босьт. Пызан ньӱб, а то миян дзоля.

Унатор тшӱкталасны ньӱбавны. А Иван шуӱ:

— Ньӱба, ставсӱ ньӱба,— нинӱмысь оз пыксыы.

Вӱв додьялисны да Иванӱс мӱдӱдисны мӱд сиктӱ. Мунӱс да сов ньӱбис, ньӱбис таг, мешӱкьясӱ пуктӱс. Ньӱбис, гашкӱ, и кызь пань,

пу пань, пызан, дас кымын кринча ньобис. Додь тыр төвар Иванлөн. И локтө. Ог төд сэсса, збыльсы йой вөлі али прөста ышмө. Локны кутіс гортас, а вөрад туй бокад мыръяс сулалөны, дерт, шапкатөмөсь.

Иван шуө:

— Аттө дивө, мыйта татөн йөзыс ставыс шапкатөм. Менө тай нө мамө-батө некор шапкатөгыс оз лэдзлыны. Коньөръясөс колө шапкаөдны: зэрө тайөяс вылө. Час, менам кринчаяс эмөсь, сюяла.

Кодлы төрө юрас, быдөнлы кринчаяс сюялас, коді вөсныдджык мырйыс.

— Но, ті менө мөдысь виччө, аттө висьталө, мый ме тиянөс шапкаөді.

Ачыс бара доддө сөліс да сьылгтыр мунө. Вөв гөнитыштө, а телегаын сэтөні гуль-голь, гуль-голь паньясыд вөрөны.

— А час, ме тайө паньяссө мыръясыслы тшөтш сета. Со тай дөзмисны да шумитөны. Коля. Кринчатө тай пукталі, да сгөдитчис кодлыкө. А тайө сгөдитчас жө.

Паньястө быдөн мыръяс вылө пукталас. Сөлас бара, кутас мунны. А колө вөлі ю вуджны, абу джуджыд ю, кутшөмкө шор. Шор дорө воис да мыйкө сэтысь вөв юны мышкырасьө.

— Но, ю! — кевмысьө вөвлы, поведөд нюкыльтө, юрсө ваө суйө. Вөв повзис да лэптө юрсө.

— А гашкө, дуб да сійөн он ю? Час, ме солышта!

Совтө и кисьтас шорө. Вөв век на оз ю. Оз көнкө юсы, да кысь юас?

— Этша али мый? Час, ме ещө солышта.

Прөста йөйөн оз шуны. Ставсө совтө путкыльтас сэтчө.

Бара телегаө сөлас да мунны пондас, вөлыд гөнитө, туйыд эз вөв мольыд сэки, гөпта-гурана, тиркө-таркө телегаыд, а тагйыд кышакылө.

— А менам тай нөшта тагйыд вөзйысьө. Час, ме лэдза сійөс. Гашкө, ачыс мунас!

А төла вөлі зэв луныс. Таг мешөктө босьтис да төв йылө пыркнитис, ставсө төв нуис, мешөк тыртөм коли.

— Вот,— шуө,— өні лөсьыд зэв мунныд өтнамөнлы, вөля лои, сөмын пызан коли.

Бара телегао пуксис, вөвлы вачкө, вөв гөнитыштө, турки-тарки, турки-тарки пызан отарө-модарө катласьө.

— А мый нө ме тэнө нуа? Вөлыс тай нель кока да мунө. Тэ нель кока жө, ачыл локтан.

Туй вылө и пызансө сувтөдас, ачыс бара водзө мунө. Гортө воас. Сур пуомаось, чан сулалө, а таг эз вай.

— Көн нө тагйыд?

— Ньобли эськө, да кышакылө, вөзйысьө, да лэдзи төв вылө. Төв ваяс.

Видисны, видисны Иванөс.

— Йөй, йөй и эм, да ыстан ещө од кытчөкө со. А солыд нө көн?

— А вөлыд юны корис, да ме шорсө солалі, оз ю да.

Бара зэв ёна видисны:

— Йөй дуракыдлөн од йөй и уджыд.

— А көн нө паньясыд?

— Ме найөс коли мыръяс вылө, налы нинөмөн сёйнысө да, пукталі налы.

— А кринчаыд нө көні? Ньоблин эн?

— Ньобли эськө дасөс да, сэтөні войтырыс сулалөны шапкатөмөсь, ставсө шапкаөдлі.

Сэтшөма видисны, весиг нөйтисны Иванөс.

А тшанысь колө чужва сөдзөдны-вийөдны. Сэки и мамыс мунны лөсьөдчис:

— Час, ме ветла, ыж видзны петала, ыж йирөдны. А тэ чужвасө вийөд,— Иванлы мамыс тшөктас.

Иван зэв көсйыяс:

— Тайөс кужа, вийөда, вийөда.

Сійө тшансыс тув нетшыштас. Ставыс тшансыд чужваыд петас, джоджад киссяс. Ачыс сэтөн мыйсьюрө пожъялө чужваас. Көтөдлө ассыс дөрөмъяссө да, мый да.

Ыж видзанинын мамыс шуө:

— Час, ветла да видзөдла, мый мөмотыд керө, чужватө лэдзис-ө. Эз кө лэдз, велөда кызди колө.

Локтас, а сійө мыськалө чужванад джоджсө. Тшаныс тыртөм, ставыс петөма. Бара видіс, видіс. Бара зэв ыджыд пакөсть лои.

— Мун, ыжъясöй пышъясны, мун видзöд, мед оз мунны.

— Кызди ме видза?

— Кызди видзан? Гöнитны-мунны пондасны, да беддöн повзöдыш-тав найöс. Кытчöкö тшыгöмджыкинö, потшöс дорö чукöрт.

Ачыс сэтöн чужваöн ноксьö, а Иван мунис ыж видзны. Локтис ыжъяс дорö, горзö и шумитö. Ыжъяс син шармöдисны, град потшöс дорö чукöртчисны, Иван вылö видзöдöны. А сийö равзö:

— Мый нö ме вылö видзöданныд? Эн аддзывлö али мый?! Час, ме тiянлысь синнытö быдöнлысь тупкала.

Синсö беддöн быдöнлысь кыскалас, ыжъясöс нöйтас сэтшöм ёна, гортö локтас да висьталö:

— Мам, ыжъясыд водисны, узьöны.

— Ой, дуракыд сэн бара мыйкö вöчис!

Мам мунис, ыжъяс ставныс синтöмöсь, мунны некытчö оз аддзыны: нöйтöма, чегъялöма кокъяснысö. Кодöс позьö, гортас вайöдисны ловйöн, кодöс начкисны, кулисны кучиксö. Сидзи пондисны овны. Но гöльöсь нин зэв лоисны.

Вот сэсся праздник луныд воис, асланыс гöститöдныд нинöмөн. Чой ли, вок ли, кодкö корис найöс гöститны. Иванöс, шуöны, ог нуöдöй.

— Тэнö колям гортö. Тэ горт ов. Ов, да öдзöсьястö эн эновт. Амбар öдзöстö видз!

— Эн маитчöй, керка öдзöстö и амбар öдзöстö видза. Эн полöй, мунöй да гöститöй лабутнöя.

Мам да бать мунасны вок ордö гöститны. Иван öтнасөн пукалас, пукалас, мыйкö ветлöдлас ывлаын и думайтö:

— Аттö, найö гöститöны, а ме гортын пукала. Ветла тшöтш. Амбар öдзöстö да керка öдзöстö тшöктисны видзны. А ме ог и вошты, сьöрысь нуа.

Керка öдзöс перйис, пыртис керка пыткас, амбар öдзöс пельпом вылас босьтис и гöститны мунис мам-батыс дорö.

— Мый нö, мöмötöй, керка öдзöсьястö эновтин?

— Эг жö эновт.

— А мый нö?

— То татчö вайи,— петкöдлö амбар öдзöс.

— А керка öдзöсыд нö көн? Восьса көнкö колин?

— Керка öдзöссö дзеби.

— А кытчö нö дзебин?

— Гөбöчö пырті.

Мунісны — амбар ван восьса, нуалöмаöсь нин няньяснысö. Керка восьса, дзебöма öдзöссö. Бара зэв ёна видісны Иванös.

Сэсса сійöс нуисны армияö. Важөн тай вöлём, норасян кö, армияö босьтасны. Бать-мамыс норасьöмаöсь, Иванös нуисны, да эз и волы сійö. Сідзи и кытчöкö воши Иван.

А бöбыд ёна на уна коли!

ИВАН-ДУРАК

Жили когда-то в одном селе муж с женой. Жили не бедно. Одноединственного сына только и растили. Такой шалун, такой баловник. Скажут ему сделать так, а он этак, наоборот делает. Глупый, балбес. Иваном-дураком и звали. Вот праздник настаёт у них, праздник с пивом.

— Надо пива наварить, а у нас ведь хмеля нету,— муж с женой толкуют.

А в их селе не было торговца. В соседнем селе был, километров за пять —за десять, может.

— Ивана с подводой пошлем, пусть купит.

Пива наварили и сыну говорят:

— Иван, тебе придется съездить к торговцу за покупками.

— Чего я куплю, ничего я не умею.

— Все сумеешь,— толкует мать.— Коровы наши отелятся и много молока будут давать, а кринок нету. Кринки хоть мне привези, купи пять-шесть штук. Соли нету, соли купить придется, хмеля тоже. Может, много гостей придет к нам, и хоть ложек несколько купи тоже. Стол купи, а то наш маленький.

Много покупок заказали. А Иван в ответ:

— Куплю, всего куплю,— ни от чего не отказывается.

Запрягли лошадь и отправили Ивана в соседнее село. Поехал и купил соли, хмеля в мешки набрал. Купил около двух десятков ло-

жек, деревянных, купил стол, кринок десяток. Целый воз товара у Ивана. Вот возвращается. Уж не знаю, правда дураковат или просто балуется. Едет домой, а в лесу-то вдоль дороги пни торчат, понятно, голые, не накрыты ничем. Иван рассуждает:

— Что за диво, столько тут народу и все без шапок. Меня дак родители никогда без шапки не выпустят. Бедненьких надо накрыть, дождь же мочит их. Счас, у меня кринки есть, надену на них.

Куда подойдет, который пень потоньше, тот и кринкой накрывает.

— Ну, вы меня другой раз ждите, спасибо скажите, что я вам шапки раздал.

Сам опять сел в повозку и едет припеваючи. Лошадка бежит по-маленьку, а в телеге бряк-звяк, звяк-бряк — ложки тарахтят.

— Счас, я эти ложки пням тоже раздам. А то рассердились и шумят. Оставлю. Кринки же раздал, и пригодились кому-то. И ложки понадобятся.

По ложке на пенек разложил так. Поехал дальше. А надо было речку переехать, мелкую такую, не речку даже — ручей. Подъехал к ручью, а тут лошадь норовит напиться.

— Ну, пей!—уговаривает лошадку, тянет за повод, мордой до воды наклонить хочет. Лошадь пугается, голову поднимает.

— Может, потому не пьешь, что пресная? Счас, я посолю.

Соли насыпал в ручей. Лошадь все так же не пьет.

— Мало, что ли? Счас, еще посолю.

Неспроста дураком прозвали. Всю соль вывалил в ручей. Потом уселся в телегу и поехал, лошадь поспешает в сторону дома, а дороги тогда не гладкие были, ухабы да бугры, телега тарахтит, и в мешках хмель шуршит,

— А, у меня, оказывается, еще хмель просится. Счас, я выпущу его. Может, сам пойдет?

А день был ветреный очень. Мешок с хмелем взял да на ветру вытряхнул, ветер все унес, пустой мешок остался.

— Вот,— говорит,— сейчас хорошо одному ехать, привольно стало, лишь стол остался.

Снова сел в телегу, лошадь погоняет, та поспешает, с грохотом стол кренился то в одну, то в другую сторону.

— А чего же я тебя везу? Лошадь вон на четырех ногах и бежит. У тебя тоже четыре ноги, сам прискачешь.

Прямо на дороге и поставил стол, сам дальше поехал. Доехал до дома. Там пива наварили, целый чан стоит, и хмеля сын не привез.

— Где же хмель?

— Купил ведь, но шуршит, просится, я и пустил на ветер. Ветер пригонит.

Ругали да ругали Ивана:

— Дурак дурак и есть, еще ведь посылаем куда-то. Где же соль?

— Лошадь пить захотела, и я ручей посолил, потому что так не пьет.

Опять крепко поругали:

— У глупого и работа дурная.

— А где ложки?

— Я их на пнях оставил, им нечем есть, и я им раздал.

— Кринки где? Покупал ли?

— Покупал было с десяток, да там люди стоят простоволосые, я всем вместо шапок раздал.

Уж так отругали, даже побили Ивана.

А из чана надо сусло прогнать-процедить. В это время мать уйти собралась:

— Сейчас я схожу, овец попасу, пусть траву пощиплют. А ты солод гони,— Ивану наказ дает.

Иван весь в старанье:

— Это я умею, нацежу, нагоню.

Вытащил в чане втулку. С суслом весь солод из чана вышел, на пол пролился. Иван давай в солоде одежду полоскать. Замачивает свои рубашки и прочее.

Мать тем временем на пастьбе беспокоится:

— Схожу-ка да погляжу, что там придурковатый вытворяет, выгнал ли сусло. Если не гонит, научу хоть.

Приходит, а он суслом пол моет. Чан пустой, всё вытекло. Опять ругала да ругала: такую пакость наделал.

— Иди, овцы разбегутся, иди и паси, чтоб не убежали.

— Как пасты?

— Как пасут? Разбежаться если начнут, палкой попугай. Куда-нибудь на более тесное место, к изгороди гони их.

Сама суслон занялась, а Иван пошел овец пасти. Пришел к овцам, кричит да шумит. Те глаза вытарасили, к изгороди жмутся, на Ивана косятся. А он орет:

— Чего на меня глаза вылупили? Не видели, что ли?! Сейчас я вам всем глаза позакрываю.

Взял да палкой всем овцам глаза выколол, каждую отколошматил, затем пошел домой и рассказывает:

— Мам, овцы легли, спят.

— Ой, чего-нибудь дурак опять наделал!

Мать пошла. Овцы все ослеплены, не видят куда идти: он их палкой избил, ноги переломал. Которых можно было, живыми еще привели к дому, которых зарезать пришлось, шкуры снять.

Так начали жить. Но изрядно уже обеднели. Вот и день праздника настал, а у них уже нечем гостей принимать да угощать. Из родни кто-то пригласил их самих погостить. Ивана, договариваются, не возьмем.

— Тебя дома оставим. Сиди тут. Хозяйничай. Да двери открытыми не оставляй. И за дверью амбара посматривай тоже!

— Не беспокойтесь. Двери дома и амбара буду стеречь. Не бойтесь, идите и гостите спокойно.

Мать и отец ушли в гости. Иван же посидел, посидел один, походил во дворе и рассуждает:

— Что за диво, они гостят, а я дома сижу. Схожу тоже. Двери дома и амбара велели стеречь. Я и не потеряю, с собой возьму.

Входные двери снял с петель, затащил в избу, амбарную дверь звалил на плечи и пошел к родителям тоже гостить.

— Что же ты, балда, двери оставил?

— Я не оставил.

— А что же?

— Сюда притащил, — показывает амбарную дверь.

— Где дверь от дома? Открытым поди оставил?

— От дома — спрятал.

— Куда спрятал?

— Я ее в подпол затащил.

Прибежали — амбар нараспашку, весь хлеб уже растащен. Дом открыт. Опять крепко поругали Ивана.

А потом его забрали в армию. В старину было, оказывается, если пожалуешься, забирают. Родители пожаловались. Ивана забрали, после того он так и не возвратился. Так и пропал куда-то Иван. А дураки остались.

КӨЧ ДА РУЧ

Олісны-вылісны коркө важөн көч да руч. Өти чомйын олісны гожд-
өмнад, а көдзыд арыс пондіс воны, да мыйкө вензьяштісны. Өтиыс
шуө:

— Ме тэкөд ог ов!

Мөдыс шуө:

— Тэкөд ме абу жө сөглас төвйыны! Вай торйөн стрөитчам.

Руч вөчис йи чом, а көчыс вөчис пуысь.

Торйөн төвйисны. А тулыс воис, пондіс нин шоныд лоны, лым
сылыштны кутіс. Ручлөн йи чомйыд быд лун сылыштө жө. А көчлөн
дзюнь колис. Ручлы завидь лои. Локтіс көч дорө дай шуө:

— Көчөй, көчөй, лэдз менө шонтысьны.

А көч шуө:

— Ог, менам өд аслым муртса пуксьыштны паччөрыд.

— Мем оз и ков паччөрыд. Менө өдзөс дорад лэдзыштлы, сэн
шонтысьышта да бөр муна.

Көч зэв эскис та вылө:

— Но инө, пырав, шонтысьышт. Он өд тэнө кынты!

Пырис руч өдзөс дорө, сулыштіс, сулыштіс өдзөс дорын дай шуө:

— Көчөй, ме лабичад ог пуксьыштлы?

— Мудзин кө, пуксьыштлы, шойччышт.

Руч лабичын пукаліс, пукаліс дай шуө:

— Ме тэ дорө ог пуксьыштлы шонтысьны?

— Но инө, шонтысь да вөлись пет.

Руч паччөр дорөдз кайис, көчөс босьтіс да ывлаө вөтліс. Көч, коньөр,

муніс кытчөкө, поноль улө пуксис дай бөрдны кутіс. Зэв ёна бөрдө, коньөр, лыддьөдлөмөн. Локтө коч жө дай шуө:

— Мый кө, көчильөй-чойильөй, тани бөрдан?

— Кыдзи нө ог бөрд? Ми ручкөд стрөйтчим: сийө стрөитіс чомсө йиысь, а ме пөв чом вөчи. Тулысыд воис, да сылөн сыліс, а менам эз. Локтіс да менө со вөтліс!

Кык көч мунісны, көсйисны ёна повзьөдны ручөс. Матыстчисны дай горөдісны:

— Ручөй, пет, пет! Он кө, ми тэнө көдзыд ваөн коялам!

А руч шуө:

— Ог пов көдзыд ваысь ни пөсь ваысь! Ме тиянлысь чужөмнытө парсала, пета да! Мунөй татысь. А бөжөн кө өвтышта, кокныд чегла-сяс!

Найө зэв ёна повзисны дай бөр пышйисны. Öти көсөй өтарө муніс, мөдыс мөдарө, бара пуксис поноль улө да бөрдны кутіс. Зэв ёна коньөр синва кисьтө.

Пондіс сәті мунны көин, шуө:

— Көчильөй-чойильөй, мый нө тани тэ бөрдан?

— А мый нө ме ог бөрд: руч вөчис йи чом, а ме пөв чом. Тулысыд воис, сылөн йи чом сыліс, а менам пөв чомйыд эз. Локтіс да менө вөтліс. Паччөрө водіс да менө оз лэдз керкаө весиг шонтысьны.

— Вай кыкөн вөтлам сийөс.

Вот найө мунісны, көч да көин, руч өшинь улө. Көин и шуө, локтіс да:

— Ручөй, ручөй, шуласны, йөз вөв вылысь нйитө лоө лэччыны, а йөз керкасыд өд сідз жө лоө турөбас петны. Вай пет!

Руч эз повзый:

— Мунөй татысь! Ёнджыка кө менө дөзмөданныд, пета да синнытө кыска, бөжөн тиянлысь кокнытө чегьяла!

Найө чөв усины. Көиныйд эськө абу полысь, да эз вөтлыныд вермы.

Бара вөрө мунісны, өтикыс өтарө, мөдыс мөдарө. Көч сәтөні бара ёна бөрдө, коньөр. Бөрдіс, бөрдіс, некодсянь отсөг абу.

Друг да петук локтө. Бөж лэптөма, косяяс чургөдөма, сорссө сувтөдөма, сәтшөма биён оэйө, локтө, «котык-котык» шуө, көчлысь юасьө,

код-код-кодi лысьтiс сийӧс дзерӧдны, мыйла бӧрдӧ.

А кӧч шуӧ:

— Кызди нӧ, петукӧй, ме ог бӧрд? Ми ручкӧд олим, руч вӧчис, лӧгасим да, аслыс йи чом, а ме вӧчи пӧв чом. Тулысыд воис, да сылӧн чомйыд сылис, а менам пӧв чомйыд эз. Локтiс да менӧ вӧтлис. Ӧни менам керкаын олӧ. Менӧ весиг шонтысьны оз сибӧд.

— Эн бӧрд! Вай мунам да мекӧд вӧтлам!

Кӧч шуӧ:

— Да кысь нин ми вӧтлам?! Ми кӧчкӧд ветлим да эг вермӧ кыкӧн вӧтлыны, кӧинкӧд ветлим, да эгӧ вермӧ вӧтлыны. А тэысь сийӧ оз нин пов!

— Повзьӧдам!

Вот петук коса лӧптӧма, сӧмын чапайтӧ-восьлалӧ, кӧч бӧрсяныс локтӧ, синвасӧ век на чышкалӧ. Матысмыны кутiсны. Руч кылiс кок шысӧ:

— Кодi сӧтӧни кылӧ?

Петук шуӧ:

— Котык-котык, тайӧ ме локта, гӧрд сапӧга, пельпом вылын коса вая, ручлысь кӧсья юрсӧ керавны!

Руч повзъыштiс:

— Пета, пета!

Ачыс век на оз пет.

Бара петук шуӧ:

— Котык-котык, пет, ручӧй, сӧтысь! Йӧз керкаысь турӧбын тӧныд ковмас петны! Пет!

Руч бара:

— Нӧрӧвитлӧй, кӧмасы.

— Ӧдйӧджык тӧрмасы!

Руч сӧтӧни мыйкӧ ачыс век на думайтӧ.

Петук коймӧдысь горӧдiс:

— Ручӧй, ручӧй, пет сӧтысь. Он кӧ пет, ме гӧрд сапӧга локта, пельпом вылын лӧчид коса вая, тӧнсьыд, ручлысь, юртӧ керала!

Ручлӧн сӧлӧмыс петны кутiс вомӧдыс, да кызди тай паччӧр вывсьыд брызнитiс-лӧччис ӧшиняд. Ӧшинь зиль-зельпазӧдiс и лыйыштiс вӧрӧ. Кӧч пырис керкаӧ петуккӧд. Петук шуӧ:

— Ӧшиньтӧ сюяв нитшкӧн. Эн сибӧд сӧсся водзӧ кежлӧ. Ме ылӧ муна.

ЗАЯЦ И ЛИСА

Давным-давно жили заяц и лиса. В одной конуре провели лето, а холодная осень подошла, и не поладили они чего-то. Заяц говорит:

— Я с тобой не стану жить!

Другая в ответ:

— Я тоже не согласна с тобой зимовать! Давай по отдельности строиться.

Лиса выстроила ледяную конуру, а заяц — деревянную. Переживали поодиночке. А весна уже настает, теплее становится, снег тает. Лисья конурка тоже помаленьку подтаивает. А у зайца целая осталась. Завидно стало лисе, пришла к зайцу, стучится:

— Зайчишка, зайчишка, пусти меня погреться.

А тот отвечает:

— Нет, у меня ведь печурка — самому чуть присесть.

— Я и не прошусь на печку. Ты меня к порогу пусти, там отогреюсь и уйду.

Заяц поверил лисе:

— Ну ладно, зайди, погрейся.

Зашла лиса, постояла, постояла у двери и завела разговор:

— Зайчишка, нельзя ли мне на лавке посидеть?

— Посиди, коли устала, отдохни.

Сидела, сидела лиса на лавке и говорит:

— Нельзя ли рядом с тобой погреться?

— Ладно, погрейся и потом уж выйдешь.

А лиса на печь залезла, взяла и выгнала зайца на улицу. Зайчишка бедный пошел куда глаза глядят, сел под елочку и заплакал. Горькими слезами плачет беденький, причитая. Идет другой заяц и спрашивает:

— Что ты, братец, тут плачешь ?

— А как же не плакать? С лисой мы жилье построили: она сделала ледяную конуру, а я деревянную. Весна настала, и ее конура растаяла, а моя нет. Пришла она и выгнала меня.

— Пошли, вдвоем мы ее прогоним!

Пошли два зайца, хотели страху навести на лису, подошли к кону-

ре и закричали:

— Вылетай, лиса! Если не выйдешь, мы тебя ледяной водой обольем!

А та в ответ:

— Не боюсь ни холодной, ни горячей воды! Вот выйду и вам морды расцарапаю! Убирайтесь. А хвостом взмахну — ноги переломаю!

Перепугались зайцы и назад убежали. Один в одну сторону сиганул, другой — в другую. Опять сел заяц под елочку и в слезы. Ручьями прямо льет.

Привелось там волку пройти, спрашивает:

— Зайчик-братик, чего ты плачешь?

— Как мне не плакать: лиса выстроила ледяную конуру, а я дощатую. Весна настала, ее конура растаяла, а моя нет. Пришла лиса и выгнала меня. Легла на печь и не пускает меня даже погреться.

— Давай вдвоем ее прогоним.

Вот двое они, заяц и волк, пришли к лисе под окна. Пришли, и волк говорит:

— Лисица-плутовка! Как говорится, с чужой лошади придется в грязь слезать, а из чужого дома в метель выходить. Ну-ка, брысь!

Лиса и не думает пугаться:

— Убирайтесь сами! А выведете меня из себя — выскочу и глаза выцарапаю, хвостом ноги переломаю!

Те примолкли после таких угроз. Волк бы и не трус, да не смог выгнать лису.

Обратно в лес пошли, волк в одну, заяц в другую сторону.

Заяц тут опять в слезы, бедный. Плакал да плакал: ни от кого подмоги нет.

И вдруг да петух идет. Хвост высоко — коса наостро, гребешок торчком да так и пылает огнем. Идет, у зайца спрашивает, кричит, кот-кот-кто посмел его обидеть, почему плачет.

А заяц в ответ:

— Как же, Петрован, мне не плакать? Мы с лисой жили, а затем разругались и каждый себе жилье выстроили, она себе ледяное, а я дощатое. Как весна пришла, ее жилье растаяло, а мое нет. И выгнала меня лиса. Сейчас в моей конуре живет. Меня и близко не подпускает.

— Не плачь! Пойдем и ее прогоним давай!

Зайцу не верится.

— Где уж нам прогнать?! Мы с зайцем ходили и прогнать не смогли, с волком ходили — тоже не смогли. А тебя она и вовсе не побоится!

— Побойтся!

Вот петух поднял свою острую косу, гордо вышагивает, заяц за ним трусит, слезы вытирает. Стали приближаться к конуре. Лиса услышала грозные шаги:

— Кто там идет?

Петух отвечает:

— Кот-кот-кот! Это я иду, в красных сапогах, на плече острая коса, хочу лисе голову отрубить!

Лиса испугалась малость:

— Выхожу, выхожу! — а сама все не выходит.

Петух опять грозит:

— Кот-кот-кот, убирайся, лиса! А то придется тебе из чужого жилья в метель выходить! Выходи сейчас же!

Лиса опять хитрит:

— Погодите, обуюсь.

— Побыстрее собирайся!

Лиса там все что-то свое раздумывает.

Петух третий раз кричит:

— Лисица-плутовка, выходи оттуда! Если не выйдешь, я в красных сапогах иду, на плече острую косу несу, тебе, лисе, голову отрублю!

У лисы со страха уже сердце вот-вот выскочит из груди. И как она сиганет с печки прямо в окно! Окно разбила вдребезги и в лес умчалась без памяти. Заяц и петух зашли в конуру. И петух сказал:

— Окно позатыкай мхом. И впредь близко не подпускай лису. Я далеко уйду.

ЛӖСЬЫД ОЛӖМ

Оласны-выласны пӖрысь гозъя, налӖн вӖлас куим ныв.

Медыджыд нывсö пондас коравны ош, но гозъя оз кöсйыны сетны сы сайö. Кутшöм пö олöм лёк ош сайын! Мöдасны ылöдчыны да ыстысьны, томджык на пö, мед нöшта ныв кöсасö новлас, бабаюрсö новлыны эштас на.

Шöр нывсö коравны локтас кырныш — бать-мам гозъя пыксöны жö, абу сöгласöсь сетны нывсö сы сайö. Кызди нö позьö лоны съод кырныш гöтырөн! Ыстысьöны, водз на пö та йылысь мöвпавны, мед на пö нывка юрөн мыйкö дыра олö.

А медичöтсö, чаль чуньсö, тöлысь коралас. Но и сылы лача ни кыв оз сетны. Пöрысь гозьялөн мöвп вöли коркö пöльөн-пöчөн лоны да медичöt ордас и овны, сылысь челядьсö быдтыны. А лоас кö сийö көнкö тöлыськөд, сэтысь он нин сэсся адзыв. Дай меддона вöли чаль чуньныс мам-батьыслы. Дженьыда кö мойдны, эз кöсйыны сетны и ичötсö тöлысь сайö. Көдзыд пö сийö дай вывти ылын.

Коркö ötчыд медыджыд нылыс вөрö вотчыны мунас дай ошкөд паныдасяс. Ошкыд сийöс бурөн-сёрниөн аслас гуö нуодас.

Шöр нылыс кызкö видз вывти гуляйтас, дзоридз öктас да юркытш кяс. А буретш сэни, видз весьтöдыс, кырныш павмунас-лэбас дай нывтö аслас позйö нöбөдас. Бара жö бурөн-сöгласөн лэбөдас.

Медичöt нылыд, гозьялөн чаль чуньыс, вадорö лэччас, а сэтчö мича тöлысь петас. Сийö том нывтö кымөръяс сайö кыпөдас, аслас оланинö. Нылыд оз и пыксы: эз нин ötчыд югыд эзысь тöлысьнас любуйтчыв.

Ас кежсыныс колины пöрысь гозъя да дугдывтөг шогсьöны, синва кисьтöны. Öтчид локтас öшинь улас ош да мурөстас:

— Эн бөрдöй ыджыд нылыд вöсна. Сийö ме сайын, ай-мамыс ордын моз шань олöм олö. Локылöй да асьныд видзөдлöй!

Дугдасны бөрдны пöрысь мам-бать, мунасны вөрö ыджыд нывсö видлыны. Адзасны сэни зэв лöсьыдик, дзик чача кодь керка, уна öшиньнас да мича кильчöнас сералö. Керкасыс петас серөдөм-мичмөдөм паськөма морт.

Абу-ö пö тайö мяян зятьным? — шензьöны гозъя.

— Ме и эм тiян ыджыд зятьныд,— шуас сера нинкөма мортыд, пыртөдас пöрысьясöс керкаас да куим жыр петкөдлö:

— Этайö олан жыр, этайö узылан вежös, а тайö — эмбур видзан.

Видзөдласны гозъя оланинсö — югыд да шоныд. Видзөдласны узы-

ланінсö — небыд да лөнъ. Видзöдласны эмбур видзанінсö — најöви-тöмторсьыс сэнi дзескыд. Быдса вежон ош ордын красуйтчасны-гöсти-тасны да вöлись гортас мунасны.

Олыштасны да тöд выланыс шöр нывныс усьö, давай бара бöрдны. Öшинь увтiыс кырныш лэбзяс да крукас:

— Шöр ныв пондаыд эн бöрдöй, сiйö ме сайын, барыня моз олö. Локылöй да асьныд видзöдлöй!

Пöрысьяс дугдасны бöрдны, мунасны паськыд видз вылö. Видз шöрас вөр, вөр шöрас ыджыд пожöм, пожöм йылас керка. Сэтөн öмöй пö кырнышыс олö? Кызди нö пö ми сэтчö кавшасям? А сысянь шур-шар лэччас небыд пос, налөн кок дорöдз нюжалас. Керкасьыс петас гөрд пышына кöтiа морт, лэччас поскöдыс да нюмдас:

— Ме тiян шöр зятьныд, локтöй пырöй.

Пöрысь гозьятö пыртöдас кöтiа мортыд керкаас да петкöдлö:

— Тайö олан жыр, этайö — узылан, а тайö кык вежöсыс — эмбур видзан.

Керкасö видзöдлöм бöрын бать-мамлөн лов вывсьыныс из усьö: ош-зятьыс бура олö, но тайö сыыс на озыра да шаня. Кык вежон сэсся кырныш ордад гöститасны-красуйтчасны да вöлисти гортаныс мöдöдчасны кокни сьöлöмөн.

Оласны, оласны да медiчöt нывсьыс гажныс бырö, и бара мöдасны бöрдны. Öшиняс югыд тöлысь мыччысяс дай такöдö гозьяös:

— Ичöt ныв вöснаыд эн шогсьöй-бöрдöй. Сiйö менам гöтыр, и ставыс сьлөн судзьсö, быдтор эм. Локтöй кöть да видзöдлöй асьныд.

— А кызди нö ми кымöр саяс каям? — юаласны.

— То тайö доддыс кыпöдас,— вочавидзас тöлысь да коляс налы öдера-кузола додь.

Дугдасны бöрдны пöрысь бать-мам, пасьтасясны, кöмасясны шо-ныдджыка, пуксясны öдера доддьö и сiйö кыпöдас найös кымöрысь вылö. А сэнi из керка сулалö, еджыдсьыс-еджыд. Сы дiнö и сувтас доддыд.

— Оз-ö тани и тöлысьыд ов? — чатрасьöны гозья.

Керкасьыс петас сапöга морт да сёрни панас:

— Ме тiян коймöд зятьныд. Локтöй, пырöй ме ордö, видзöдлöй, кызди ола.

Пыртас төлысь найӧс гортас, петкӧдлӧ керкасӧ:

— Тайӧ вежӧсыс — оланін, этайӧ — узыланін, а сійӧ куим жыръяс эмбур видзам.

Видзӧдласны сідз пӧрысь гозъя керкасӧ, да сьӧлӧм выланыс кокняммас: ош зять лӧсьыда олӧ, кырныш зять сыысь лӧсьыда, а тайӧ — содтӧд на лӧсьыда. И куимнан гозъяыс ӧта-мӧд костас бура олӧны, лӧсялӧны. Налӧн нывъяс оз шогсьыны, кызди шуласны, семьяаныс лад, сӧвет да пӧся радейтчӧм. Со ӧд: полісны нывъяссӧ сетны ош, кырныш да төлысь сайӧ. Сійӧ йӧз синмыдлы, гашкӧ, найӧ — лӧк зверь, сьӧд лӧбач да войся ыргӧн гӧгыль. Сӧмын ортсысянь видзӧдлӧм-аддзылӧм серти йӧзсӧ эн на донъяв, тшӧтш и гортас аддзыв да семьянас олӧмсӧ видзӧдлы.

Дженьыда кӧ, пӧрысь гозъяыд куим вежон гӧститасны-красуйтчасны төлысь ордад. Шань йӧз сайӧ пӧ мянн нывъяс петісны. А сӧсся гортас жӧ лӧччасны: йӧзад бур-бур, а гортад пӧ тай медся на лӧсьыд.

ЛЮБОВЬЮ И СОВЕТОМ

Жили-были старик со старухой, у них было три дочери. Вот старшую начал сватать медведь, но родители не соглашались за него дочь выдавать. Какая, говорят, жизнь со свирепым медведем! Стали отнекиваться да ссылались, что молода пока, пусть пока девичьи косы поносит, в кокошнике походит еще.

Среднюю дочь сватать пришел ворон — родители опять же против, не соглашались выдавать дочь за него. Как же можно стать женой черного ворона! Ссылаются, что рано еще ей и думать об этом, у нее пока девчоночьи мысли в голове.

Меньшую, или их мизинчик — как среди коми говорят про последыша, сватает месяц. Но и ему не дают согласия, не обнадеживают. У старых мечта была когда-нибудь дедушкой да бабушкой стать и у младшей дочери жить, ее детей нянчить. А если окажется она где-то с месяцем, там ее уж повидать не надеяться. Да и родительскому сердцу дороже и милее последыш-то. Коли короче сказывать, не захотели

выдать и младшую за месяц. Холоден он и слишком далек, мол.

Как-то раз старшая дочь пошла в лес за ягодами и с медведем встретилась. Медведь ее подобру-поздорову уговорил и увел в свою берлогу.

Средняя дочь как-то на лугу гуляла, цветы собирала и венок заплетала. И как раз там, над лугом, ворон пролетал и девушку в свое гнездо утащил. Так же с ее согласия, по-доброму утащил.

А меньшая — мизинчик родительский — когда к реке спустилась, тут и месяц ясный вышел. Поднял он молодую деву к себе за облака. Та и не была против: не раз уж сама любовалась красотой лунного серебра.

Одни остались муж и жена, все печалются, слезы льют. Раз под их окна медведь пришел и басит:

— Не плачьте по старшей дочери. Она за мной замужем, как и у родителей хорошо живет. Приходите и сами поглядите!

Перестали плакать старые, пошли в лес старшую дочь навестить. Увидали там хорошенький, как теремок, дом, глаз радует красным крыльцом да множеством окон. Вышел из того дома человек в вышитой одежде.

— Я и есть ваш старший зять,— говорит тот человек в узорчатых лаптях, заводит их в избу и три горницы показывает:

— Это жилая горница, это спальня, а в этой припасы наши.

Осмотрели старые жилье — оно светлое и теплое. Заглянули в спальню — мягко и тихо. Заглянули в кладовую — тесно там от нажитого добра. Целую неделю у медведя гостили-красовались и только после этого домой вернулись.

Пожили и про среднюю дочь вспомнили. Давай опять плакать. Под окном ворон пролетел и не прокаркал — прокурлыкал:

— Не плачьте по второй дочери. Она за мной замужем, барыней живет. Приходите и сами поглядите!

Перестали родители плакать, пошли на широкий луг. Посреди луга лес, посреди леса высокая сосна, на ее вершине дом. Там, что ли, ворон живет, думают. Как мы туда залезем? Тут же мягкая лестница тихо спустилась прямо к их ногам. Из дома вышел человек в котях с красной опушкой, спустился по той лестнице, улыбнулся:

— Я ваш второй, зять, заходите.

Человек в котях завел старых в избу и показывает:

— Это жилая горница, это спальня, а в этих двух наши припасы.

Посмотрели старые жильё молодых, и будто камень с их души свалился: медведь-зять исправно живет, а этот еще богаче и лучше. Две недели гостили и красовались у ворона и лишь после этого домой отправились с легкой душой.

Жили-пожили и по младшей дочери соскучились, и опять плакать принялись. В окно заглянул ясный месяц и успокоил старых людей:

— Не печальтесь, не плачьте по меньшей дочери. Она моя жена, и всего у нее в достатке, всего хватает. Приходите и сами посмотрите.

— А как же мы за облака поднимемся? — спрашивают.

— Вот эти сани поднимут, — ответил месяц и оставил им кошовку.

Перестали плакать старые родители, оделись-обулись потеплее, уселись в те сани, поднялись выше облаков. А там дом каменный стоит, белее белого. Перед ним и остановилась кошовка.

— Не здесь ли месяц живет? — задрав головы, осматривают муж с женой дом.

Из него вышел человек в добротных сапогах и такой разговор завел:

— Я ваш третий зять. Милости просим, заходите в гости, посмотрите, как живу.

Завел месяц их в дом, показывает:

— Эта горница — жилая, эта — спальня, а в тех трех добро свое храним.

Посмотрели старые в доме все вокруг, и на сердце полегчало: медведь-зять исправно живет, ворон-зять лучше его, а этот — и того лучше. И все трое с женами ладят, в согласии живут. Их дочери не печалются, в их семьях, как говорится, лад, совет да большая любовь. Вот ведь: боялись дочерей выдать за медведя, ворона и за месяца. Это для чужого глаза, может, они — свирепый зверь, черная птица и ночной холодный медный круг. Лишь по внешнему взгляду не суди о людях, посмотри за ними и дома, и в семейной жизни.

Если коротко, три недели старые родители гостили да красова-

лись у месяца. Решили, что за славных людей все три дочери вышли. А потом-таки к себе спустились все же: в людях хорошо, а дома лучше.

МАМТӨМ МАШУК

Олісны-вылісны коркө гозъя, ныв быдтісны. Зэв радось: олөмаось нин асьныс да, нылыс зэв любө. Но мамыс сэсса висьөдчыштны кутіс, кузякодь нёрпаліс да Машуксө мамтөг колис... Бать шогалыштіс, а сэсса вылысь гөтрасьны мөвпыштіс. Нылыслысь и юасьө, сирөтанад пө гажтөм, көнкө, да мый шуан, вайөда кө выль мамөс. А мөдыс, дерт, оз на гөгөрво да вочавидзө:

— Вайөд!

Виччысьө, ыштө бөр мам лоас. Батьыс корсис дөваөс. Веськаліс сійө скөр, аслас ныв жө эм. Ассьыс нывсө сэтшөма лэптө, нинөм оз сет уджавны, а Машаөс быдлаө индө. Вермө көть оз вермы, но мөдөдө. Вольпась ёна сылы оз и вольсавлы. Ывлаысь кө пырас, ичиньыс пыр и печкыны пуксьөдө. Пыр сійө печкө, коньөр. Но коркө сэсса и печкис дай ректалісны ректансө. Тьоткаыд шөрттө көтөдыштіс, пөймөн нильөгалис, пачас кунваын пөжис дай шуө Машалы:

— Мун да юас пожъяв, сөмын эн уськөд, пожъяв сөстөма. Уськөдан кө, гортө эн лок!

Нывка думайтө, мед эськө не уськөдны. А юыс зэв визув вөлі. Пожъяліс, пожъяліс: ичиньыс өд грөзитіс, няйтөн пө эн вай.

Ёна нин пожъяліс, но ньөрйө крукачис да кисьыс мыніс шөрт төбйид. Гумыль-гамыль и нуис ваыд сійөс. Бөрдіс-бөрдіс Машук, котраліс-котраліс, но кысь вөтчан, ваыс визув да.

И думайтө: көть эськө муна, да ог лысьт! Ог мун гортө, ваас шыбитча, мый лоны ло. Босьтіс да шыбитчис ваө. Висьтавнытө регыд, а ог төд, дыр-ө мысти сэтөн ваас веж луд лоис, а ваыс воши. Веськаліс Маша веж луд вылө. Сэні сад быдмө, туй мунө, и зэв гажа. Лэбачьяс сьылөны. Сійө пондіс водзө мунны. Воис кутшөмкө керка. Кильчө вылас кык гөлик чышкысьө, мортыс абу, а чышкөны. Дивө лои нывкалы:

— Кызд нө тайё гөликъясыс асьныс чышкёны? Некусь эг на ад-дзывлы. Час, ме өтисё босьта, гашкё, коркё гортё на муна да сгөдит-час.

Гөлик босьтис, кольны оз лысьт, вошөмысь полө. Бара водзё мунис, видзөдө: ведра өтнас туйёдыс, тыртөм ведра, гольгө-мунө.

— Аттө дивө! Тайё эськө кутшөм лөсьыд меным, гортё кө нуны, уджтө ог вевъяв вөчны, а ведраыс ачыс мунө. Ваыдла кө ыстылан, гашкө, ачыс ваяс. Ме тайёс босьта.

Ведратё босьтис. Бара водзё мунө и мунө, ачыс оз төд кытчө. Зэв ыджыд керка мыччысис, важ, пөлөстчөма, чусмөма зэрсыйс.

— Код бара татөн оло? Лысьта ог пыравны?

А быть кытчөкө пырны колө вой кежлад. Стен дорас ляскысис дай кывзё.

Ведратё гольскылө пуктис, и кодкө өшинь дорад локтис, gryмакылө кок шыыс. Маша чөв сулалө. И шыасисны пытшкөсас:

— Код сэн? Пыр керкаас!

Нывка шыасис вөсньыдик гөлөсөн:

— Ме! А тэ нө коді?

— Ме пөчө, пыр лок, эн пов.

Өти киас гөлик рос, мөд киас ведра — ывлаад оз коль — Маша пырис керкаө. Пөчыс юалө:

— А мыйла тайёс меным ваян?

— Найё өд абу прөстөйёсь. Ведраыс ачыс ватө ваялө, гөликуыс ачыс ёгтө чышкө. Тайё тэныд вайи.

— Ме ордө некод на эз волыв. Тэ кө локтін, пывсьөд менө. Менам и челядь эм. Тэ пывсян ломты, кужан кө, челядьөс и менө пывсьөд.

— А ме шөрт төбйёс ваө уськөді да сійёс корсьны петі. Эн-ө ад-дзыв тэ?

— Аддылі, аддылі. Кужан кө меным уджавны — и босьтан шөрт төбтө. Но талун сёр нин, вод да узь, а аски тэно инда пывсян ломты-ны.

Вердіс-юкталіс. Асывводз Маша узьө на, а сылысь кок шысө кылө: гым-гым өтарө ветлас джоджөдыс, гым-гым мөдарө. А Машаөс шебралө-ма юр вывті. Шебрас увсьыс кыйкнитліс, мый сійө керө. Вөлөмкө, блин пөжалө Ёмаыс, скөвөрөдаөн джижгө, уна нин пөжалөма и чуксалө:

— Муса ныв, чеччы, ме тэнö верда, сэсся пывсян талун ломты.

Мöдыс шуö:

— Ломта, пöчöй, ломта, кужа кө!

Вердiс зэв бура пöсь блинөн, чайөн юкталiс и шуö:

— Сэтөн чер менам, пес. Босьт истöг. Пывсян ломтан да, мед тшыныс оз пет, мед ме ог аддзы. А кор ваймас, жар лоас, мед эз кольмöд. Да вай ключ ва!

Маша думайтö: ведрайд эськö и эм, да кысь ключ ватö корсян?

Но ладнö. Сийö пессö эз гырыся поткöдлы, а босьтiс да сартас моз юкалiс, вочасөн век öтарö ломтiс, тшын эз и петлы пывсянысь. Тшын эз петлы, а сэтшöм жар лои, абу чад и. Шуис рослы:

— Гöликöй, гöликöй, вай, мый верман, чышкав.

Гöлик босьтiс да быдөн ниртiс-зыртiс. Сэтшöм лои сöстöм-пелькöдöм пывсяныс. А ведралы шуис:

— Ведрайöй, ведрайöй, кыз воддза көзьяйка-көзьяиныдлы, сiдз жö меным тэ служит! Ваяв пывсянас ключ ва!

Ведра ачыс куш гөнййтöдлö. Ваялiс ключ ва уна, дозьяс тырины, быдөн шоналiс и. Дась лои ставыс. Локтiс керкаас и шуö:

— Но, бабушöй, шогмас ли оз, а ме пывсянтö ломтi. Позьö нин пывсьыны.

А Ёма вöлöма кузь ныра, дөрöм мыга, котралö лезь юра и шуö:

— Менам челядь эм, бура кө пывсьöдан найöс, бура тэныд и мынта!

Сэсся шердынын да чуманын лягöпиян ваялiс сылы. А сэн найö чипсöны быдөн, горзöны, нявгöны, лявгöны, тшыгöсь. Колö пывсьöдны со найöс.

Маша петкöдас да пывсьöдас найöс, быдөнöс мыссьöдас да пöлялас сэтшöм бура. Сэн турун ли мый ли вöли пуктöма, сийöс шыбитас да выльысь вольсалас. Найöс сэтчö пукталас, ставыс унмовсясны, шы ни тöv. Вайöдас Ёмалы.

— Бур, некод оз бöрд. Кужин кө менсьым челядьöс мыссьöдны, сэсся и менö пывсьöд.

Ёмаöс пывсьöдiс, майтöгалiс быдөн, ключ ваөн киськалiс да мыськис юр и кок. Мöдыслы нимкодь.

Ёма и шуö:

— Аттьö. Кужин уджавны, куж и дон босьтны. Талун вай узь, а

аски мунан гортад.

Асывводз сійö бара пöжаліс блин. Чуксаліс сэсся:

— Машук, чеччы! Тэн талун гортад мунны. Воштіс батыд, ёна нин корсьысьö.

Вердіс-юкталіс. Кыськö вайö кык ящик, гөрд дай съöd. Пызан вылас пунктіс и шуö:

— Кодыс тэн колö?

— Бабушöй, ме öд ог тöд, кодыс. Öтикыс ыджыд, мöдыс ичöt. Кодыс тэныд абу жаль, сійöс и сет.

— Тэнад бур уджыс ыджыдсö ог сет. Дзолясö сета.

А мöдыс и думайтö, мыйла нö шуис бура уджалöмөн, а ыджыд ящиксö оз убöлит сетны?

Дзоляниксö и сетіс. Помас и ключыс.

— Гортад локтан да тайöс ичиньыдкöд эн восьт. Тэ батыдкöд восьт пызан вылад.

Мен регыд висьтавы, а вежон лои локныс ли, лун-мöд ли, гашкö, Машöлы. Гортö воис, а баты пыр на шогсьö: ныв вошöма. Ныв локтö, ящик киас клёнакылö. Баты кутіс да окаліс:

— Кытчö нö тэ вошин, кыс локтін?

— Ветлі сідз да сідз гöститны, нажöвитчыны.

— Ящикыс нö тайö мыйла?

— Тайö мен пöчö козьналіс, ичиньтö ысты керкасьыд, да ми тэкöд восьтам.

Пызан вылö пунктіс ящик. Тьötкаöс ыстісны, а сійö оз пет. Машук и шуис:

— Ичинь, пет, тась би петас, биа сабля, и миянлысь ставнымлысь юрнымöс кералас.

Сэсся тьötкаыд кывзас да петас. Ключсö баты бергöдас, восьтас. Сэтöні быдторйыс Машалы: и шöвк сунисыд, и шöвк чышъяныд, и шöвк чулкиыд, бур платтьöыд — но быдтор. А тьötкаыд нылыскöд пырöны. Завидь лои налы: кыс тайö да мый тайö? Маша ставсö висьталіс, кыз ветліс.

Ичиньыслөн лы и съём, ставыс пондіс тіравны, шуö нылыслы:

— Час, ме тэнö аски мöдöдла шöрт пожъявы.

Печкөм шöрт бара дасьтіс и шуö:

— Мун да пожъяв мичаа.

— А оз кӧ усь?

— Оз кӧ усь, шыбит ваас, да эн пов ачыл, уськӧдчы ваас, кы-
дзикӧн эсӱйӧ висьталӧ.

Тьӧтка ныв лӧччис ва дорӧ, пожъялис да пожъялис, но шӧрт тӧб оз
усь. Локтис дай шуӧ:

— Мам, менам оз кылав, шыбитла и быдӧн да.

— Кильчӧ вылын эм карнан. Босьт да сӱйӧн йӧткав.

Сидзи и вӧчис нылыс. Кытчӧкӧ воши шӧрт тӧб, ачыс шыбитчис
ваӧ. Ваӧ шыбитчис дай воис луд вылад. Сӧти мунис да мунис, ме ог тӧд,
дыр-ӧ, и аддзис гӧлик чукӧр. Скӧрмис быдӧн сӱйӧ:

— Мый чышкысянныд да пӧръясянныд?

Эз и босьт, сидзи и зӧрксьӧдис-мунис водзӧ. Аддзӧ — ведра гольскӧ-
мунӧ туй кузя. Сылы брунӧбтис кокнас:

— Быглясян сӧни туй вылын, мешайтчан кок улын.

Воис Ёма керка дорад.

— Код бара татӧни олӧ? Час, кодкӧ кылӧ оз.

Стен дорад ляскысис, дыркодъ кывзысис. Кодлӧнкӧ кок шы гры-
макылӧ ӧтарӧ и мӧдарӧ.

Пырис, а Ёмайд блин пӧжалӧ. Нырыс ыджыд, юрыс лӧзь, синмыс
паськыд, яйыс абу, куш лыыс, кӧмтӧм, дӧрӧм мыгыс няйт. Пырысьыд
эз весиг и шыась. А мӧдыд и скӧрмис:

— Но, локтин ме ордӧ, пырныд лысьтин, а шыасьныд он? А мӧ тӧнӧ
удж вылӧ кӧсья индыны, локтин кӧ.

А нылыд нурбыльтас:

— Шӧрт тӧбйӧс уськӧди.

— Тӧда. Тӧбтӧ тӧ эн уськӧд, а шыбитин. Но ладнӧ. Аскиӧдз узь,
сӧки аддзам. Кужан кӧ уджавны, шӧртыд сюрас.

Сидзи жӧ вердис, водтӧдис. Асывводз бара пӧжасьӧ. Нылӧс вер-
дыштитис. Чӧскыд сӧяннас эз и верд. И шуӧ:

— Ме сӧсся тӧнӧ удж вылӧ ыста!

А ныв чӧв олӧ, нинӧм оз шу.

— То сӧн чер, пес, сӧни пывсян, ведра. Ва ваяв, ключ ва.

Кӧн ключыс, индис. Ныв оз и кӧсйы сӧрнитны. Петис, чертӧ босьтитис,
клоп да клоп — пестӧ поткӧдлӧ. А ӧн, бура вердӧ мамыс да. Пес

поткөдліс да пывсян ломтіс. Съод тшын пуркөдө. А Ёма видзөдө. Сэс-ся кыскө, гашкө, гуранысь, ведра-мөд няйт ва вайис. Коркө и ваймис пывсяныд, чад на пөдлаліс. Локтіс дай шуө:

— Пөрысь, пывсяныд дась, пет да пывсы!

А мөдыс воча:

— Менсьым тэ челядьөс первой пывсьөд. Кужан кө найөс пывсьөдны, ме кужа и дон тэныд мынтыны.

Бара чуманъясын вайис лёк люв-лявсө. Петкөдіс ныв найөс пывсянө, зывөктөмөн. Киа некодөс оз босьт, а кодөс босьтлө, уськөдө. Кодлысь коксө музгыльтө, кодлысь кисө дойдө, кодлысь синсө перйө. Омөлика найөс көтөдыштіс, важ няйт вылас пуктыліс, көдзыд ваон кискәліс. Найө эз и дугдывны, өтарө бөрдөны, няргөны. Вайөдіс бөр. Мамыслы сетіс. Сійө шуө:

— Кутшөма уджалін, сэтшөм и дон босьтан. Но талун вод да узь, а аски ме тэнө гортад мөдөда, мамыд дорө бөр.

Нывка юасьө:

— А шөртыс менам көн?

— Аски аддзан, нуан гортад этайөс да,— и петкөдө бара кык ящик. Öтикыс ыджыд, а мөдыс ичөтик, съөд. Пызан вылө пуктіс дай шуө:

— Но, бур ныв, кодыс тэн колө, ыджыдджыкыс али ичөтыс?

Нылыд мөвпалө, ыджыдас өд унджык добраыс. Дерт жө, гөрдсө босьта! Ыджыд ящиксө и сетіс Ёмаыд. Муртса-өдва кыскө, гортө мунө. Локтіс гортө, мам босьтіс ящик, сэтшөм любө налы!

А Ёмаыд шуліс: ті тайөс мамыдкөд пывсянад осьтөй. Батьныдтө сэки пө эн сибөдөй...

Ладнө, найө мунісны, пывсянө пырисны, өдзөс сиптісны да ящиктө сэк сөмын осьтны шуисны. Вевтсө муртса лэптыштісны, а сэтысь кыз тай нюдз ньөр петас да кыкнансө пөвсавны да вөтлыны мөдас! Эня-ныла сідзи и пышйисны кытчөкө зэв ылө, абуось сэсся өні.

А батьыскөд Маша колисны дай өні на олөны.

СИРОТИНУШКА МАША

Жили-были муж да жена, дочку растили. Очень рады они: пожилые уже сами, и любо очень, что дочь есть. Мать потом заболела,

долго хворала и любимицу свою сиротой оставила. Отец погрузил, а потом надумал на новой жениться. Сиротинке и говорит, что ей скучно, наверное, и как она посмотрит, если он новую маму приведет. А та не понимает пока и в ответ:

— Приводи!

Надеется, что и вправду новая мама доброй будет. Отец нашел вдову. Но вдова была злая, у самой тоже дочь есть. Вот зажили, и она свою дочь так и этак похваливает, не разрешает ей ничего делать, а Маша повсюду как затычка. Может или не может, все ее заставляет делать. Зайдет Маша с улицы, тетка тут же заставит прясть. Вечно за прялкой бедная падчерица. Вот когда-то напярла она, и моток нити сняли с мотовила. Тетка замочила пряжу, в щелоче подержала, в печи еще попарила и наказывает Маше:

— Унеси на речку и прополоскай, только не вырони. Прополоскай начисто. А утопишь — домой не являйся!

Девочка думает, как бы не выскользнула пряжа из рук. А речка очень быстрая была. Полоскала да полоскала: тетка же пригрозила, с грязным мотком лучше не возвращайся.

Хорошо уже выполоскала, но как-то зацепила за веточку и моток выронила. Выскользнул он из рук, и течение кувыркает и уносит. Плакала-плакала сиротинка, бегала-бегала, да как поймаешь, коль течение большое.

И думает бедная: пошла бы, да не смею! И не вернусь домой, а в воду брошусь, пусть уж будь что будет. Решилась и бросилась в реку. Мне ведь быстро рассказывать, а не знаю, как скоро там, в воде, появился зеленый луг. А воды не стало. Оказалась Маша на зеленом лугу. Сады там растут, дорога проходит, и очень светло. Птицы поют. Пошла девочка дальше. Навстречу какая-то изба. На крыльце две метлы подметают. Человека нету, а они метут. Удивляется Маша :

— Как же это они сами метут? Нигде такого не видела. Возьму-ка я одну, может, когда-нибудь еще и домой вернусь и пригодится.

Взяла метлу, из рук выпустить не смеет, боится потерять. Пошла опять, смотрит: по дороге ведро само по себе, пустое ведро, подпры-

гивает и гремит.

— Вот диво! Это как же хорошо, если мне домой его! Все делать не успеваю, а ведро само ходит. Если пошлешь за водой, может, само принесет. Возьму-ка я его.

Взяла. Опять дальше идет и идет, сама не знает куда. Огромный дом показался, старый, покряхтевший, потемневший от дождей.

— Кто бы здесь живет? Посмею ли войти?

А на ночь все равно надо куда-нибудь попроситься. К стене ухом приложилась и прислушивается.

Ведро со звоном поставила, и кто-то подошел к окну, пробухали шаги. Маша стоит молча. И подали голос изнутри:

— Кто там? Заходи в дом!

Девочка откликнулась своим тоненьким голоском:

— Я. А ты кто же?

— Я бабка, заходи, не бойся.

В одной руке метла, в другой ведро — на улице не решилась оставить — Маша зашла в избу. Бабка спрашивает:

— А это зачем мне несешь?

— Они ведь не простые. Ведро само воду таскает, метла сама мусор подметает. Это тебе в подарок принесла.

— Ко мне еще никто не заглядывал. Раз ты пришла, в бане помоешь меня. У меня и дети есть. Ты истопи баню, если умеешь, детей и меня помой.

— А я моток пряжи в реку уронила и вот его искать пошла. Ты не видела?

— Видела, видела. Сумеешь у меня поработать — получишь свой моток. Но сегодня поздно уже, ложись и спи, а завтра тебе дам наказ топить баню.

Накормила, напоила. Утром Маша еще спит, а ее шаги уже слышит: бум-бум в одну сторону гремит по полу, бум-бум в другую. А Машу укрыла с головой. Из-под одеяла чуть выглянула, что же она делает. Оказывается, колдунья блины печет, сковорода шипит, много уже напекла и будит:

— Вставай, милая девочка, я накормлю тебя, а потом баню истопи сегодня.

Та в ответ:

— Истоплю, бабушка, истоплю, если сумею!

Накормила досыта горячими блинами, чаем напоила и говорит:

— Там вот топор у меня, дрова. Спички бери. Затопишь баню, и чтоб дым не шел, чтоб я не заметила. А когда истопится и жарко станет, чтоб угара не было. Да ключевой воды наноси.

Маша думает: ведро бы есть, да где ключевой воды найдешь? Ну ладно. Дрова она не поленьями наколола, а лучинками расщепила, постепенно все топила да подкладывала, дым и не появлялся на улице. Дым не появлялся, а так жарко стало. И угара нету. Метле говорит:

— Голик-метелка, давай, как можешь, подмети.

Метла взяла и везде протерла-подмела. Такая стала чистая и прибранная баня. А ведру сказала:

— Ведерко, ведерко, как ты прежним хозяевам служило, так же и мне! Наноси в баню ключевой воды!

Ведро только и гоняет само. Наносило ключевой воды много, всю посуду наполнило, и согрелась вода в каждой. Все стало готово.

Пришла в дом и сказала:

— Ну, бабушка, понравится ли, не знаю, но баню я истопила. Можно уже мыться.

А колдунья оказалась длинноносой, в нижней рубашке, бегают с косматой головой и все повторяет:

— У меня дети есть, если их хорошо помоешь, не поскуплюсь при оплате.

Затем в широком лотке и лукошках принесла своих не то на лягушат, не то еще на что похожих детей. И каждый так пищит, кричит, мяукает, воет, все голодные. Вот каких надо было мыть. Маша вынесла и попарила их, каждого помыла и подула на каждого очень старательно. В лукошках своих потом все они уснули, утихомирились. Притащила их ведьме.

— Хорошо, никто не плачет. Сумела моих детей помыть, теперь и меня попарь.

Маша попарила ее, намылила, всю помыла, ключевой водой полоскала. Той любо очень.

— Спасибо,— говорит.— Сумела работу сделать, умей и плату брать. Сегодня давай спать, а завтра домой пойдешь.

Рано утром она опять блинов испекла и разбудила:

— Машенька, вставай! Тебе сегодня домой идти. Отец потерял, везде уже ищет.

Накормила-напоила. Откуда-то из внутренних покоев вынесла два ящика, красный и черный. Красный — большой, черный — маленький. Поставила на стол и говорит:

— Который тебе хочется?

— Бабушка, я же не знаю, который. Один большой, второй маленький. Который тебе не жалко, тот и давай.

— За твою хорошую работу большой не дам. Бери маленький.

Та и думает, почему же говорит, что все сделала хорошо, а большой ящик пожалела? Словом, дала который поменьше. Ключ прямо в замке.

— Доберешься до дома и при тетке не открывай. Ты на столе открой с отцом.

Мне скоро сказывать, а день-другой ли, неделю ли пришлось, может, идти Маше. Пришла домой, а отец в печали все: дочь пропала. Дочь идет, ящик в руке, ключ побрякивает. Отец обнял и расцеловал:

— Куда ж ты пропала, откуда вернулась?

— Ходила так-то и так-то в гости и на заработки.

— Ящик этот зачем?

— Его мне бабушка подарила. Пошли тетку по делу, и мы с тобой откроем.

Ящик поставила на стол. Тетку посылают, а та не выходит из дома. Машенька и говорит:

— Тетка, выйди, отсюда огонь вылетит, огненная сабля и всем нам головы отрубит.

Та послушалась, вышла. Отец повернул ключ, открыл. А в ящике всякого добра для Маши: и шелковые нитки, и шелковый платок, и шелковые чулки, и платья добротные — ну всего. Тут тетка с дочкой заходят. Завидно им стало: откуда это да что это? Маша рассказала про все свои приключения.

Тетка всем телом затряслась от зависти и жадности, и дочке говорит:

— Завтра же я тебя пошлю пряжу полоскать.

Моток приготовила и сказала:

— Иди прополоскай начисто!

— А если не утонет?

— Если нет, бросай в воду и не бойся, сама бросайся, как та рассказывала.

Теткина дочь спустилась к реке, полоскала да полоскала, но моток никак не хочет утонуть. Вернулась домой:

— Мама, у меня моток никак не уплывет, хотя бросала даже.

— На крыльце коромысло стоит. Бери и им толкай.

Дочь так и сделала. Куда-то исчез моток пряжи, а сама тоже бросилась в реку. Бросилась в воду и оказалась на лугу. Шла, шла, я не знаю, долго ли, и увидела кучу метелок. Разозлилась на них:

— Чего метете и обманываете?

Не взяла даже, без ничего пошла дальше. Видит — ведро бречит по дороге. Его только пнула:

— Катаешься тут на дороге, путаешься под ногами.

Дошла до дома колдуньи.

— Кто бы тут живет? Ну-ка, слышен ли кто?

Прислонилась к стене, долго прислушивалась. Чьи-то шаги громышают туда-сюда.

Зашла, а ведьма блины печет. У самой нос длинный, волосы растрепаны, глаза огромные, худая вся — одни кости, босая, рубашка грязная. Вошедшая даже не поздоровалась. Та и разозлилась:

— Ну, пришла ко мне, войти посмела, а голос подать — нет? А я хочу тебе работу дать, раз пришла.

А девочка пробурчала:

— Моток пряжи уронила.

— Знаю. Моток ты не уронила, а бросила. Да ладно. Спи пока до утра, а там посмотрим. Коли умеешь работать, пряжа найдется.

Так же накормила, уложила. Поутру опять напекла. Девочку покормила. Вкусной еды не дала. И сказала:

— Теперь я тебя на работу пошлю.

А девочка молчит, ничего не говорит.

— Вот там топор, дрова, ведро, там баня. Воды натаскай, ключевой воды.

Показала, где ключ. Девочка и разговаривать не желает.

Вышла, колун взяла, хлоп да хлоп,— дрова колет. Она крепкая, ведь мать ее хорошо кормит. Дров наколола и баню растопила. Черный дым пошел. А колдунья смотрит. Затем откуда-то, может, из лужи, пару ведер грязной воды принесла. Когда-то и истопилась баня, хотя чад еще стоял. Угарную и закрыла. Пришла к ведьме и говорит:

— Старая, баня готова, иди мойся!

А та в ответ :

— Ты сперва моих детей помой. Если сумеешь их попарить, и я сумею тебе заплатить.

Опять в лукошках принесла всю свою шалаву — склизких, не то лягушат, не то ящериц. Девочка вынесла их в баню с отвращением. В руки никого не берет, а если возьмет — выронит. Кому ногу вывихнет, кому руку повредит, а кому и глаз выколет. Еле помыла их, на старую грязную подстилку уложила, холодной водой полоснула. Они безумолчно плакали, выли, мяукали. Принесла обратно, матери вернула. Та говорит:

— Как поработала, такую и плату получишь. Но сегодня ложись и переночуй, а завтра я тебя домой отправлю, обратно к матери.

Девочка спрашивает:

— А где моя пряжа?

— Завтра найдешь, как понесешь вот это домой,— и выносит опять же два ящика. Один большой и красный, другой маленький, черный. Поставила на стол и спросила:

— Ну, девонька хорошая, который тебе хочется, больший или меньший?

Девочка думает, в большом и добра больше. Конечно, возьму красный ящик! Ну, его и дала ведьма, большой. Девочка еле-еле тащит его, домой возвращается. Вернулась домой, мать приняла ящик, так любо стало им!

А та бабка предупредила: вы это с мамой в бане откройте. Отца

при этом близко не подпускайте. Ладно, пошли они в баню, заперлись там и только тогда ящик открывать решились. Лишь только крышку приподняли, а из ящика как вылетит этакая гибкая вица и давай обеих по спине хлестать и гнать! Далеко куда-то обе убежали, нету их сейчас.

А Маша с отцом остались, они и поныне живут.

НЁРЫМ

Өтчүд тешкодь Нёрым нима пöль көм гоз кьас и мөдөдчас вузавны сійөс. Нопйö пуктас и мөдас. Мунас, мунас, и воас керка. Керкаö пырас и юасяс узыны.

— Том ичмоньяс, он-ө лэдзö менö узыны?

— Лэдзам,— шуасны,— мыйла ог лэдзö.

— Ачым,— шуö пöль,— инаси. А менам на ноп эм, кытчö сійөс пукта?

— Пельöсас,— шуöны,— миян курөг-петук олöны. Сэтчö, поз динас, и пукты.

— А сэн,— шуас Нёрымö пöль,— сылы самöй места и эм.

Сёясны-юасны да водасны узыны. А Нёрым пöльыд войнас чеччылас да ассыс көмъяссö куш косявлас.

Асывнас чеччас көзьяка, видзөдлас и адзас — Нёрым пöльысы көмсö косявлöмаöсь.

Пöль садьмас, и көзьякаыд висьталö:

— Нёрымö пöльö, ыджыд беда öд вöчöмаöсь курөг-петукид.

— А мый,— шуö сійö,— сэтшöмыс, кутшöм беда?

— Көмъястö чашйöмаöсь-косявлöмаöсь.

А дедыд и шуалö:

Мөдлам жö, мөдлам.

Баяр водзö мөдла.

Сё шайт дон беда вöча —

Бур петукнад он мынö.

Көзйайка и шуө сылы:

— Эн жö, эн жö мöд, сё шайт дон беда эн вöч, медся бур петук-нымöс сетам.

Но, пöльыдлы сетасны петукöс, нопйö сййöс пуктас и мöдас водзö. Мунас, мунас, и бара рыт пуксьö. Керка воас, да узыны вöзййяся:

— Ичмоньясö, он-ö лэдзö менö узыны?

— Лэдзам, лэдзам, кыз ог лэдзö Нёрым пöльöс.

— Ме эськö инаси, да менам ещö петук эм. Кытчö эськö сййöс йöртны?

— А миян,— шуö көзйайка,— эмöсь бальöяс.

— Сэн сылы медбур места,— шуö дедыд.

Сидз жö водисны. Войнад дедыд сувтлас да петукыдлысь юрсö бергöдас.

Чеччасны, а петукыд кулöма. Чайтасны, мый ыжъясыд петуктö люкалöмаöсь.

Нёрымö пöльö и бара кутас шуавны:

Мöдлам жö, мöдлам,
Баяр водзö мöдла,
Сё шайт дон беда вöча,
Бур ыжнаныд он мынö.

Көзйайка и шуө:

— Сё шайт дон беда эн вöч, медбур ыжнымöс сетам.

Но, дед мöдас водзö. Нопъяс ыжтö сюяс. Мунас, мунас, бара рыт воас. Керкаö пырас да узыны вöзййяся:

— Ичмоньясö, он-ö лэдзö менö узыны?

— Лэдзам, лэдзам, кыз ог лэдзö Нёрым пöльöс.

— Ачым эськö инаси, да менам ыж на эм. Кытчö эськö сййöс йöртны.

— А миян,— шуö көзйайка,— öшъяс эмöсь, на динö картаас и лэчöд.

— Сэн сылы медбур места,— шуö дедыд.

Сёясны, юасны и водасны узыны. А войнад дедыд сидз жö чеччылас да ыжсö и виас.

Асывнас петас көзйайка, а ыж кулöма. Чайтас, мый öшъяс ыжсö люкалöмаöсь.

Көзаяйка висьталіс Нёрым дедлы та йылысь, а сійö:

Мөдлам жö, мөдлам.
Нёрым пöльыс мөдла,
Сё шайт дон беда вöча —
Бур öшнаныд он мынö.

А көзаяйка кутас шуавны:

— Эн жö, эн жö мөд, сё шайт дон беда эн жö вöч, медбур öшнымöс сетам.

Öш сетасны. Нёрым дед шердынö сійöс доддялас и мөдас. Ссыланкыв горөдас:

Кöмысь дай курөгö вои,
Курөгысь дай ыжөдз вои,
Ыжсянь дай öшкөдз вои.

Кöч сылы паныд лöö.

— Нёрымö пöльö, сэтшöм лöсьыда тэ сылан. Он-ö лэдз менö доддяд?

— Но,— шуö,— пуксы.

И бара сійö горөдас сывны. Локтас сылы паныд кöин.

— Татшöм лöсьыд сыланкыв тэ сылан, Нёрымö пöльö, он-ö лэдз менö доддяд?

— Пуксы,— шуас сійö.

Бара сыланкыв горөдас, сійöс жö. Локтö ош.

— Татшöм лöсьыд сыланкыв сылан да он-ö лэдз менö кывзыны?

— Пуксы,— шуас.

Сöмын на сыланкывсö горөдас Нёрым дед, а заверткиыд сылөн и орö.

Кодлыкö ковмас ветлыны завертки пула вөрö. Нёрым дед первой ыстас кöчöс. Кöч ветлас да ваяс ньөр.

— Тайö оз шогмы,— шуас Нёрым дед да ыстас кöинöс. Кöин ветлас да ваяс коз, вужнас и быдөн.

— Тайö оз жö шогмы,— шуас Нёрым дед да ыстас ошкöс. А ош ваяс ыджыд пу, вужнас и ув-вожнас и быдөн.

— Тайö оз жö шогмы. Вай тi караулитöй öшсö, а ме ачым ветла.

Нёрым пöль ачыс мунас. Сöмын на сійö саялас, а öштö зверьясыд начкасны, ошкыд да кöиныд, да кöчыд яйсö сёясны, кусö пу вылö öшöдасны да сідз и сувтöдасны, кызд и сулалö вöлі, а мед куыс вöрис — пöтка куталасны да йöртасны ку пытшкас.

Нёрым локтас, завертки вежас, пукяс шердынад да кучкас, а öшкыд пöрö: ылöдчысьтö асьсö ылöдісны.

НЁРЫМ

Однажды дед с непривычным даже для древних коми именем Нёрым сплёл пару обувки и отправился продавать её. В котомку положил и тронулся в путь. Идёт, идёт и вот избушку видит. Зашёл и попросился на ночлег:

— Молодухи, не пустите ли меня переночевать?

— Пустим, почему же нет,— отвечают.

— Сам себя,— говорит дед,— сбыл. А у меня ещё котомка имеет-ся, куда бы её приткнуть?

— В углу,— говорят,— у нас куры с петухами. Туда, к курятнику, и положь.

— А там,— согласился дед Нёрым,— ей и самое место.

Пожинали и легли спать. А Нёрым-то среди ночи встал незаметно да обувку — свой товар и изорвал. Поутру хозяйка проснулась, посмотрела и, о батюшки, от обувки деда Нёрыма клочья остались. Когда сам дед встал, она и говорит ему:

— Нёрымушка-дедушка, большую беду тебе наделали, оказывает-ся, куры с петухами.

— А что такое,— будто вовсе ничего не ведает,— какая беда?

— Обувь твою в клочья распотрошили.

Дед и давай приговаривать тут:

Пойду же, пойду,
Пред боярином явлюсь.
На сто рублей беды найшу —
Без петуха не уймусь.

Хозяйка его ублажает:

— Не ходи же, не ходи, не делай беды на сто рублей, самого лучшего петуха дадим.

Ну, дали деду петуха. Посадил он его в котомку и дальше пошел. Идёт, идёт, и опять вечер настаёт. Случилась на пути изба, и туда на ночлег napросился:

— Молодухи, не пустите ли меня переночевать?

— Пустим, пустим, как же откажем деду Нёрым.

— Сам себя сбыл, да у меня ещё петух есть. Куда бы его загнать?

— А у нас,— говорит хозяйка,— овечки есть.

— С ними ему и место,— отвечает дед.

Так же спать легли. Ночью Нёрым тихонько встал и петуху шею свернул.

Поутру проснулись, а петух мёртв. Подумали, что овцы его забили, не иначе. И хитрый Нёрым опять стал приговаривать:

Пойду же, пойду,

Пред боярином явлюсь.

На сто рублей беды найду —

А без овцы не уймуся.

Хозяйка давай его ублажать:

— Не делай беды на сто рублей, лучшую овцу дадим.

Ну, дед дальше путь держит. За спиной уже не котомка — целый мешок с овцой. Идёт, идёт, снова вечер настаёт. В одну избу зашел и на ночлег просится:

— Молодухи, не пустите ли меня переночевать?

— Пустим, пустим, как же отказать деду Нёрым.

— Сам себя сбыл, да у меня ещё овца есть. Куда бы её загнать?

— А у нас,— сказала хозяйка,— быки есть, к ним пусти.

— Там ей лучшее место,— ответил дед.

Поели, попили и спать устроились. А среди ночи Нёрым, как и прежде, тихонечко встал да овцу и зарезал. Поутру проснулась хозяйка, а овца мертва. Подумала, что быки её задавили. Хозяйка сказа-

ла об этом деду Нёрым, а тот:

Пойду же, пойду,
Нёрым дед-то пойду,
На сто рублей беды наделаю —
Лучшим быком не отделаюсь.

Хозяйка и давай его ублажать:

— Не ходи же, не ходи, не делай беды на сто рублей, лучшего быка дадим.

Дали быка. Нёрым его к лотку запряг и тронулся в путь, песню затянул:

От обувки до курицы,
От курицы до овцы,
От овцы да быка дошёл.

Навстречу заяц бежит:

— Дедушка Нёрым, так ладно ты поёшь. Непустишь ли меня в повозку?

— Ладно,— говорит,— садись.

И снова за свою песню. А навстречу ему волк.

— Такую хорошую песню ты поёшь, дедушка Нёрым, непустишь ли меня в повозку?

— Садись,— отвечает дед.

Опять песню заводит ту же.

Медведь идет.

— Такую хорошую песню поёшь дак, непустишь ли меня рядом послушать?

— Садись,— отвечает Нёрым.

Только заводит песню дед, тут и завёртка у него в упряжке повралась. Кому-то надо зайти в лес, срубить деревцо на завертку. Нёрым послал сперва зайца. Заяц сходил и принес вицу.

— Это не годится,— сказал дед Нёрым и послал волка.

Волк принёс ёлку, даже с корнями.

— Это не годится,— сказал дед Нёрым и послал медведя.

А медведь принес большущее дерево, с корнями и со всей кроной.

— И это не годится. Давайте вы покараульте быка, я сам схожу. Дед Нёрым сам пошел. Только он скрылся из виду, как звери разодрали быка, мясо съели, шкуру на дерево подвесили да так, будто стоит живой бык. И чтоб шкура шевелилась как на живом быке, дичи наловили да в шкуру загнали.

Дед Нёрым вернулся, завертку заменил, сел в лоток и — хлесь быка. А тот и повалился: обманщика самого обманули.

ОШ ДА МУЖИК

Важон мян вөлі нөвина уджалоны, тыла вөчоны, либө — вөрсө кералоны, сэтчө сю көдзөны. Өти дядьө мунас нөвина керавны. Вөр пөрөдө. Локтас сэтчө ош дай шуө:

— Бог помощь, дядьө. Тэ тай өтнад, төварышө менө босьт.

А дядьө, дерт, думайтө: кутшөм отсөг ош помысь. Сійө абу морт.

— Ог босьт. Мый тэысь пөльзаыс? Тэ өд он вермы нинөм керны. Тэнад певйид абу, да чертө кутны он вермы.

Мөдыс шуө:

— Ме кызкө верма тэныд отсасыны. Он кө паяд сибөд, ме тэныд ог сет нинөм вөчны.

Мужик шуө:

— Но, мый сэсся керан. Пөльза кө меным оз ло, мыйла ме уджала. Сибөда пайө. Сёрнитчам сөмын: меным мый воас татысь, мый быдмас, ме йылас кутчыся. А тэн унджыксө сета. Этадзи кинам мыйта шамыртны йылыс сюрө, сійө ме босьта. А улисө ставнас тэныд сета.

Ош зэв рад лои.

Коркө нөвина уджалисны, тыла ректисны, көдзисны. Ош мыйкө тшөтш отсасьө, кутшөмкө пугорьяс шыбитө боквыв да мый да.

Коркө налөн и сю кутис воны, зэв бур сю воө. И вундыны ковмис. Дедө локтис вундыны, а ош эз лок. Дедө и шуө:

— Он кө көсий тэ меным отсавны вундыны, ме тэныд нинөм ог сет, весиг вужсө.

Коркө локтис ош, но кысь сылы вундыныс, өтнас старик вундис.

Пуктіс плака, босьтіс чер, кольта йывъяссө ставсө черөн тшөтшөдліс, мешөкъясө сюяліс. Пыжө сөвтис, нуис став йывсө гортас, идзастө сэтчө колис. Ошлы и шуө:

— Вот тэныд вужйис коли, сійөс нетшкы. Дөвөлен?

Мөдыс шуө:

— Дөвөлен.

Дедө муніс сю доддьөн, а ош кольччис идзас нетшкыны. Дедө коркө сютө изөдіс пызьө да чөскыд нянь төвбыд сөйис, а ош мульчи-каліс кос идзас да вуж, сылы нө мый, коньөрлы. Нямляліс, а пөльза-ыс абу: ньылыштныс оз вермы. Нямлялас, нямлялас, мульчикалас, но кынөмсө косявлө. Дерт, прамөй сөйөм сылөн эз нин ло. Сідзик и олісны. Во коли. Дедө бара коркө лөсьөдчис мунны вөрө.

Бара думайтіс:

— А мен эськөн көть вөрас мунны да сёркни көдзны. Вөчны места вөрө.

Дед ветлөдліс, ветлөдліс вөрөд, бур места сюри, ньыв пуа, а сёрк-нисө ньывья местаө көдзлывлісны. Вына, сьөд муа местаыс. И вот кераліс сійө вөрсө, кор муыс косьмис шонді водзын, сотіс. Сёркни көйдыс лөсьөдіс кыскө, муніс сёркни көдзны. Бара ош сэтчө воис дай шуө:

— Ок, тэ ёна жө ылөдлін колян во: тэ йывсө сөйин, а ме вужсө сөйи. Таво ме вужнад ог сөгласитчы. Ме таво йывсө босьта.

Старик шуө:

— Мый, ме сөгласитча. Таво ме вужсө сөя, колян во тэ вужсө сөйин-а. Сета ме тэныд йывсө.

Ош зэв рад лоис.

А сёркни сэтшөм гырысь артмөма, юр кодь быдөн. Коркө нетшкис-ны, зэв радөсь.

Тшөтшөдісны, дедө нуис сэтысь сёркни, зэв уна сюрис. Ошлы коли корйыс. Дерт, сійө корйөн ёна эз красуйтчы. А дедө нуис да төвбыд пөжөм паренча сөйис. Дерт, сійө ёна эз мучитчы, уна вөлі да. Вот и думайтө:

— Кыз эськө ещө локтан во меным овны? Час, ме пукта таво капуста.

Бара коркө муніс, вөрыс сійө жө, гашкө, и воддза местасө лэптис

зырйён. Вужъяс жугөдіс.

Пуктіс сэтчө капуста. Ёна старайтіс капустасө. Быдмис сійö зэв бура, зэв гырыся. Ош тшөтш видзөдлывны воывлө, шуö:

— Таво ме йылад ог нин кутчысь. Кык во нин менö ылөдлін. Вод-дза воас вужсö сёйи, тэ йывсö сёйин-а. Колян во ме сёйи йывсö. Тэ вужсö сёйин. Таво ме йылад ог кутчысь. Колян во ёна мучитчи. Таво бара вужъяс кутчыся.

Коркө капуста керны ковмис, ар нин лои, Пөкрөв. Дедö локтіс вөлөн-доддён капустала. Кералö мачьяссö.

А ош локтіс, шуö стариклы:

— Миян договор сэтшөм, таво йывсö тэн сёйны. Таво ме ог кутчысь йылад. Тэ колян во менö ылөдлін.

Дедö, гашкө, и кык додь тыр мач кераліс да гортас нуис. А ош капуста подсö нетшкис, аслыс гуас нуис. Гу дорас, көн сійö олө, меститіс. Бара старик ылөдліс ошкөс.

МЕДВЕДЬ И МУЖИК

В старину у нас новиной занимались, иначе — подсеку вырубали. Лес свалят и сожгут, и туда рожь сеют. Один мужик пошёл в лес новину рубить. Лес валит. И пришёл туда медведь и говорит:

— Бог в помощь, дядя. Ты же один, бери меня в товарищи.

А мужик, конечно, прикидывает: какая помощь от медведя. Не человек же он.

— Не-е, не возьму. Какой от тебя толк? Ты же ничего не можешь делать. У тебя большого пальца нет, и топор не удержишь.

А он в ответ:

— Как-то да смогу помочь. А не примешь в пай, я тебе ничего делать не дам.

Мужик говорит:

— Ну, что ж делать. Коль пользы не будет, чего мне трудиться. Приму в пай. Только уговор: что здесь вырастет, я вершки возьму. Вот сколько руками вершки ухвачу — это мое. Все остальное твое.

Медведь доволен остался.

Когда-то новину сработали, расчистили и засеяли. Медведь как может тоже возится, шепки да сучки с вырубки по сторонам раскидывает. Когда-то и рожь начала созревать, очень хороший хлеб зреет. И жать привелось. Мужик пришел на жатву, а медведь — нет. Мужик и говорит про себя:

— Коли не хочешь мне помочь, я тебе ничего не дам, даже корешков.

Когда-то и медведь пришел, да и как ему справиться, один мужик и сжал весь урожай. Взял плаху, топор — и все вершки снопов срубил, и в мешки запахал.

Медведю же говорит:

— Вот тебе корешки остались, их собери. Доволен?

А тот в ответ:

— Доволен.

Мужик уехал с телегой зерна, а медведь остался солому рвать. Дед смолот свою рожь и всю зиму ел хлеб почти как пшеничный, а медведь солому да корни мял и жевал. Что ему оставалось? Жует, жует и только кишки себе рвет. Конечно, сытым и не бывал вовсе. Так и жили. Прошел год. Дед вновь собрался в лес и вновь задумал:

— А мне бы в лес пойти да репу посеять.

Ходил, ходил, хорошее место выбрал, где пихта росла. Под репу всегда такое место выбирали, чтоб земля чёрная и жирная была. И вот вырубил пихтовник, а как подсохла почва под солнцем, сжег подсеку. Посеял репу. Опять же медведь туда пришел и говорит:

— Ох крепко ты меня обманул в прошлый год: ты вершки съел, а я корешки. На сей раз на корешки не соглашусь. В этом году я вершки возьму.

А старик в ответ:

— Что же, я соглашусь. Дам тебе вершки.

Медведь остался очень довольным.

Репа выросла крупная, каждая с голову. Когда-то и повыдергали, оба рады. Обрезали. Дед увез репу — мно-ого набралось. А косолапому ботва осталась. Понятное дело, не очень-то ею красовался. А дед всю зиму пареную репу ел. И думает, как же ему следующий год быть?

— Посажу-ка я в этом году капусту.

Снова пошел на подсеку, перекопал лопатой, корни порушил, посадил капусту. Много над ней хлопотал, выросла крупная, отборная. Медведь тоже наведывается, посматривает и говорит:

— Нынче я за верхки уж не возьмусь. Два года уж меня обманывал. В этом году вновь за корешки.

Когда-то и капусту убирать привелось, осень настала. Дед явился с подводой за капустой. Рубит кочаны. Медведь пришел, говорит старику:

— У нас уговор такой, в сей год верхки тебе есть. Я уж нынче не возьмусь за верхки. Ты же в прошлом году обвел меня.

Мужик, пожалуй, две подводы кочанов нарубил и отвез домой. А косолапый надергал кочерыжек и унес в свою берлогу. Возле берлоги разместил. Опять старик обманул медведя.

ӨКСЫ ПИЯН ДА ӨКСИНЬ

Олісны-вылісны коркө важөн гозъя. Быдмис налөн Өксинь нима өтка ныв. Гөтырыс вөлі мичасьыс-мича, и нылыс сы кодь жө. А сэки тшыкөдчөны вөлі, завидьысла вомдзавны зілісны. Со сэсса гөтырыс висьны кутіс да надзөникөн косьмис — вомдзалісны, и сійө шуө верөсыслы:

— Тыдалө, меным абу нин шуөма овны, а ме век жө мича вөлі, и мейсь ёна мисьтөмсө эн босьт, кор мөдан выльысь гөтрасьны.

Верөсыс сылы воча:

— Кысь и тэ кодь мөдыс сюрас?

— Кодлы менам венеч ув платтьө лөсялас, сійөс и босьт.

Коркө куліс гөтырыс, ныв быдмө да быдмө, а бать аслыс невестапу бөрийө. Ни өти оз сюр, мед эськө гөтыр кодьыс вөлі. Ёна бөрийысис, гашкө, и во-мөд-коймөд, а нылыс сэк кості дзыкөдз кисьмис-верстямис, но нач мамыс кодь.

Кызкө мөдөдчис сійө кытчөкө, и босьт да шу:

— Айөй, позьө мем мамлысь платтьөсө пасьтавлыны, талун өтилаө мөді да?

— А кад нин, чайта, буретш тэд лоо, гашкө. Видлы.

Өксинь вайис кудйысь да пасьталіс мам паськөмсö — но кульöма да ляскөма мамыс! Батьыд и панö татшөм сёрни:

— Мамыд вот шуліс, кодлы пö платтьöыс лөсялас, ськөд и гөтрась, сійöс и корав. Лоö мян тэкөд өтлаасьны.

— Ог, ог, ог көсйы, да нöшта батькөд!

Быд ногыс пыксьö, а айыс тшөкыда мөдіс асланьыс мырдөн синны, гөтрасям пö, скөралö нин да повзьөдлө:

— Ме тэнö ловйөн гуала.

— Но и гуав,— оз пов нылыс.— Батькөд венеч улö мунөм дорысь бурджык лоö. Ме бурджык гуö пыра.

— Сідзкө, и гуала ме тэнö.

Сэсся другъясыслы шуö:

— Нуөдöй сійöс куш эрд вылө, гу кодійöй да ловъянас сүйöй сэтчö. Эн виöй, а пуксьөдöй гуас!

Няньтор да ньылыштмөн ва сетіс, и нуөдісны сійöс эрд вылө. Гутор кодіисны сэтшөм дзескыдөс, мый муртса и пуксьөдісны. Няньсö пуктісны, ва сетісны, а жаль нылыс. Мөвпалöны, бөрдö сійö али оз. Пөвъясөн вевттисны вылісяньыс дай шуöны:

— Пөдас өд, вайöй ми розьтор колям.

Колисны розьтортö, асьныс мунісны.

А сійö эрд вылас, вөлөмкө, воylvлöны мачөн да чиркйөн-дзолльөн ворсны өксы пи да баяр пи. Со бара воасны найö өтчыд асланыс ворсанторъясөн. Чеччалöны, шыблалöны эрд весьтас енэжөдзыс мачсö да чирксö, а рытланьыс налөн мачыс и гөгыльтчас да веськалас буретш сійö гу розяс. Нылыд и кватитас сійöс. А мөдъясыс корсьöны — мачыд некөн абу дай ставыс, быттьö сыліс. Кытчö воши? Ладнө, шуöны, аски выльöс босьтам да бара локтам.

И воисны выльысь аскинас эрд вылад ворсны. Пөттөдзныс мачасисны-чиркъясисны кыз сөмын көсйисны. А төрыт тешкодя вошөмторйыс некызди оз вун. Но некысь мачсö эз аддзыны. Рытланьыс бара кызкө ылалісны — сійö жö местаас веськалісны, и бара мачыс розяс уси. Кык мач нин лои ловйөн дзөбөм ордад. А эсійöяс, ворсысьясыс, зэв дыр корсисны, гортас и быдөн сёрмисны. Бать-мамыс весиг шызисны:

— Корсыны колө. Аски йөзөс босьтөй. Асьныд ворсөй, а найө мед кыйөдөны, кытчө маच्याсыд вошалөны.

Мунисны аскинас молодеच्याскөд, сувтөдалисны найөс өтарсянныс и мөдарсянныс, а шөрас асьныс мачасьны да чиркьясьны босьтчисны. Бара ворсисны, ворсисны, налөн и чиркыйд сийө гу розяс тювмуни-исковтис. Мөдисны котравны, корсьөны, корсьөны сэн, кытчө чиркыйыс уси. А ныв босьтис сийөс, сьылө да бөрдө.

Өксы пи да баяр пи чошкөдчисны: көнкө гөлөс кылө, а өд некор сийө тані эз вөвлы. Выльысь босьтчисны котравны да лукыйысьны-корсьны. Ныв бара кутис сьывны. Мөдьясыс кияснас нин мусө малалөны. И казялисны розьтө. А сэтысь морт гөлөс:

— Восьтөй, ме тан ловья пукала, асьым куломөс виччыся. Мездөй менө. Томөсь кө, верманныд менө гөтыр вылө босьтны, а пөрыс-джыкөсь — слугаө босьтөй, асланыд гөтырьяслы отсасысьөн.

Мездисны Өксиньтө. Видзөдөны: сэтшөм мичаник да лөсьыдик, да том! Нуөдисны гортаныс. Гөгөрвоана, кыкнанныс дасьөсь сы вылө гөтрасьны. Өксы пи гөтрасис, а баяр пилы шуисны мөд невестаөс корсьны. Олисны найө вель дыр нин, а кытчөкө удж вылө ветлөдлөны быд лун. Өтчюд водз сидз жө лөсьөдчисны удж вылас өксы пи да баяр пи и шуөны:

— Ёма кө локтас, тэ эн лэдз сийөс, бура игнав өдзөсьястө. Видз-чысь: лэдзан — помалас сийө тэнө.

Өксинь колис тіралана. Став өдзөссө ключөн кам игналис и лун шөра луно томан сайын пукалө өшинь дорын медвылыс судтаас. Видзөдө, локтө Ёмайд, шушкыль кывнас назгө:

— Исмонь, исмонь, вовсьты хильчөтө, хөститны лэдз.

— Ог-ог, ог осьт. Өксы пи да баяр пи эз тшөктыны.

Ёма мөдис өдзөсас игөдчыны, кокнас чужьявны:

— Бувөн он лэдз — лөкөн пыха. Вовсьты! Шыдтө да рхөктө гудрышта, мед оз сотчы, кагатө өввөода, порхог дорхсьыд ёгтө идрхала.

— Кага менам абу. Шыд ни рок ми ог пуөй. И ёгыд порог дорын оз овлы. Мун кытчө мөдін, тані тэ он ков.

Пузис Ёмайд и мунис. Рыт воис. Локтисны том йөзыд да юасьөны:

— Но, воліс-ө Ёмайд?

Висьталіс кызди вөлі. Сералисны, гажөдчисны куимөн. Сэсья узис-

ны, и молодечьяс мёд луннас бара лосьодчоны да тшөктöны:

— Ёмайд кö велалас — сыысь он мын, выльысь локтас. Видзöд, эн лэдз.

Кöзьяйка колльöдiс найöс, игнаис да виччысьö, öшиньöдыс видзöд-лывлö. И бара пöрысь выжывыд тапикасьö-локтö, ылiсянь öвтчö:

— Вовсьты да лэдз кверкаад. Ме тэд отсасьны лохта, мужичöйяс-ыдлысь дöрхöм-гачсö пeслала.

— Ми ог пeславлöй. Найö ставсö пыр выльöс да сöстöмöс пасья-лöны, а няйтсö шыбитам. Он ков, эн вöзйиысь.

— Бувөн он лэдз — лөкөн пыха.

Бара öдзöсьясас игöдчö, а öти кызкö виччысьтöг и воссис. Пырис Ёмайд, ичмоньсö пöрччöдiс, кутшöмкö пeж роскөн куимысь мышкас кучкис крестөн дай шуис:

— Восьса эрд вылö мун, луннас гулюөн лэбав, а войяснас бөр мортö пөр. Татчö ме ассым нылöс вайöда.

Ичмонь лэбзис гулюөн. Паськöмыс сэтчö и коли. Ёма ветлiс, ас-сыс нывсö вайöдiс. Синмыс пöлөн видзöдö, тамыш, кывйиыс шуш-кыль. А мамыслы помся нимкодь, нывсö иналiс öксы пи да баяр пи дiнö и куим судта короминаö.

Коркö и кöзьяиньясыс воисны. Кайöны кильчö вылас, öдзöс коль-чаас босьтчöны:

— Восьты, Аксинья, тайö ми, öксы пи да баяр пи.

А еретничаыдлөн нылыс буретш сылысь, Öксиньыдлысь, паськöмсö ас вылас видлалö, вöччöма. Петнысö эз вевъяв да шуö:

— Пыр зьö восьтя, пыр зьö восьтя...

— Мый нö тэнад, Аксинья, сёрниид торксьöма?

— Пöсь ваён кывйöс сoti.

Гөгөрвоана, кыкнанныс казьявтöг эз овны, мый налөн ичмоньыд мöd. Кыдзи нö мый керны? Нурьясыштiсны мудзвывсьыс, сёйыштiсны-юыштiсны, сийö шушкыль кывъятö йöртiсны вой кежлас öтнассö чуланас, а асывнас тöлкуйтöны. Мый этакöд вöчны да кытысь Öксиньсö корсьны.

А кор найö войнас эз узыны да сöветуйтчисны, сэки и Öксиньыд локтiс öшинь улас мортö пöртчöмөн. Гулюөн воис, бөр мортö пöрис дай мödиc бöрдны-лыддьöдлыны, мый ськөд лои. Кылiсны сылысь гөлөссö, мыччысисны öшиньтыс, а сийö стен дiнас, öшинь улас, пу-

калө пасьтөм. Вой шөр бөрын час ли кык коли, кызди Өксинь бөр гулюө пөри и лэбис сійө жө куш эрд вылад. Бара молодечьясыд колины Ёма нылыдкөд. И мөдөдчисны асланыс туйөд удж вылас.

— Ми уджавны мунам, а тэ игнась, мед нач некод татчө оз пыр. Кор ми локтам, сөмын сэк восьт.

Кытчөкө найө ветлісны, көнкө кык-куим арөса чибөөс ньөбөмаөсь да вайисны. Сэтшөм яр уж, синсьыс би киссьө, веськыда йөктө, кык-кокйыв помся сувтө. Йөртисны конюшняс. А Ёма нылыд эз и казьяв, кызди найө чибөтө йөртисны и асьныс дзевсисны. Рыт пуксис. Лун помасяндор и Ёма воис. Локтис да сідзжө назгө:

— Ныханөй-ныланөй, вовсьты. Тайө мамыд, локта тэнө видлыны. Вовсьты, ме көть шыдтө да рхөктө гудрышта, а кор мужичөйясыд вовасны, найөс наставита-велөда.

Мөдыс восьтис мамыслы, пызан лөсьөдіс. А өксы пи да баяр пи петкөдісны яр ужтө. Босьтисны еретнича эня-нылаөс да кыкнансө көрталісны бөж дінас сідз, мед бөрлань чужөмөн лоины. Өшөдісны сідз, эрд вылө петкөдісны дай чибөйдлы шлапкерисны. Сійө повзис, бөж дінад өшалөны да, чужьясьө и чечыштө, оз нин скачөн мун, а кыккокйыв, и кыкнансө ён кокнас нөшалө. Найөс сідзи и пусь-пась-вөчис да резіс — кыкнанныслы пом лои.

И бара войнас Өксинь гулюөн воис-лэбис, өшинь улас пуксис да мортө пөри, пасьтөм сөмын. Бара кутіс лыддьөдлыны аслас шог олөм йылысь да корны, мед өшинь пырыс сылы сылыас пернасө да ныв паськөмсө чөвтасны.

Со восьтисны өшиньсө, паськөмсө да перна көвсө кытшөн-кольчаөн вөчисны, мед юр вывтіыс пырас, и чөвтисны-лэдзисны. Буретш сылыас и веськаліс паськөмыд и пернайд. Гулю бөр мортө пөри да өксы гөтырөн лои.

КНЯЖИЧИ И АКСИНЯ

Жили да были в старину муж и жена. Росла у них единственная дочь Аксиныя. Жена такая была красавица, и дочь вся в мать. А в

те времена порчу наводили, из зависти сглазить старались. И вот потихоньку жена начала болеть да сохнуть — сглазили, и она говорит мужу:

— Видать, мне смерти не избежать, а я все же красивая была, и дурнее меня не бери, когда станешь вновь жениться.

Муж ей в ответ:

— Где ж такую другую найти?

— Кому мое подвенечное платье впору окажется, ту и бери.

Когда-то умерла жена, дочь растет да растет, а отец себе невесту подбирает. Ни одна не нашлась, чтоб жене под стать. Очень выбирал, возможно, и год-другой-третий, а дочь тем временем заневестилась, выросла, ну вся в мать.

Как-то дочь собралась куда-то, и она возьми да и скажи:

— Батюшка, можно ли мне мамино платье надеть, сегодня в одно место собралась?

— А пожалуй, пора, может, как раз будет тебе, примерь.

Аксинья принесла из лукошка, надела родительские наряды — ну вылитая мать! Отец и заводит такую речь:

— Вот мать завещала, кому платье подойдет, на ней и женись, ее и сватай. Придется нам с тобой сойтись.

— Нет, нет, не хочу, да еще с отцом!

По-всякому оправдывалась, а отец с тех пор частенько стал ее уговаривать, поженимся, мол, уж злится и страшает:

— Я тебя живую похороню.

— Ну и хорони,— дочь не пугается.— Мне так лучше, чем венчаться с отцом. Я лучше в могилу сойду.

— Коли так — зарюю я тебя.

Друзьям и молвил как-то:

— Уведите ее в чисто поле, выкопайте могилу и заройте живую. Не убивайте, а посадите в яму!

Хлеба кусок да воды глоток дал, и вот увели сторожа ее в поле. Яму вырыли такую тесную, что еле усадили. Хлеба положили, воды дали, а жаль девицу. Думают, плачет она ли, нет ли. Досками укрыли сверху и говорят:

— Она ж задохнется, давайте мы отдушину оставим.

Дырочку оставили, сами ушли. Не знаю потом, долго ли там деви-

ца сидела.

А на то поле, оказывается, приходили играть в мяч и в чижики княжеский сын и боярский сын. Вот опять пришли они однажды со своими играми, прыгают, подбрасывают над полем до самого неба мяч и чижики, а под вечер мяч-то укатился и попал как раз в ту дырку в могиле. Девица и хватить его. Те ищут — мяча нигде нету и нету, как испарился. Куда запропастился? Ладно, мол, завтра новый возьмем и опять придем.

И пришли назавтра вновь на поле играть. Вдоволь наигрались как только душе угодно. А вчерашняя пропажа та странная никак не забывается. Но нигде мяч не находят. К вечеру вновь как-то проступились — на том же месте оказались, и опять мяч провалился в дырку. Уже два мяча у заживо похороненной оказалось. А те, игроки, очень долго искали, даже запоздали домой. Уж родители забеспокоились:

— Надо искать. Завтра берите людей. Вы играйте, а они пусть караулят, куда мячи деваются.

Пошли назавтра с молодцами, расставили их с одной и другой стороны, а посерединке сами играть. Снова играли, играли, и чижики прямо в ту дырку проскользнул. Забегали, ищут, ищут там, где чижики упал. А девица взяла его, поет и плачет.

Княжеский сын и боярский сын прислушались: где-то голос слышен, а ведь никогда его тут не было. Опять взялись бегать, рыться да искать. Девица снова запела. Те уже руками землю щупают. И нащупали отдушину. А оттуда человеческий голос:

— Откройте, я здесь живая сижу, своей смерти дожидаюсь. Спасите меня. Коль вы молоды, можете в жены меня взять, а постарше — в слуги берите, своим женам в помощницы.

Вызвали Аксинью. Смотрят: такая красивая ладушка, молодая. Повели ее домой, понятно, оба не прочь на ней жениться. Княжики взял ее в жены, а для боярского сына решили иную невесту подыскать. Прожили они уже немало, а куда-то на работу уходят каждый день, однажды спозаранку также собрались на работу княжеский сын да боярский сын и говорят:

— Если Ёма-колдунья придет, ты уж не впускай ее, накрепко двери запири. Смотри: пустишь — погубит она тебя.

Аксинья в трепете осталась. Все двери на ключ, и среди бела дня взаперти сидит у окна на самом верхнем этаже. Глядит, Ема-то идет да гнусавит невнятно:

— Молодка, молодка, откхой кхыльцо, в госси пусси.

— Нет-нет, не открою, княжеский сын и боярский сын не велели.

Ёма в двери стучаться, ногами бить:

— Добхом не пустишь, силой вохвусь. Откхывай! Щи да кашу помешаю, чтоб не подгохели, дитё покачаю, из-под похога мусор убе-ху.

— Дитя у меня нету. Щи да кашу мы не варим. И мусора под порогом не бывает. Иди своей дорогой, не нужна ты здесь.

Взбеленилась Ёма и ушла. Настал вечер. Вернулись молодцы и спрашивают:

— Ну, приходила ли Ёма?

Та рассказала как было. Посмеялись, повеселились трое. Затем переночевали, и вновь молодцы собираются на другой день и наказывают:

— Коли Ема привыкнет — не отстанет, снова явится. Гляди не пускай.

Проводила их хозяйка, заперлась и дожидается, в окно поглядывает. И опять старая карга ковыляет, издалека машет:

— Откхой и пусти в дом, молодуха. Я иду тебе помохать, мужчинам одежду постихать.

— Мы и не стираем. Они все новое и чистое надевают, а грязное выбрасываем. Не нужна ты, не просись.

— Добхом не пуссишь, так я силой вохвусь.

Опять в двери стучится, стучится, а одна нечаянно и открылась. Вошла Ёма, раздела молодуху, какой-то поганой метлой трижды по спине хлестнула крест-накрест и говорит:

— Иди в чисто поле, днем голубкой летай, а но ночам человеком становись. Сюда же я свою дочь приведу.

Молодуха улетела голубкой. Одежда на месте осталась. Ёма сходила, дочь свою привела. Глаза косые, говор шепелявый. А мать полна радости, что дочь пристроила к княжескому сыну и боярскому сыну да в хоромах в три этажа.

Когда-то вернулись хозяева. Входят на крыльцо, берутся за кольцо:

— Открывай, Аксинья, это мы, княжеский сын и боярский сын.

А дочь колдуньи как раз ее наряды примеривает. Выйти-то не успела и говорит:

— Сейчас откляю, сейчас откляю...

— Что же, Аксиньюшка, с твоей речью случилось?

— Кипятком язык обожгла.

Понятно дело, оба заметили, что их молодуху подменили. Что же делать, как быть? Подкрепились с усталости, поели-попили, ту шепелявку заперли одну в чулан на ночь, а сами давай советоваться. Что с этой делать и где Аксинью искать?

А когда они ночью не спали да совет держали, тогда и Аксинья появилась под окном в человеческом облике. Голубкой прилетела, человеком обернулась и заплакала, причитая, что с ней случилось. Услышали ее голос, выглядывают, а она у стены под окном сидит раздетая.

После полуночи час или два прошло, как Аксинья вновь голубкой обернулась и полетела в то чисто поле. Опять молодцы остались с ведьминой дочерью. И направились своей дорогой на работу.

— Мы на работу пойдем, а ты запрись, чтоб никто сюда не проник. Как мы вернемся, только тогда отвори.

Куда-то они сходили, где-то жеребца двух-трех лет купили и привели. Такой горячий, из глаз искры сыплет, танцует прямо, на дыбы встает без конца. Загнали в конюшню. А дочь Ёмы и не заметила, что они жеребца загнали и сами схоронились. Настал вечер. К концу дня и Ёма появилась. Пришла и вновь также косноязычно говорит:

— Дочка, дочка, откхывай. Это мать твоя, иду навестить тебя. Отвохяй, и я хотя бы щи да кашу помешаю, а как мужчины пхидут, их понаставляю.

Та открыла матери, стол накрыла. А княжеский сын и боярский сын вывели жеребчика. Взяли Ёму с дочерью и обеих к хвосту привязали так, что те повисли к заду лицами. Подвесили так обеих, в поле вывели и — жеребцу хлоп. Он испугался, раз на хвосте висят, брыкается и прыгает, уже не шагом несется, а вскачь, и обеих копытами бьет. Тут им обеим и конец пришел.

И опять ночью Аксинья голубушкой явилась, под окном села и человеком обернулась, голая. Опять начала причитать про свою горькую судьбу да просить, чтобы ей из окна на шею сбросили крест натальный и наряд девичий.

Вот раскрыли окно, одеяние и крест кольцом приготовили, чтоб через голову все само наделось, и сбросили. Точно на шею и повисли одежда и крест. Голубка вновь в человека оборотилась и княгиней стала.

ПЕРА-БАГАТЫР

Нэмөвөйся пармаын, Перымланын, олісны-вылісны важон куим вок: Öнтип, Мизя да Пера.

Öнтип муніс служба вылө — роч öксы-князьлөн дружинник лои, Мизя босьтчис видз-му вөдитны, а медічөтыс, Пера, том да гөтыртөм, шуис вöравны.

Пысалас кокас куим сажень кузьята лямпа, босьтас ёсь шы, ньөввуж да ньөвьяс и муно кыйсьыны. Вөтөдас йөраөс либө көрөс, виас шынас и вайө гортас.

Паськыд вөлі Пералөн кыйсян угодьёыс, сө верстьясөн сійө октавліс чөсьяссө да лэчьяссө, но сэтшөм өдйө котраліс, мый лунөн вевьялө кытшовтны став угодьёсө.

Шөйтас, шөйтас вөвлі кузь лунтыр парматі — сук вөрти, а войнас чегьялас ньыв пу лап, бипур пестас да би дінас и узьө.

Со кутшөм сійө, Пера-багатыр!

Өтчыд грездас мужичөйяс керка көрөсө, увьясны и кырсясны, сэсся мөдасны керсө петкөдны. Пера бөрьяс медся гырысьсө. А вөлі сьлөн некытчө шогмытөм вөвшой. Нетшкысьө-ружтө, а додьсө вөрзьөдны оз вермы. Суседьясыс пондісны шөпкөдчыны.

— Но и Пера! Ачыс багатыр, а вөлыс муртса ловья.

Забеднө лои Пералы. Лэдзалис вөвсө, шамыртчис додь вожьясас

дай петкөдіс додсьо туй вылөдзис.

Грездсаяссө шемөс босьтіс том Пералөн вынысь.

А көзьяйкаыс кызд сөмын кывліс, ыштө сійө ас вылас керьяссө петкөдөма, повзис: мыйон тайө Перасө пөткөдан? Татшөмыд өд өтпыр ставсө сөяс, мый дасьтөма лои!

Гөгөрвоис Пера көзьяйкаыслысь төждсө да шуө:

— Вай унджык веж нитшсө, пу да солав сійөс, со меным и ужиньд дась!

Пуксялісны уджалысьясыд пызан гөгөрыс. Көзьяйка ставныслы рок сетө, сөмын Пера ыджыд пөртійысь пуөм нитш сөйө. Няшкө-сөйө да, чөскыд пө, шуө.

Грездсаяс письыс өти, Больө Мишка нима, серөктіс.

— Менам,— шуө,— гидын порсь и то нянь дінө велалөма. Пуөм нитштө кө сылы ваян — нырсө мөдарө бергөдө.

А багатыр вөлі скөнъ оз радейт, кор сійөс серам вув лэптөны. Ачыс некодөс чуньнас оз вөрөд, а сійөс кө чуткан — ыпнитас би вылын кос идзас моз.

Аскинас петө көзяиныс йөрас, кытчө төрыт помечалысьясыс кер бунтсө пуктісны, а сәні ни өти кер абу. И гөгөрвоис, мый тайө Пера водзөс босьтөма төрытья забедасыс.

Төдіс көзяиныс, мый Больө Мишкалөн вөлі виль керка сруб тшупөма неылын. Муніс сэтчө. Видзөдө, а сруб тырыс кер сюялөма. Сулалөны мужичөйяс, төрыт кер петкөдысь көзяин да Больө Мишка, балябөжнысө гыжъялөны да оз төдны, мый тан вөчны. Мөвпалісны, мөвпалісны дай Пера ордө мөдөдчисны. А багатыр гортас пызан сайын пукалө, пуөм нитш сөйө да ошкө. Коскөдзныс копыртчылісны сылы грездсаяс, прөща корисны.

Пера сідз серөктіс, мый керка вефт вувсьыс лымйыс киссис. Но эз мөд ыждавны, муніс сруб дорад да кыскаліс сэтысь керьяссө, нуис найөс важинас.

Со кутшөм вөлі Пера-багатырыд!

Өтчыд ыджыд лектор лои. Роч му вылө уськөдчис степса ханлөн ордаыс. Эз осьса косьын — мудералөмөн вермывліс орда. Степса ханыдлөн вөлі ыджыдсьыс-ыджыд көрт гөгыль. Гөгыляс морт пукалө, ур моз бергалө да гөгыльсө өддзөдө. Сійө гөгыльтчө, йөсө лямөдө, и

некодi оз вермы сувтöдны. А вылісяньыс ордасаяс сотчысь би да ньöв койöны быдөн вылö, кодi лысьтас гöгыль водзас сувтны. Йöзыс садьтöг пышйисны вөръясö.

Но со Öнтип дружинник локтiс роч öксы дiнö да шуö:

— Менам эм Пера вок-багатыр, ог-ö чукöстöй ми сiйöс отсöг вылö?

Рад лои öксыыд, горзö:

— Ветлы öдйöджык вокыдла куима вöлаөн! Жугöдас кö этайö көрт гöгыльсö, ме сылы ассьым джын мусö сета.

Öксылөн слугакöд Öнтип лэбовтiс вокысла медся чож вövьяснас. Быдса вежон гөнитiс. Медбöрын воис жö да висьталiс Пералы, мый лои. Багатырыд воча:

— Мый нö, колö бур йöзыслы отсавны!.. Кыккойыв мун бөр, вокöй, куима вöланад, а ме подөн тэнö суöда, куим лунөн котöрта сэтчö лямпаөн!

— А ме кö война вылö муна, кызди метöг öксыыс тэнö тöдас? — юалö Öнтип.

Пера шуö:

— Көнi ме мöда овны, йöзыс лямпа серти тöдмаласны, лямпаöс керка дiнас сувтöда, сiйö менам кузь, лэбулас пыксьö. А ачымöс ыджыд туша серти тöдмалöны. Да нöшта кепысь серти: кодзыдсьыс ме ог пов и кепысьöс пыр вөнъ костö сюя.

Öнтип мунiс, а Пера лун да вой на гортас олiс, сэсся лямпанас котөрөн мöдöдчис.

Буретш колана кадö воис багатырыд, нач нин кар дiнöдзыс вöли гöгыльтчöма көрт гöгыльыс. Гөгөр би кинь сьавкйö. Чöрс вылас багатыр кодъ жö ордасаыс бергалö. Гöгыльыс грымöдö эрд вомөн, йöзсö лямöдö-виалö, би кисьтö... Усялöны виöмаяс, пышйöны ловьяяс...

Пера-багатыр ньöв моз уськöдчис паныд. Чужöмсö зверь куөн көрталiс, мед оз сотчы. Шамыртчис гöгыль тасьясас да чеччыштiс чöрс вылас ордасаыслы воча. Медводз Пера шыбитiс муас вөрöгсö, сэсся гöгыльсö сувтöдiс, пөрöдiс да пыллис-жугöдiс.

Ордасаяс адзöны, кызди багатырыд көрт гöгыльсö жугöдiс. Повзисны найö да скачөн уськöдчисны бөр асланыс степьяслань...

И сэки кыптiс гаж. Роч öксы вöчис став мир вылас пир. Куим лун сёйисны-юисны гöстьяс, а нельöднас öксыыд шуö:

— Кор менсьым, удал Пера-молодеч, мый косьян, зарни коть, тулан куяс коть. Царство джынйос босьт!

А Перайд вочавидзё:

— Мыйла мем тэнад куясыд, тулантө ме ачым кыя, мича нывъяслы козьнала. А зарнийд меным нинөмла. Пармаад сытөг олоны. Царство джынйид оз ков ни. Вөрад ме ачым кан-царь, меысь весиг ош полө.

Чөв усьліс өксы дай шуө:

— Видзөд тэ кутшөм! Ме эг и төд, ыштө татшөмъяс овлоны. Кытысь тэ рөднад? Воктө ме аддзылі, а вот коді тэнад мамыд, коді айыд, коді чойясыд?

— Айөй менам — вөрын бипур, мамөй менам — кызд пу юрлөс да ныв пу вольпась, а вөлясьыс на вөля — менам чөй, и натөг овны ог вермы,— вочавидзис Пера-багатыр.

Шензьөдісны өксыөс татшөм кывъясыд, и козьналіс сійө коми багатырлы шөвк тыв, мед тулан кыяс. А нөшта сетіс зыраналөн шыпасъяса гижөд, мый Пера да сылөн челядьыс и пөльөн шуысьясыс, и налөн челядьыс вермасны став коми пармасө пыр ас уланыс кутны да сійөн вөдитчыны.

Торйөдчис-прөщайтчис өксыкөд Пера и — гортас. Сэні пырысьтөмпыр муніс выль угоддьөсө видзөдны да шөвк тывсө пуктавыны. Эз төд багатыр, мый быттьө нарошнө веськаліс сэтчө, көні вөлі ачыс Яг Морт кыйсьө.

Сійө, вөрсаыд, буретш сэні вөлөма! Шапкаыс ыджыдсьыс-ыджыд коз коль кодь, турунвиж тошсө төлыс летө.

Зумыштис синкымъяссө Яг Морт да юалө багатырлысь: кызди лысьтө сылөн угоддьөясын вөравны.

— Тайө абу тэнад, а менам угоддьөыс. Со лыдды өксылысь грамотасө,— вочавидзис Пера.

Яг Мортыд эз куж лыддысьны.

— Сійө грамотаыд меным абу индөд,— шуө.— Бурджык вай венласьны, беддьөн кыскасьны. Коді вермас, сылы и лоө угоддьөыс: либө мян вөрса гажтөмъяслы, либө тэныд аслад коми йөзкөд, Пера.

Багатырыд бөрийс бедь, көрталіс сійөс ён тасмаөн кызд пу дінө. Öтарсяныс бедь дінас босьтчис Пера, мөдарсяныс — Яг Морт. И

кызди тай вӱрсаыд нетшыштас бедьсӱ, весиг кыддзыс ратшмуні!

— Мый тайӱ ратшкакылӱ? — юасьӱ.

— Тэнад сюрсаыд! — шуӱ багатыр.

Повзис Яг Морт да дугдіс вермасьны, босьтчис ылӱдчыны:

— Ладнӱ, мед пармаыс тэнад кыин лӱӱ. И вай зыксыйтӱг олам.

Пераыд эскис. Но Яг Морт шуис сійӱс бырӱдны.

Багатыр пӱрӱдіс кузь пожӱм, войбыд кежлӱ ноддя пестіс, узьмӱд-чисны найӱ бипур дінас. Вӱрса юасьӱ Пералысь:

— Мыйысь тэ верман кувны, мечӱн али черӱн керыштӱмысь?

Очсыштіс Пера да вочавидзӱ, ог пӱ пов мечысь кӱть черысь, пола сӱмын кельдӱдӱм эзысь йыла шыысь.

А эзысь йыла шыыд буретш и вӱлі вӱрсаыслӱн. Юр увтас сійӱс дзебис и мӱдіс шкоргыны.

Пера сәки гусьӱникӱн чеччис, вужнас нетшыштіс кыз пу, вайис ноддя дінас, ас местаас пуктіс да сукманнас шебрыштіс. А ачыс босьтіс ньӱв — ньӱввужсӱ да дзебисис коз улӱ.

Коркӱ войнас чеччис Яг Морт, ноддяс донӱдіс ассьыс эзысь йыла шысӱ да кыз тай бытшкас сукманӱн вевтӱӱм кыддзад! Пырыс муніс кельыд шыыд.

— Но и ён вӱлӱма Пераыд! — шуис вӱрса да гоз-мӱдысь на зургис шынас кыддзад.

— Нӱшта кутшӱм на ён! — воча шыасис Пера да лыйис вӱрсалы ёсь ньӱвнас.

Уськӱдчис Яг Морт пышйыны, а багатыр — бӱрсьыс вӱтчӱ да ньӱв бӱрся ньӱв лэдзӱ. Вӱрсалӱн оланіңдз колльӱдіс-вӱтліс.

Сәксянь Пера да став коми войтырыс пыр вӱралісны асланыс пармаын.

Со кутшӱм вӱлі Пера-багатырыд!

Гӱтрасис сійӱ ён, ыджыд тушаа мича анькӱд. Оліс сӱ дас кык во. Видзис грамотасӱ да шӱвк тывсӱ. И Пера, Мизя да Ӓнтип рӱдысь петӱм йӱз ӱнӱдз на олӱны Коми муын. Ставныс найӱ нималӱны шань сӱлӱмӱн да зумыд-крепыд киӱн.

ПЕРА-БОГАТЫРЬ

В вековой парме, Пермской стороне, жили-были в старину три

брата: Антип, Мизя и Пера.

Антип ушел на службу — воином стал, Мизя принялся землю пахать, а младший, Пера, молодой, неженатый, сделался охотником.

Наденет лыжи длиной в три сажени, возьмет острое копье, лук да стрелы и уйдет на лов.

Догонит он лося или оленя, поразит копьем и принесет добычу домой.

Просторны были лесные уголья Перы, на сотни верст кругом он расставлял силки, но бегал так быстро, что все ловушки успевал осмотреть за день.

Бродит, бродит, бывало, день-деньской по парме — дремучему лесу, а ночью наломает пихтовых веток, костер разведет и спит у огня.

Вот каков он, Пера-богатырь !

Раз в деревне стал мужик избу ставить. Устроил он помочь и позвал соседей бревна возить. Вместе со всеми поехал в лес и Пера-богатырь.

Мужики повалили деревья, очистили их от сучьев и коры, принялись бревна возить. Пера отобрал себе самые крупные. А лошаденка-то у него была никудышная. Тужится, тужится, никак с места воз не сдвинет. Начали соседи перешептываться:

— Вот так Пера! Сам богатырь, а лошадь — кляча.

Обиделся Пера. Выпряг лошадь, ухватился за оглобли и вытащил на дорогу воз.

Удивились соседи богатырской силе молодого Перы. А хозяйка как услыхала, что он на себе бревна приволок, испугалась: чем теперь накормить Перу? Пожалуй, такой богатырь сразу съест все припасы!

Угадал Пера хозяйкины думы и говорит:

— Принеси из леса побольше зеленого мха, свари его да посоли, вот мне и ужин готов!

Сели работники за стол. Всем хозяйка кашу подала, один Пера из большущего котла ест вареный мох. Ест да похваливает.

Засмеялся один из соседей, по имени Мели-Мишка.

— У меня,— говорит,— в хлеву свинья, и та к хлебу приучена. Принесешь ей вареный мох — отворачивается.

А богатырь не любил, когда его вышучивали. Сам никого пальцем не трогал, а заденешь его — вспыхнет, как солома от огня.

Наутро вышел хозяин во двор, где вчера помочане бревна свалили, а там нет ни одного бревна. И догадался он, что это Пера отомстил за обиду, полученную на пиру.

Знал хозяин, что у Мели-Мишки был неподалеку поставлен сруб для новой избы. Пошел туда. Глянул, а сруб полон бревен. Стоят мужики, хозяин и Мели-Мишка, затылки чешут, не знают, как тут быть. Подумали, подумали и отправились к Пере. А богатырь у себя за столом сидит, вареный мох ест да похваливает. Поклонились мужики ему в пояс, попросили прощения.

Расхотелся Пера так, что снег с крыши посыпался. Но не стал ломаться, пошел к срубам, вытащил бревна, приволок их во двор и положил на прежнее место. Вот каков был Пера-богатырь!

Однажды случилась беда. На русскую землю пошла войной орда степного хана. Не правдой — хитростью побеждала орда. У степного хана было большое-пребольшое железное колесо. В колесе сидел человек, вертелся, как белка, и гнал колесо. Оно катилось, давило людей, и никто не мог его остановить. А сверху ордынцы огнем горячим и стрелами осыпали всех, кто осмеливался преградить путь страшному колесу. Народ в ужасе бежал в леса. Но вот дружинник Антип пришел к русскому князю и сказал:

— Есть у меня брат Пера-богатырь, не позвать ли нам его на подмогу?

Обрадовался князь, закричал :

— Скачи на тройке за братом! Если он сломает железное колесо, я ему подарю половину своих владений.

Антип с княжеским придворным поскакал на самой быстрой тройке к брату. Целую неделю ехал. Наконец, добрался и рассказал Пере, какая беда приключилась. Богатырь в ответ:

— Что ж, надо добрым людям помочь !.. Скачи, братец, на тройке обратно, я тебя пеший догоню, за три дня туда на лыжах добегу!

— А если я на войну уйду, как без меня князь тебя узнает? — спрашивает Антип.

Пера говорит:

— Где я стану жить, люди по лыжам узнают, лыжи возле дома поставлю, они у меня длинные, в стреху упрутся концами. А самого меня узнают по росту. Да еще по рукавицам: не страшен мне мороз, мои рукавицы всегда за пояс заткнуты.

Уехал Антип, а Пера еще сутки дома прожил, потом побежал на лыжах.

В самую пору прибыл богатырь, уже к самому городу подкатывалось железное колесо. Вокруг искры сыплются. На оси колеса богатырского роста ордынец вертится. А колесо катится по полю, людей давит, огонь мечет... Падают убитые, разбегаются живые...

Пера-богатырь навстречу колесу, как стрела, полетел. Лицо звериной шкурой завязал, чтобы не обжечься. Ухватился он за спицы и прыгнул на ось, напротив ордынца. Первым делом Пера наземь скинул недруга, потом колесо остановил, опрокинул его и разорвал на части. Увидели ордынцы, что богатырь разломал колесо, испугались и ускакали обратно в свою степную сторону...

И тут началось ликование. Русский князь устроил в честь Перы-богатыря пир на весь мир. Три дня гуляли гости, а на четвертый князь говорит:

— Проси, удалой молодец Пера, у меня, что хочешь: золото бери, куниц бери! Полцарства бери!

А Пера в ответ:

— А на что мне твои меха, я сам куниц ловлю, красным девушкам дарю. И золото мне ни к чему. В лесу без него живут. И полцарства мне не нужно. В лесу я сам царь, меня медведь и тот боится.

Задумался князь и говорит:

— Ишь ты какой! Я и не знал, что такие бывают. Откуда ты родом? Брата твоего я видел, а вот кто твоя мать, кто отец, кто сестра?

— Отец мой — лесной костер, моя мать — березовое изголовье, пихтовая постель, а вольная воля — моя сестра, и без них я жить не могу, — молвил Пера-богатырь.

Подивился князь таким словам и подарил богатырю шелковую сеть, чтобы куниц ловить. А еще подарил грамоту, зырянскими буквами написанную. И было там сказано, что Пера и его потомки могут вечно

всей коми пармой владеть.

Попрощался Пера с князем — и домой. Там сразу пошел новое владение смотреть и расставить шелковую сеть. Да не знал богатырь, что попал он, как нарочно, туда, где охотился сам Яг Морт, Лесной человек.

Он, леший, тут как тут! Шапка, будто большущая еловая шишка, зеленую бороду ветер треплет.

Нахмурил брови Яг Морт и спросил богатыря, как он посмел в его владениях охотиться.

— Это не твои, а мои угожья. Вот читай княжескую грамоту,— сказал Пера.

Не умел читать Яг Морт.

— Мне эта грамота не указ,— говорит.— Давай лучше состязаться, на палке тягаться. Кто победит, тот и станет владеть угожьями: то ли наша лесная нечисть, то ли ты, Пера, со своими земляками.

Нашел богатырь палку, привязал ее крепким ремнем к березе.

С одного края уцепился за палку Пера, с другого — Яг Морт. Яг Морт рванул палку, да так, что береза затрещала!

— Что это трещит? — спрашивает.

— Твой хребет! — отвечает богатырь.

Испугался Яг Морт, не захотел больше состязаться.

— Ладно, владей пармой. И давай жить дружно.

Пера поверил. Но Лесной Человек решил его погубить.

Свалил богатырь высокую сосну, зажег нодью — негаснувший костер, и улеглись они у костра спать. Леший и спрашивает Перу:

— А какой удар для тебя смертелен: удар меча или удар топора?

Зевнул Пера, отвечает, что не боится она ни меча, ни топора, боится только раскаленного копья с серебряным наконечником.

А копьё с серебряным наконечником как раз у лешего было. Он его под голову положил и захрапел.

Пера же потихоньку встал, вырвал из земли березу, притащил к костру, положил на свое место и плащом прикрыл. А сам взял лук и стрелу, спрятался под елкой.

Среди ночи встал Яг Морт, раскалил на костре свое копьё с сереб-

ряным наконечником, да как ударит в накрытый плашом березовый ствол. Копье насквозь пробило березу.

— Ну и крепок был Пера! — сказал леший и еще раза два стукнул копьём по березе.

— Да еще как крепок! — ответил Пера и пустил в лешего острую стрелу.

Бросился Яг Морт бежать, а богатырь — следом, осыпает его стрелами. До самого жилища лешего преследовал.

С той поры Пера, его земляки и потомки всегда охотились в коми парме.

Вот каков был Пера-богатырь!

Женился он на сильной, рослой красавице. Жил сто двенадцать лет. Берег грамоту и шелковую сеть. А потомки Перы, Мизи и Антипа до сих пор живут на земле Коми. Все они славятся добрым сердцем и сильными руками.

РУЧ ДА ПӨЛЬ

Олісны пöрысь гозъя. Юыс насянь неылын, нач матын визувтö, а гашкö, вад вöлі, но зэв чериа. Шулöмаöсь: ва вежöдігön пö чериыс легö-вөрö, ветлöдлö либö. Тöвнад сійöс сэки и кыйны колö. А сэтшöм кöдзыд вöлі — пашляк лыйсьö. Пöль и шуö гöтырыслы:

— Пöрысьöй, талун ме ю вылö лэччыла, чериавны.

— Ветлы, шуöны тай, öні пö, ва вежöдігас, ёна шедö.

Пöль муніс чери кыйны. Муніс кыйсьыны, и зэв уна чери шедіс. Вöлі сійö вöла-доддя, рöзвала. Рöзваль тырыс бур чери сылы сюри.

Руч локтö. Паныдасьö руч дай шуö:

— Пöль, тэ мем черитö он сетышт?

— Ог, ачyd кый. Ме тан войбыд кынмöдчи, а тэныд дась кыйдöс ковмöма. Ачyd кый.

— Кызди нö ме кыя?

— Йöрданас лэдз бöжтö да виччысь, кытчöдз оз кутчысь.

А мудер ручyd мöвпалö: ак, тэ менö кöсьян ылöдлыны. Ме öд руч на, ме асьтö на пöръяла. Ордйис сійö пöльтö, водзö котöртіс, туй шöрас

водіс, вомсö восьтіс, кок вывлань чургöдіс, син кунис. Куйлö сідз туй вылас. А пöль мунö доддяс да сьылö — зэв любö, черитö вайö да.

Вöлыс пондіс корскыны да корскыны. И оз мун сэсся. Пöльö ньöрьялыштö сійöс, ас ногыс пинялыштö:

— Мый нö ньöмдін? Друг джөмдін да воськов он вöч.

Видзöдліс — водзын сьöдвидзö мыйкö. Вöв водзас петіс да дзоргö: руч куйлö, кулöма. Но, шуö, кык пöвста шуд талун мем уси: и чери эм, и руч сюри.

А черисö сьылөн вöлі бура тöбöма вонійö, весиг рöзвальсö тупкöма. Суйыштіс пöль ручсö чери дінас, вон улас, саймöдыштіс йöз синмысь. Ачыс бара пуксис додь нырас, дзик вöв бöж дінас. Бöрас оз и видзöдлы. А ручыд лэптыштіс вон дорсö и пондіс черитö туй вылас шыблавны. Уна нин шыблаліс, гашкö, этша нин и коли рöзваляс.

Локтіс пöль гортас коркö асьядорыс нин. Вöзйысис. Пöчыс восьтіс звöзті сараяс каян öдзöссö. Грымöдіс-кайис сэтчö додьнас, и зэв нимкодь пöльыдлы.

— Тöдан, мый ме талун вайи тэныд, пöрысь?

— Мый нö?

— А рöзваль тыр чери да тэныд воротник вылö руч ку.

Зэв нимкодь лои и пöчыслы. Тэрыба чöвтіс додь вывсьыс вонсö. Рöзваляд чери ни руч — нинöм абу. Жугыльмис пöль да ропкö, наян ручöс чорыд кывійөн казьтылö.

Но мый сэсся? Гөгöрвоана, көмөдöма наяныд. Сідз и лоис раммөдчыны коньöр пöрысь гозъялы.

А мудер руч петіс да öктö черитö, чукöртö да аслыс позъяс кытчöкö нуалö. Гөгöрвоана, мешöкөн сійö оз кыскав, а босьтас вомас мыйта вермö и тадзи унаысь нин нуис. Войыс кöдзыд, тöлыся.

Мунö сэті көин. Мунö көиныд и юалö:

— Кытысь тэныд, руч, чериыс?

— Ачым кыйи.

— Кыдзи кыйин? Юксьышт нолтö. Мем и тэд шöри юкам.

— Ог, тэ ачыд кый.

— Кыдзи нö мем кыйнысö? Ме ог куж!

— Ме велöда. Таті со лэччы ю дорас, сэні йöрданыс восьса на. Көні

ме кыйи, сэтчө жö бөрөн матыстчы да йёрданас бөжтö лэдз. Эн дözмы да дыр пукав и видлав. Бөжыд кө шедö на, нöшта виччысьыштлы. Кор оз мöд кыпавны — кор уна нин чериыс кутчысяс, сэки и кыскы.

Кöин сідзи и вöчис. Руч став черисö аслыс новліс сэк кості туй вывсьыд. Но, а кöин пукалö. Йёрдан дорын синмыс кодзлалö-югъялö. Бөжыс йёрданын. Видлас лэптыны — кокныд на. Бара пукыштас. Коркö эз кут бөжыс шедны, сибдіс. Öтарö-мöдарö сідз и тадз чепсасис кöиныд, чеччаліс-чеччаліс, некыдзи бөжыс оз шед. Водз асыв нин вöлі, а нывбабаяс сэтысь, юсьыс, вöлі васö катлöны. Ю дорад лэччöны найö ведраа-карнанаöсь. Локтöны, а йёрданад кöин пукалö. Кöйсисны сійöс карнанъяснас вöтлыны, а сійö öтарö и мöдарö шыбитчылас, нетшкысьö, да бөжыс ваас кынмöма. Öтияс кольчисны сійöс кыйöдны, мöдъяс сиктас мунісны да мужичöйясöс чукöстісны. Кöиныд сэні сэтшöма нетшкысис, мый ачыс асьыс бөжсö ордіс, но век жö чорыда сійöс велöдісны. Муртса ловйöн мыніс.

ЛИСА И ДЕД

Жили старик со старухой. Речка от них недалеко, совсем близко протекала, а может, курья, но очень рыбная. Говорят обычно: при освящении воды рыба шевелится, ходит то есть. Ловить ее зимой надо ближе к Крещению. А такие трескучие морозы стояли. Старик и говорит жене:

— Старая, сегодня я на реку схожу рыбалить.

— Сходи, говорят, на Крещение рыба ловится.

Дед пошел рыбачить. Пошел рыбачить и очень много рыбы наловил. Был он с подводой, с розвальнями. Полные розвальни хорошей рыбы попалося ему.

Лиса идет. Идет лиса и говорит:

— Дедушка, ты мне рыбки не дашь?

— Нет, сама лови. Я тут всю ночь наморозился, а ты на готовенькое захотела. Сама лови.

— Как же я буду ловить?

— Опусты в прорубь хвост и выжидай, пока рыба не схватит её.

А лиса хитрая рассуждает: ах, ты хочешь обмануть меня. Я ведь лиса пока, я самого тебя обведу. Она обогнала старика, вперед побежала, посреди дороги легла, пасть раскрыла, ноги кверху задрала. Лежит на дороге. А дед едет в санях и поет — рыбу везет, очень доволен.

Лошадь начала всхрапывать да всхрапывать. И не идет дальше. Дед постегивает ее плеткой, поругивает по-своему:

— Что с тобой стряслось? Вдруг уперлась и стала.

Посмотрел дед — темнеет что-то впереди. Лошадку обошел и видит: лиса лежит, мертвая. Ну, говорит, сегодня двойное счастье у меня: и рыба есть, и лиса досталась.

А рыба была хорошо укутана пологом, даже розвальни укрыты. Запихал дед лису к рыбе, под полог, и прикрыл к тому же. Сам опять уселся в передке, на вязках загнутых полозьев, у самого хвоста лошадки. Назад и не поглядывает. А лиса приподняла край полога и начала кидать рыбу на дорогу. Много уже покидала, мало и осталось в розвальнях.

Доехал старик до дому когда-то уже под утро. Постучался. Старуха открыла взвоз на сеновал. С подводой поднялись туда с грохотом, и любо очень деду.

— Знаешь, что я тебе сегодня привез, старая?

— Чего же?

— А полных розвальней рыбы и лисью шкуру тебе на воротник.

Очень любо стало и бабке. Откинула спешно покрывало с воза. В санях ни рыбы, ни лисы — ничего нету. Дед пригорюнился и поругивается, и лукавую лису кроет крепким словом.

Ну что? Понятно, рыжая объегорила. Так и пришлось смириться беднякам старым.

А лиса хитрющая подбирает рыбу, собирает себе, куда-то в нору свою таскает. Конечно, мешком она не потащит, а возьмет в пасть сколько может и так много раз уже унесла. А ночь холодная, лунная, Крещение как раз.

Проходит тут волк. Волк проходит и говорит:

— Лисица, откуда у тебя рыба?

— А наловила сама.

— Как наловила? Поделись давай. Мне и тебе поровну поделим.

— Нет, ты сам налови.

— А как мне ловить? Я не умею!

— Я тебя научу. Тут вот спустись к реке, там прорубь ещё открыта. Где я ловила, ты туда же задом подойди и в прорубь хвост опусти, там сиди терпеливо и проверяй. Если хвост пока подымается, подожди. Когда не будет подниматься, когда уж много рыбы прицепится, тогда тяни.

Волк так и сделал. Лиса всю рыбу перетаскала себе, убрала с дороги. Ну, а волк сидит. Глазами сверкает у проруби. Хвост опущен в прорубь. Попробует вытянуть — пока легко. Опять посидит. Когда то не стал хвост подниматься, застрял. Туда-сюда, дерг-дерг, прыг-прыг, никак хвост не вытащить. Было уже раннее утро, а бабы оттуда, с реки, воду таскали. Спускаются к реке бабы с ведрами и коромыслами. Пришли, а в проруби волк сидит. Хотели его коромыслами отогнать, а он из стороны в сторону кидается, рвется, да хвост замерз в воде. Одни остались сторожить, другие в волость пошли мужиков звать. Волк там так надергался, что себе хвост оборвал, крепко его проучили. Еле живым ушел.

САВӦ ДА СИЗЬ

Оліс югьд ю дорын, ичӧтик керкаын сир вийӧдысь Савӧ. Сылӧн вӧлі гӧтыр да арӧса пи Трӧшко, кодӧс сійӧ зэв ёна радейтіс.

Быд тулыс и быд гожӧм Савӧ мырсис сир вӧчан удж вылын. Тайӧ удж помьсь и вердіс асьсӧ да асьсыс семьясӧ.

Сирсӧ Савӧ вийӧдас вӧлі ыджьд бӧчкаӧ, а кор бӧчкаыс лоас тыр, сэки лӧччӧдас сійӧс карӧ базар вылӧ. Сэні вузалас сирсӧ да ньӧбалас аслыс колана тӧвар. Эз вунӧдлы, дерт, и дона Трӧшкоӧс: быд ветлігӧн вайліс сылы кампет да преник.

— Баба, менам бӧчкаӧй бара нин тырис,— ӧти гожся лунӧ шуис Савӧ аслас гӧтырлы.

— Тырис кӧ, сійӧ и бур,— вочавидзис баба.

— Ме, баба, талун кӧсья базар вылӧ лӧччыны сир тыра бӧчка-

над,— водзё нуөдіс Савё.

— Лэччы, лэччы,— ышөдіс мужикөс баба.— Вузав сиртё да ньөб Трөшколы дөрөм вылө лөз рөма сатин. Сійө өд мянн өтка пи. Колө сійөс ичөтика вөччөдыштны.

— Ньөба, ньөба. Эн төждысь, баба.

Савё доддяліс вөв, пуктіс телега вылө сир тыра бөчка да мөдөдчис карө.

Верст дас кымын мунөм бөрын Савөлөн кутіс кынөм сюмавны. А сөйөм вылө сылөн вөлі босьтөма мешөк джын картупель. Сэтысь позьө вөлі пөжавны зэв чөскыд печенча.

— Тпру! — горөдіс Савё.

Вөв сувтіс. Савё лэдзалис сійөс да шуис:

— Тэ, Карко, йирсы, а ме песта би да печенча пөжала.

Вөв кутіс йирсыны, а Савё видзөдіс өтарө-мөдарө да неылысь аддзис кызкодь конда пу, а пу улас дзонь чукөр кос лөп. Дыр думайттөг Савё өзтіс лөпсө да перйис мешөкысь картупель печенча пөжалөм вылө.

Кор биыс ыджыдджык лои, конда пу гөгөр кутіс лэбавны сизь. Лэбалө, гөгралө да горзө нора гөлөсөн, быттьөкө мыйкө висьталө Савөлы. Тайө горзөмкөд тшөтш кыськө вылысянь кыліс вөсньыдик чипсөм. Савё чатөртіс юрсө да сюся видзөдліс пу вылө. Сэні, сыв кык сайын мусянныс, тыдалис ичөтик розь. Розяс вөлі сизьлөн поз, а позьяс пукалісны сизьлөн челядыс. Савё вермис на эськө йөткыштны конда пу дорысь өзтөм лөпсө да кольны дзоньөн сизь позсө, но сійө та йылысь эз и мөвпышт, а сөмын паськыда серөктіс да шуис:

— Бура и жаритчасны тэнад пияныд, сизюкөй. Горзы көть эн, а лоас тэныд челядтьөгыд кольны.

Тадз шуис Савё. Сійө эз чайт, мый сизьлы аслас челядыс сэтшөм жө донаөсь, кутшөм дона сылы аслыс Трөшкоыс.

Сизьлөн пияныс сотчисны. А коньөр сизь век гөграліс сотчысь пу гөгөр да горзіс-бөрдіс шога-шога. Савё кутіс печенча пөжавны. А сизь кытчөкө вошис. Недыр мысти кыліс кутшөмкө тотшкөдчөм шы. Видзөдліс Савё, да сизь пуксьөма бөчка вылас, бөчкаас сизьдө. Котш, котш, котш! Котш, котш, котш! Котш, котш, котш!

— Мыйла розьөдан бөчкасө? — скөрмис Савё да черөн уськөдчис кузь ныра лэбач вылө. Сизь эз повззы. Век котшкөдчө. Сэк Савё мый

вынсьыс кучкис чернас бочкаас. Сизь жбыркнитіс бочка вывсьыс да син водзысь воши. А черыс веськаліс асыкас да шөри орөдіс сійөс.

— Виа, мөдысь кө локтан! — лэптіс черсө Савө да муніс бипур дінас.

А бөрсяньыс бара нин кылө котшкөдчөм шы: «Котш, котш, котш! Котш, котш, котш! Котш, котш, котш!» Савө видзөдліс, а сизь пукалө мөд асык вылын да важ дорсьыс зільджыка сизьдө сійөс.

— Ак тэ, кузь ныра муги! — горөдіс Савө да зырөдіс бочка дінас. Кучкис чернас сизьлы, а сизь — жбырк лэбис. Черыс орөдіс мөд асык.

Савө сэтшөма скөрмис, мый эз и казяв асык орөмсө. Век дзоргис сизь вылө да кыйөдіс сійөс. А сизь коймөдысь пуксис сир бочка вылө да бара сизьдыны кутіс: «Котш, котш, котш! Котш, котш, котш! Котш, котш, котш!» Савө чеччыштөмөн керыштіс сизьлы. Сизьлы эз веськав, а бочкакысь коймөд асык орөдіс.

— Öні он лысьт локны, яндысьтөм син, — шуис Савө да воськовтіс бипурлань. Сэн өд сьлөн печенчаяс пөжасьоны. Но бөрсяньыс бара на кыліс котшкөдчөм: «Котш, котш, котш! Котш, котш, котш! Котш, котш, котш!» Савө пиньсө йирыштіс скөрысла. Сизь пукаліс бочка вылын да кокаліс нельөд асыксө.

— На жө тэныд! — равөстіс Савө да сөтыштіс чернас.

Сизь качөдчис вылө, а черыс орөдіс медбөръя асыксө. Бочкакыс паськаліс өтарө-мөдарө да киссис разі-пели. Сир шлявмуні муас.

— Ок, ок, ок! — кутчысис юрө Савө.— Рөзөритіс менө кузь ныра дявөлыд! Мый вылө öні ме ньөба няньтө да совтө да Трөшколы дөрөм вылө мича лөз сатинтө?

Дыр пукаліс Савө киссьөм сир водзас да арталіс лоөм убыткасө. Куш киөн өд лоас гортө бергөдчыны!

Видзөдліс Савө вөв вылас, а наян сизьыд пуксьөма вөв юр вылө да сизьдө сылысь плеш шөрсө.

«Сир бөчкаөс жугөдіс дай Каркоөс көсйө вины,— мөвпыштіс Савө.— Дыр-ө сійө ме вылын тешитчынысө кутас? Öні лоас гусьөнджык кыйөдны сійөс».

Савө чабыртіс черсө да пондіс кыссьыны вөвланьыс. Кыссис, кыссис, сэсся чеччыштіс мусьыс да став вынсьыс троньөбтіс чер тышнас сизьөс.

Сизь жбыркнитіс-лэбис, а чер тышкөн чорыда кучкөмысь вöлыд усис дай кулі.

Бöрддзис Савö. Чужöмыс и тошкыс кöтасисны — жаль вöлыд. Сэсса кулис вöвлысь кучиксö, нопъяліс дай подөн мөдөдчис гортас.

А сизьлы этша на вöлөм тайö. Абу на тыр водзöс босьтöма пиян-сыс. Лэбис сійö сир вöчысьлөн оланінö. Воис Савö керкаөдз и пырис öшиньöд сэтчö. Савөлөн гöтырыс буретш вöлі ыжöс шырö, а дзоля Трöшко зыбкаын узьö. Залавка дорын да джаджъясын сулалöны йöv тыра кринчаяс да быдсяма пөлöс дозмукыс.

Сизь лэбалыштис-гöгралыштис пötөлök увті, сэсса пуксис йöv тыра кринча вылö да кутис сизьдыны сылысь дорсö: «Котш, котш, котш! Котш, котш, котш! Котш, котш, котш!» Баба повзис — сизьыд жугö-дас кринчатö, шыбитіс шырансö, йötкыштис ыжсö, судзöдіс сёр вы-лысь сартас пес да уськөдчис сизь вылö.

— Мый тэ керан, лөк лэбач? Мыйла кринчасö розьöдан? — горөдіс сійö да кучкис сизьöс сартас песнас.

Кринча пасьмуні. А сизь пукалö нин мөд кринча вылын да зіля уджалö нырнас: «Котш, котш, котш! Котш, котш, котш! Котш, котш, котш!»

Баба ещö ёна скөрмис да бара лöсыштис сизьöс сартас песнас. Йöлыс, кринча торъясыскөд тшötтш, резыштис öтарö-мөдарö. А сизь шашаритчис нин коймөд кринча дорö да сыысь на гораджыка котшкөдчö: «Котш, котш, котш! Котш, котш, котш! Котш, котш, котш!»

— Сибалін кö тэ ме дінö-а! — чирөстис баба да пондіс вötлысьны сизь бөрся. Кытчö сизь пукяс, сэтчö и вартö сартас песнас. Пöсаявтөдз коясис сизькөд да жугөдліс став гырничсö, а сизь пыр на ловъя, пыр на эльтчигтыр лэбалö керка пытшкас.

Кор пасьмуні медбөръя гырнич, сизь кутчысис ёсь гыжнас ыжлы юрас да заводитис сійöс сизьдыны. Баба зырөдіс сизь вылö да паськы-да шеныштöмөн колскөбтіс сійöс сартас песнас. Сизь тювкнитис бокö, а ыж чергөдчис джодж шöрас да эз нин сэсса вөрзыйв.

— Виис öд балюктö! — шевгөдіс кияссö баба.— Эз весиг сет шырны помөдз. Ок, сюрин кö эськö тэ меным кабырö, мый эськö ме тэкөд вöчи!

Видзөдліс, а сизь пырöма зыбкаас да кокалö Трöшколысь дзоля нырсö.

— Мыйла кагасö вөрзёдан! — авөстис баба да скөрмөмвывсьыс эз нин куж мөвпыштны, а зэв чорыда зургис сизьöс сартас пес помнас.

Сизь жбырөбтис зыбкасьыс да төвзыштис-петис керкасьыс восьса öшиньöд, сөмын сийöс и адзылисны.

Баба топөдис Трөшкоöс аслас морöс бердö, но Трөшко эз нин вөв ловъя. Сартас пескөн чорыда зургöмысь потöма сылөн юрыс.

— Ойя жö да ойя! — кутис горзыны баба.— Босьтис дона кагалысь ловсö лёк лэбачыд! Мый меным Савöй шуас? Кызди ме сы вылö видзöдла?

Баба эз и кыв — Савö пырис керкаö. Сэсся висьталис, мый ськөд лои. Дыр бөрдисны кыкнанныс öтвылысь. Сэсся Савö шуис:

— Вай дугды бөрдны. Бөрдöмнад кагатö он ловзёд. Ме соти сизьлысь челядьсö, а сийö и босьтис миянлысь водзöссö.

Та бöрын Савö гозья ёна вежөрмисны да некор нин эз вөрзёдлыны пöткалысь дзоля пиянсö.

САВВА И ДЯТЕЛ

У светлой-прозрачной речки, в маленькой избушке жил да был смолокур Савватий. Были у него жена и годовалый сын Трофимчик, которого называл Трошка и которого очень любил.

Каждую весну и каждое лето Савва трудился на смолокурении. Этой работой и кормил себя и свою семью. Накурит было Савва живицу в большую бочку, а когда бочка заполнится, свезет ее на базар в город. Продаст там смолу да накупит себе товаров. Не забывал, понятно, и любимого Трошку: каждый раз вез ему конфет и пряников.

— Баба, бочка моя опять полная,— сказал Савва своей жене как-то в летнее время.

— Полная дак и хорошо,— отвечает жена.

— Я, баба, сегодня хочу на базар ехать с бочкой-то смолы,— ведет речь Савва.

— Езжай, езжай,— настраивает его жена.— Продай смолу и купи Трошке синего ситца на рубашку. Он ведь у нас единственный. Надо

его малость приодеть.

— Куплю, куплю. Не беспокойся, баба.

Запряг Савва лошадку, взгромоздил на телегу бочку, полную смолы, да и отправился в город.

Проехал верст десять и проголодался Савва. А на еду он прихватил полмешка картошки. Можно ее испечь, очень вкусная печенча получится.

— Тпру! — крикнул Савва.

Лошадь стала. Савва распряг ее и сказал:

— Ты, Карко, пасись, а я разведу огонь и картошки испеку.

Лошадь начала травку щипать, а Савва оглянулся влево-вправо и заметил недалеко довольно толстый сухостой, а под ним целую кучу тоже сухого валежника. Недолго думая, поджег валежник и высыпал из мешка картошки печь.

Когда костер очень разгорелся, вокруг сухостоя начал беспокойно кружить дятел. Летает, кружит и кричит жалобно, будто говорит что-то Савве. А с этим криком послышалось откуда-то сверху жалобное щебетанье. Савва задрал голову и внимательно осмотрел высохшее дерево. На нем, на уровне двух саженей от земли, виднелось маленькое отверстие. В дупле было гнездо, а в гнезде сидели птенцы дятла, его дети. Савва мог бы раскидать от дерева подложенный валежник и оставить в целости гнездо, но он и не подумал сделать это, а лишь рассмеялся широко и говорит:

— Хорошо зажарятся твои птенцы, дятелок. Кричи, не кричи, а придется тебе без детей остаться.

Вот как сказал Савва. Он и не чаял, что дятлу свои дети так же дороги, как дорог ему самому Трошка.

Сгорели дятлята. А бедный дятел все кружил вокруг горящего дерева да печально кричал-плакал. Савва начал печь картошку. А дятел пропал куда-то. Но скоро раздался его трескучий стук. Смотрит Савва, а дятел сел, оказывается, на бочку, по ней долбит. Тук, тук, тук! Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!

— Почему бочку дырявишь? — разозлился Савва и с топором набросился на длинноклювую птицу. Дятел не испугался, дальше тархтит. Тогда Савва изо всех сил рубанул по бочке. Дятел успел

слететь с нее и исчез с глаз. А топор пришелся по обручу и перерубил его.

— Убью, если ещё раз прилетишь! — Савва поднял топор и пошел к костру.

А за спиной опять уже тарахтит: «Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!» Оглянулся Савва, а дятел сидит и по другому обручу пуще прежнего долбит.

— Ах ты, бес длинноногий! — крикнул Савва и заспешил к бочке.

Долбанул топором по дятлу, а он прыг — и нету. Топор перерубил другой обруч.

Савва так рассвирепел, что и не заметил этого. Все высматривал дятла. А тот третий раз сел на бочку и вновь давай выводить свое: «Тук, тук, тук! Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!» Савва уже подпрыгнув рубанул по птичке. В нее не попал, а третий обруч рассек.

— Ну сейчас не осмелишься прилететь, бесстыжая, — буркнул Савва и зашагал к костру. Там ведь его картошка печется. Но сзади тут же снова послышалось: «Тук, тук, тук! Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!» Савва зубами заскрипел от бешенства. Дятел сидел на бочке и долбил по четвертому обручу.

— На же тебе!!! — рывкнул и опять саданул Савва.

Дятел взмыл ввысь, а топор перерубил последний обруч. Бочка во все стороны рассыпалась. Живица потекла на землю.

— Ох, ох, ох! — схватился за голову Савва. — Разорил меня длинноносый дьявол! На что я теперь куплю хлеба и соли да красивого синего сатина на рубашку Трошке?

Долго сидел он перед расползшейся смолой и подсчитывал убытки. С пустыми руками ведь придется домой возвращаться!

Глянул Савва на лошадь, а лукавый дятел сидит на ее голове и долбит прямо посередке лба. «Смоляную бочку разбил и Карко хочет убить, — подумал. — Долго ль надо мной он издеваться будет? Придется тайком выследить его». Савва схватил топор и начал подползать к лошадке. Полз, полз, потом вскочил да как шарахнет дятла изо всех сил обухом. Дятел жбырк — и нету его, а от страшного удара обухом Карко свалился и умер.

Заплакал Савва. Лицо и борода мокры от слез — жаль лошадку.

Затем снял с нее шкуру, взвалил на себя и пешочком отправился домой.

А дятлу мало оказалось этого. Не сполна отомстил за своих детей. Долетел он до жилища смолокура. Добрался до Саввиной избы и влетел в окошко. Хозяйка как раз стрижет овцу, а малый Трошка в люльке спит. У залавки и на полках стоят кринки молока и всякая посуда.

Дятел полетал-покружился над потолком, потом уселся на кринке с молоком и начал долбить по ее краю: «Тук, тук, тук! Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!» Хозяйка испугалась, что дятел расколет кринку, бросила ножницы, оттолкнула овцу, достала с полки сушившееся на лучины полено и набросилась на дятла.

— Что ты вытворяешь, дурная птица этакая? Почему кринку долбишь? — и ударила дятла поленом.

Кринка вдребезги. А дятел сидит уже на другой кринке и вовсю работает клювом: «Тук, тук, тук! Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!» Саввина жена пуще прежнего разозлилась и опять поленом замахнулась на дятла. Молоко, вместе с черепками посуды, брызнуло во все стороны. А птичка уже вцепилась за край третьей кринки и еще громче строчит: «Тук, тук, тук! Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!»

— Привязалась, что ли, ты ко мне! — взвизгнула баба и давай гоняться за дятлом.

Куда он сядет, по тому месту и грохает поленом. До пота воевала с пташкой и разбила все кринки, а та все жива, все летает в избе и дразнит. Когда разлетелась последняя кринка, дятел вцепился острыми когтями в овечью голову и начал ее долбить. Баба бросилась на него и с размаху долбанула тем же высушенным на лучины поленом. Дятел нырнул в сторону, а овца распласталась посреди пола и больше не шевельнулась.

— Убил ведь овцу! — раскинула руки хозяйка. — Не дал даже достричь. Ох, попал бы ты мне в руки, что бы я с тобой сделала!

Оглянулась, а птица залетела уже в люльку и клюет крохотный носик Трошки.

— Зачем дитё трогаешь? — заорала хозяйка и, от бешенства уже ничего не соображая, сильно ткнула дятла торцом полена.

Дятел раньше нее прыг из люльки и стрелой вылетел в открытое окно, только его и видели.

Мать прижала к груди Трошку, но Трошка уже был мертв. От сильного удара поленом у него треснула голова.

— Ойя да ойя! — запричитала баба.— Отняла моего дорогого дитяти эта мерзкая птица? Что мне Саввушка скажет? Какими глазами я на него взгляну?

Она и не слышала — Савва зашел в дом. Потом рассказал, что с ним приключилось. Долго плакали оба вместе. Наконец Савва сказал:

— Перестань давай плакать. Плачем ребенка не оживишь. Я сжег детей дятла, он и отомстил нам.

После этого Савва с женой крепко поумнели и никогда больше не трогали маленьких птенцов.

ТУРИ ДА РУЧ

Тури да руч гоститодны ота-модсö кöсйöны. Сватон да сваттяон сомын и шусьöны. Руч ветлöдлö да ошйысьö вөр пасьятыс:

— Ме туриöс кора гоститны!

И аслыс турилы вашкö помся:

— Волы, сват, волы ме ордö гоститныд. Зэв ёна виччыся тэнö важон нин. Талун нök пöжи. Волы да пукалам отилаын.

Тури эз мөд пыксыны:

— Вола, сваття, коран да, ог и мөд шванитчыны. Ме локта, дай пукалам отлаын.

Локтис тури руч ордö. Руч вайис паськыд рач, зэв вöсньыдика банйодомон пуктöма нök, пöжалöма. Зэв эськö и чöскыд. Да тури клён-клён-клён кокыштö, а ньылыштныс оз сюр: нырыд кузь сылөн. А руч паськыд кывнас кыкысь-куимысь нюлыштис, и абу нин нökйыд, бырöма. Турилы сэтшöм лои забеднö да мөвпалö:

— Со, корис да татшöма менö гоститодис. Гашкö, ме на водзöс слöйма асьсö гоститодны.

Пукыштис тшыг дай шуö:

— Час, муна сэссия гортö. Сваття, волы водзлань ме ордö. Ме

понда виччысьны.

А руч колльодё да кёсийсьо:

— Вола, вола, сват.

Ачыс думайтё:

— Тэнё гөститөді да өд водзөстө, дерт, вола жө!

Тури лөсьодіс кузь да векни горша джуджыд кувшин, пуктіс сэтчө ма, пызан вылас сувтөдіс. Руч локтө, тури сійөс чолөмалө:

— Мудзтөдз нин виччыси, сваття, пуксьы пызан дорас матөджык!

Мөдыс эз жө и пыксьы, матыстчис:

— Пукся, дерт, локті нин да.

— Сөй, со менам ма вайёма. Аминь чөскыд!

Руч кувшин дорсө нюлыштө да нюлыштө кывнас, а тури юрсө суйлас, кыскас вом тырыс, ньылыштас да бара. Ачыс нёняліс став матө. А руч нюліс-нюліс дорсө, сідзи и нинөм чөскыд көрсө эз кывлы, сөмын кыв йылыс юммыштлис.

Сэсся колльөдчыны кутісны бара. Кыкнанныс ёна зэв копрасьёны, мөда-мөдыслы аттё висьталёны.

Сідзи и торьялісны сэсся. Ёні оз и воливлыны, лөгасисны сэсся сы бөрын сват да сваття. Сват рөдняыд тадзи гөститөдчөм бөрад көдзыд рөдня лои.

ЖУРАВЛЬ И ЛИСА

Журавль и лиса очень дружно зажили, хотят к друг другу в гости начать ходить. Не иначе как только сватом и сватьей называют друг друга. Бегает лиса по всему лесу и хвастает:

— Я журавля в гости зову!

И самому журавлю сладко воркует без конца:

— Приходи, приходи ко мне, сват, на угощение. Очень жду тебя уже давно. Сегодня сметану топленую сделала. Приходи, и посидим вдвоем.

Журавль согласился:

— Приду, сватья, раз просишь, уж не буду чваниться. Приду я, и посидим вместе.

Пришел журавль к лисе. Принесла лиса широкую сковородку, тоненько-тоненько сметана наложена. Истопилась до солнечного цвета. Очень бы вкусная. Да тук-тук-тук клюет журавль, а глотнуть нечего: его длинный клюв ничего не ловит со сковороды. Лиса же широким языком два-три раза лизнула, и уж нету сметаны, кончилась. Обидно стало журавлю и думает:

— Вот ведь, пригласила да как меня угостила. Может, в ответ я тоже сумею ее попотчевать.

Посидел так голодный и говорит:

— Ну, пора и домой. Сейчас, сватья, твоя очередь у меня погостить. Я буду ждать.

А лиса провожает его и обещает:

— Обязательно приду, сват.

Сама думает:

— Тебя угощала, конечно же, схожу!

Приготовил журавль высокий кувшин с длинным и узким горлом, наложил в него меду и поставил на стол. Идет в гости лиса, журавль ее встречает:

— Уж устал ждать, сватья, давай сразу поближе к столу!

Та и не противится, присаживается:

— Не откажусь, конечно, коли пришла.

— Ешь, вот я мёд приготовил. Ох и вкусный!

Лиса лижет и лижет край кувшина, а журавль сунет в него клюв, полный рот меду наберет, проглотит и снова набирает. Сам и высосал весь мед. Лиса же облизывалась лишь, так и не попробовала по-настоящему, только кончиком языка почувствовала сладость журавлиного угощения.

Когда-то и прощаться начали. Оба кланяются низко, друг другу спасибо говорят.

Так и разошлись потом. Остыла воспылавшая было дружба. Теперь в гости не ходят, не ладят после того сват да сватья, друг друга даже знать не хотят. После такого угощения у свата по сватье не болит голова.

УР ВЕЛӖДИС

Оліс-выліс вӖралысь, йӖз пӖвстын ноксис да нэмсӖ озырмыны зіліс.

А сэтшөм гөля гөтырыскөд олісны, мый вежоннас өтчид пажнайтісны, а ужын йылысь и шунысө нинөм. Паськөмыс и то кыкөн вылө өти — верөсыс кө пасьтасяс, гөтырыслы лоө паччөр вылас пукавны, а гөтырыс кө йөз дінө петас — ачыс паччөрас куткырвидзө.

Босьтіс өтчид кыйсьысьыд асьыс пищальшойсө да мөдөдчис вөрөд кытшовтны, коч ли ур ли пө, гашкө, веськалас. Лунтыр шөйтис, коксө песис, да нач весьшөрө: шыр весиг эз паныдасьлы. Сөмын лампа нырсө гортланьыс бергөдіс — дзик сы водзө кыскө ур, муртса плеш на плеш эз тангысьны...

Лэптис кыйсьысь пищальсө, октіс куроксө да кутис нин витны ичөтик зверлы, а сійө виччысьтөг шыасис морт гөлөсөн:

— Эн тэрмась, бур морт! Винытө кор көть вевъялан, а бур сөветтө он пыр кывлы.

Кыйсьысьлөн синъясыс плешкөдзыс кайисны: пөрысьө-нэмөдз оліс, а медым кутшөмкө ур босьтчис мортөс велөдны — эз на кывлы. Со урыд пуксис матысса пожөмлөн улыс ув вылас и сёрни панө:

— Кор менө лыян, вөч сідз. Куөс менсьым мичаа куль, косьты да купечлы вузав. А сійө сьөм вылас көзапи ньөб. Быдмас да кык көзапиөс тэд чужтас...

Татшөмтортө кыйсьысь чошкөдөм пельөн мөдіс кывзыны, вомыс весиг осьса, а пищальсө лымъяс зургис. «Со көні лоө шудыд,— мөвпалө,— и йөв лоө, и сьөм нажөвита».

А ур бөжсө көлачөн сюркнялөма да варовитө:

— Порсьпи ньөбан, порсьөдз быдтан. Сійө пиянасыс, польөпиянсө бара купечлы — и ньөб кукань. Куканьыд быдмас — мөс лоө, өшпи тэд ваяс. Öшписө быдтан да вөв вылө вежан.

Татшөм озырлунсьыд мужикьдлөн юр садьыс мөдіс бергөдчыны. Уртө вунөдіс нин да быттө збыльысь аддзө, кыдзи чож да яр вөв вылын тшапитчө.

А керөс йылас сулалө сьлөн кык судта керка. Пырө со вөралысь горничаас, гөтырыс пызан вылө яй вайө, шобді нянь көрыш шөрыштө. Сылы, аслас көзьяйкалы, вөралысь вайис дона козинъяс — кумач ковта да лөз кашемирысь сарапан...

— Ладнө,— шуис,— лыя нин урсө.

Видзөдө, а урлөн и дукуыс абу, уйкнитөма-луйыштөма кытчөкө

мужикыдлөн мичаа вӱтасигӱн. Лыйыштӱма дай сылысь став озыр-
лунсӱ сӱрсыйс нуӱма.

БЕЛКА ПРОУЧИЛА

Жил-был охотник, среди людей толкался да все разбогатеть старался. А так бедно с женой жили, что раз в неделю обедали, а об ужине и не мечтали. Одежка и то на двоих одна — коли муж оделся, жена на печи сидит, а жена к людям выйдет — самому приходится дома зябнуть.

Взял как-то охотник свое ружьишко и решил по лесу пройтись, зайца или белку, думает, удастся подстрелить. Целый день ногам покоя не давал, да все зря: даже мышь не видал. Только повернул лыжи в сторону дома, глядь — перед ним откуда ни возьмись белка, чуть лбами не стукнулись...

Поднял мужик ружье, взвел курок и начал уже целиться в маленького зверька, а тот неожиданно обращается человеческим голосом:

— Не спеши, милый человек! Убить всегда успеешь, а добрый совет не каждый раз услышишь.

У того глаза на лоб полезли: до старости дожил, а чтоб какая-то белка людей учила — такого пока не слыхивал. Вот белка уселась на нижнюю ветку ближайшей сосны и заводит такой разговор:

— Когда убьешь меня, сделай так. Шкурку мою аккуратно сними, высуши и продай купцу. А на те деньги купи козленка. Вырастет и тебе двух козлят принесет...

Услышав такое, охотник уши развесил и рот раскрыл, а ружье в сугроб воткнул. «Вот где будет счастье,— мечтает,— и молоко будет, и денег наживу».

А белка свернула калачиком пушистый хвост и заликает:

— Поросятка купишь, большую свинью вырастишь. Она опоросится, а ты поросят опять купцу — и купи теленка. Теленок вырастет — коровой станет, бычка тебе принесет. Бычка откормишь и на коня променяешь.

От такого богатства у мужика голова кругом пошла. Он и про белку уже забыл, и как бы наяву себя видит, как на быстроногом и горячем коне красуется. А на пригорке стоит его собственный двухэтажный дом. Заходит в горницу, жена на стол мясо несет, пшеничную ковригу режет. Ей, своей хозяйке, охотник привез дорогие подарки — кумачевую кофту и сарафан из синего кашемира...

— Ладно,— говорит,— уж пристрелю белку.

Глядь, а белки и след простыл, молнией метнулась куда-то, пока мужик сладкие сны видел. Стрельнула куда-то и все его богатство с собой унесла.

ФОМА ДА ЁМА

Оліс-выліс Фома. Лун-лун уджаліс, мудз эз тӱдлы. Пӱрысь ай-мамыс нимкодясьӱмсьыс эз пӱтлыны. Ӗтчыд сійӱ вӱрын пес кераліс. А буретш сӱки орччӱн Ёма муніс, лӱк вӱчысьыс. Фома сӱтшӱма вӱлі ӱддзӱма, мый зільӱмысла эз и казаяв сійӱс, ӱвтыштӱс чернас, а увйӱс чеччыштӱс Ёмалы веськыда синмас. Пузис Ёма, пӱльыштӱс, сьӱлыштӱс и нимкыв лыддӱдӱліс:

Он ӱвтышт нин чернад,
Лоан помся мудз,
Вӱлін зіль мортӱн кӱ,
Ӗнісянь — дыш рунь.
Мун да кай паччӱрӱ,
Куйлы сӱні брун!

И мый ті чайтанныд? Сідзи ӱд и лои. Нач мӱд мортӱн лои Фома. Дышмис да быдса лунъясӱн нюжвидзӱ паччӱрас.

Кызкӱ ӱтчыд пӱрысь мамыс шуӱ Фомалы:

— Паччӱрад весьшӱрӱ туплясьӱм дорысь ветлін эськӱ раскӱ да ручкыян гу кодйӱин.

— Ветла,— вочавидзӱ Фома.— Сӱмын аски, чеччан да, пу меным рок.

Мамыс аскинас чеччас да рок пуас. Фома рок сӱяс, вӱрӱ каяс и кодъяс руч гу. Мӱдлун асывнас каяс гу дӱнӱ, а гуад руч усьӱма. Руч и шуӱ сылы:

— Фома, лӱдз менӱ, ме тӱныд ыджыд и бур вӱча.

Фома и жалитас и лэдзас ручөс. Локтас сійө гортас да бөр паччөр вылас каяс.

А руч мунас съод вөр шөрө да турун вылас водас. Сэтчө локтас кöин да и юалö:

— Ручö-чойö, мый нö тэ муас куйлан?

А руч сылы и шуö:

— Ме Фома ордын гөстити, сэтшöма вердис-удис — весиг вөрны ог вермы.

— Майбырöй, ручöй,— шуö кöин,— век тэ кöнкö гөститан. Менö коть öтчюд нуöдлы кытчöкö.

— Нуöдла эськö, да мый тэнö öтнадтö нуан. Сё кымын кöинöс чукöрт, сэк и нуöда стаяөн.

Чукöртчасны сё кымын кöин и локтасны руч динö. А ручыд и шуö:

— Ти öд, кöинъяс, онö кужöй пир вылад пукавныд. Ти сэн нинöм эн сёрнитöй, бурджык чöv олöй.

Руч водзвылас мунас, кöинъяс сы бöрся локтöны. Вайöдас найöс царь öшинь улö да горöдас царыслы морт гөлöсөн, кодöс кöинъясыд оз гөгөрвоны.

— Царь-государь, тэныд Фома гөснеч мөдöдис. Со öд сійö кутшöм озыр.

Царь шензö:

— Кутшöм нö тайö Фома?

И кöинъясöс тшöктас йöртны картаö. Руч бара вөрö мунас. Вайöдас сэсся царлы сё кöчöс да сё съөдбöжöс. Ставыс пö Фомасянь козин тайö. А Фома паччөр вылын куйлö, нинöм оз тöд.

А руч бара локтас царь динö да шуö:

— Фомалөн зэв уна съöмыс, да некыз ог вермы артавны ни мерайтны. Вайлы тэ миянлы ассыд пудовнятö.

Сетас сылы царь пудовня. Руч нуас пудовнятö, кыськö корсяс кык-куим кöрт деньга да сямöд костас найöс сюяс. Сэсся и бөр нуас царлы. Царь юалö:

— Уна-ö нö лои тэнад господинлөн зарниыс?

— Ог бурасö и тöд. Сё кымын пудовня лои кö-а,— вочавидзö руч.

А царь тшöктö слугаяслы:

— Нолö жö, видлöй, гашкö, эз и мерайтны некутшöм зарни да. Мерайтисны кö, коли мыйкö сэтчö.

Видласны пудовнятö, а сямöд костас збыльысь деньгаяс.

Царь и дивуйтчö: кутшöм пö тайö Фомаыс озыр!

А руч бара локтас царь динö да шуö:

— Царь-государь, Фома тэнсьыд нывтö коралö ас саяс. Сетан он?

— Сетны лоö,— шуö царь.— Сэтшöм озыр сайö нö кыз он сет!

— Ми,— шуö руч,— барка вылын локтам, виччысьöй мянöс вадорын.

Руч вöчас пур, мунас Фома динö да шуö:

— Чеччы öдйö, Фома. Ме царь ордын коралі тэныд нывсö, лок мунам пируйтны.

Нимкодь лои Фомалы, пуксис пур вылад, көть и дыш вöлі сылы. А руч пöрччöдіс сійöс дзикöдз, сөстöма мыссьöдіс, водтöдіс да веж пу вожьясөн вевтис. И мөдісны царылдөн дворецлань кывтны.

А царь виччысьö нин зятьöс. Берегсянныс кильчö помöдзыс лöz ной вольсалöмаöсь. Локтас жöник берег дорö, царь сылы паныд петас. А корасьысь руч чечыштас пур вывсьыс и висьталö:

— Царь-государь, ой, ми öд муртса воим: барканым мян вöйи. Сэні вöлі сизимдас слуга и ставныс вöйисны. Ме муртса верми зять-путö пур вылö кватитны. Со став паськөмыс и көмыс ю пыдöсö колис, выльöс лоö вурöдны.

Царь чукөстас вурсьысьясөс да закажитас жöниклы выль паськөм. Ваясны выль паськөм — ставыс югьялö. Жöник пасьталас, көмалас да видлалö асьсö. Зэв мича кажитчö. Öти пельпомсö видзöдлас да мөдсö.

Царевна аддзас жöниклысь майшасьöмсö да юалö ручлысь:

— Мича чужöма эськö, но сөмын тайö кө йöй-а? Мый нö век бергалö?

А руч шуö:

— Паськөмыс сылы оз кажитчы. Абу сы серти вурöмаöсь.

Царь мичаджык на кафтан корас. Руч пасьтöдас жöникöс да пельпомас ыджыд ем сутшкас, мед оз кут бергавны. Жöник бергöдчас да сутшыксыс емад и дугдас сьылісö бергöдлыны.

— Со öд,— шуö руч,— паськөмыс мича да оз и бергав.

Сэсся сійö жö луннас дыш Фома венчайтчас царь нывкөд. А руч бара:

— Аски ті мянö локтö гөститнытö. А ме водзджык муна.

Мөвпалö, гөстьястö пö кори, а көні найöс примитам. Мунас да мунас

и веж видз вылө воас. Сэні вөв табун йирсьö. Руч и юалö пастукъясь-лысь:

— Кодлысь нö вөвъяссö видзанныд?

— Ёмалысь,— шуöны пастукъяс.

— Таті кутас мунны свадьба, да ті шуö, юаласны кö, мый тайö вөвъясыс Фомалөн. А онö кö сідз шуö, ме кöинъясöс вайöда татчö.

Сідз жö висьтавны руч тшöктіс мөс видзысьясöс и ыж видзысьясöс. Сэсяя руч водзö котöртіс, котöртіс да воис скөр Ёмалөн керкаöдз. Пырис керкаас, сэні Ёма куткырвидзö да вурун шöрт путшкö. Ручыд кыз тай горöдас:

— Пышйы, Ёма! Царь локтö слугаясыскöд, тэнсьыд юртö керыштны кöсьö, керкатö сотны кöсьö. Котöрт, идзасад öдйöджык дзесбьы!

Ёма повзис, идзас пиö пырис, а руч идзастö öзтіс, и лёк вöчысьыд сотчис. Сотчис Ёма, воштіс вынсö и сылөн нимквйыс. Фома лои важся кодыс зильөн.

Ручыд Ёма керкаын пир лөсьöдіс, царös да сылысь слугаяссö гөститöдіс.

Муналісны гөстьяс, а Фома гөтырыскöд — царь нывкөд — пондісны Ёма керкаын овны да вывны.

ФОМА И ЁМА

Жил-был Фома. Целыми днями без усталы трудился. Отец с матерью не нарадовались. Однажды он рубил дрова в лесу. В это время мимо проходила Ёма — злая ведьма. Фома так заработался, что и не приметил ее, взмахнул топором, а сучок отлетел и попал ведьме в глаз. Разозлилась Ёма, дунула, плюнула и проговорила:

— Не взмахнешь топором

Ты ни вверх, ни вниз,

Был прилежным ты,

А теперь — ленись,

Лежи на печи,

Обтирай кирпичи!

И что вы думали! Так оно и случилось. Не узнать Фому. Разле-
нился он и целые дни валяется на печке.

Как-то раз говорит Фоме мать-старушка:

— Чем без толку на печке валяться, пошел бы в рощу да вырыл лисью яму.

— Ладно, пойду,— отвечает Фома.

Зевнул, побрел в лес и вырыл лисью яму. На другой день отпра-
вился он к яме, а там лиса сидит и говорит ему человеческим голосом:

— Фома, выпусти меня, я большое добро тебе сделаю.

Фома пожалел лису и выпустил ее. Вернулся домой и опять залез на печь.

А лиса пошла в темную чащу и легла на траву. Увидал ее волк и спрашивает:

— Лисичка-сестричка, отчего ты валяешься на земле?

— Я,— говорит лиса,— у Фомы гостила, так наелась, пошевелиться не могу.

— Везет тебе, лисичка, все где-нибудь да гостишь. Хоть раз меня своди куда-нибудь.

— Светла бы, да что тебя одного вести? Собери стаю, тогда сведу.

Собрал он волчью стаю и привел ее к лисе. Лиса и говорит:

— Ведь вы, волки, не умеете вести себя на пиру, так лучше мол-
чите там.

Лиса впереди побежала, звери за ней. Привела лиса стаю к цар-
скому дворцу и заговорила под окном человеческим голосом, которого волки не понимают:

— Царь-государь, тебе Фома гостинцы послал, вот ведь до чего он богатый!

Царь удивился.

— Какой такой Фома?

И приказал запереть волков в хлев. Потом лиса привела царю сотню зайцев и сотню горностаев. Все, дескать, это дары Фомы. А Фома лежит себе на печи, ничего не знает. Наконец, лиса приходит к царю и говорит:

— У Фомы очень много денег, и никак не можем сосчитать. Дай-
ка нам пудовку.

Лиса взяла пудовку, отыскала на дороге две-три монеты и на дно

положила. Потом и отнесла обратно царю.

Царь спрашивает:

— Сколько же оказалось золота у твоего господина?

— Не помню, что-то около ста пудовок,— отвечает лиса.

Царь приказал слугам:

— А ну, осмотрите пудовку, может, они и не меряли золото. Если мерили, то там должно что-то остаться.

Осмотрели слуги пудовку и на дне нашли монеты.

Царь удивляется: «Какой этот Фома богатый!»

А лиса опять явилась во дворец и говорит царю:

— Царь-государь, Фома сватает твою дочь.

Царь отвечает:

— Ладно, выдам. Как же не выдать за такого богача!

— Мы на барке приплывем,— обещает лиса.— Ждите нас на берегу.

Побежала лиса на берег, связала из бревен плот и говорит Фоме:

— Вставай, я тебе царевну сосватала, идем пировать.

Обрадовался Фома, встал на плот, хоть и лень ему было. А лиса его догола раздела, вымыла чисто-начисто, зелеными ветками прикрыла. Поплыли они ко дворцу. А там уже ждут-не дождутся жениха. От берега и до самого дворца постлано синее сукно. Только жених приплыл, царь выходит ему навстречу.

Лиса-сваха выскочила на берег и говорит:

— Ой, царь-государь, мы ведь еле доплыли. Барка наша затонула. Там было семьдесят слуг, все погибли до единого. Едва спасла жениха и на плот посадила. Смотри — он совсем голый, ветками прикрыт: одежда и обувь его на дне реки. Теперь новую придется заказать.

Царь созвал портных и сапожников, те принесли узорчатые сапоги, сшили жениху новую одежду. Фома обулся, оделся: одно плечо тронет рукой, другое тронет,— нравится ему одежда. А царская дочь спрашивает у лисы:

— Жених лицом-то красивый, только не дурак ли он? Что так вертится?

А лиса отвечает:

— Ему одежда не нравится, не по нему сшита.

Царь велел принести кафтан лучше прежнего. Лиса одела жениха

и в плечо иголку воткнула, чтоб не шевелился. Жених повернул голову, укололся и перестал вертеться.

— Вот, царевна,— говорит лиса,— красивый кафтан жениху по вкусу.

В тот же день лентяй Фома обвенчался с царской дочерью.

А лиса опять:

— Завтра, царь-государь, пожалуй к нам в гости.

А сама скорее в дорогу отправилась. Гостей пригласила, а куда им прийти?

Шла, шла лиса, добралась до зеленого луга. На опушке конский табун пасется. Лиса спрашивает пастухов:

— Чьих лошадей стережете?

— Ёминых,— отвечают пастухи.

— Здесь будет проезжать свадьба. Если спросят, чьи кони, скажите — Фомины, а не скажете, я волчью стаю сюда приведу.

Так же велела лиса говорить и тем, кто караулил коров и овец. И опять побежала. Бежала, бежала, добежала до дома Ёмы — злой ведьмы. Лиса зашла в дом. Там Ёма сидит, шерсть прядет. Лиса как закричит:

— Беги, Ёма! Царь со слугами едет, хочет тебе голову срубить, а твой дом спалить! Беги, скорей спрячься в солому!

Ёма испугалась, забралась в соломенный сноп, а лиса подожгла солому, и ведьма сгорела. Сгорела Ёма, кончился и ее приговор. Снова Фома стал трудолюбивым. Лиса в Ёмином доме пир устроила, царя и его слуг угостила. Уехали гости, а Фома с женой — царской дочкой — стали в Ёмином доме жить-поживать.

ХРАП

Храп Штэпан манак, кызди ми тодам нин, лосьдодма анбур — коми алфавит.

Бөчөма тайос сійө Ростовса вежа Богослов Григорийлөн монастырын ёна важон, квайтсёысь унджык во сайын. Сэки пермякыд оліс паськыда. Важ коми стрөйтлісны отарын Канкар (өні Кунгур), дзик

мөдарын Пырас (өні Котлас), мукөд изкар да ыджыд сикт. Канкар да Пырас вөліны нач коми каръяс. Уна зыранин оліс и Югдінын², көні чужис Штэпан. Мамыс сылөн коми пөвстысь жө петавлөма, айыс — роч, Югдін соборса дяк. Пиыс быдмис сюсь вежөраөн. Сэкся серти кө, ёна велөдчис.

Уна ветлөдліс. Вузасысь ыджыд айыскөд — Дзевас нима пөльыскөд, томиникөн на вольвліс Эжваса Пер Муө, зырана ордө. Сэк нин казяліс, мый налы, Роч муяссиян Из-Ураллань да Сибырлань туй вылын олысь йөзлы, колө вузасыны. А та могысь — кужны лыддысьны да артасыны. Содтөд нин матысөсь найө лоисны том Храплы сы вөсна, мый төдіс налысь, мам сёрниа войтырлысь, кывсө.

Велөдчөм могысь и Югдінса Храп Симеон дяк пи веськаліс Ростовса манастырас. Бура төдмаліс роч да греческөй грамота, лун и вой лыддысис озыр библиотекаас. Сэні нин, манакалігас, чорыда мөвпыштөма лоны язычник-зыраналы Христос вичко лөсьөдысьөн. Таө босьтчылысьыс вөвлі и вөйдөр. Но найө эз төдны пермяк сёрнисө, көсйисны велөдны эскинысө йөзыслы гөгөрвотөм кывйөн. И налөн нинөм эз артмы, кодөс бөр вөтлісны, кодөс весиг виисны. Та понда и мудер Храп Ростовас на дасьгіс анбуртө да босьтчис зырана кыв вылө вуджөдавны вичко небөгъяс. Сэн жө сылы сетісны дякөнлысь чин.

Кор Штэпан шуис асьсө дасьөн, шыасис роч православнөй вичко-са ыджыд йөз дінө:

— Көсья зыранаөс вежа пыртөмөн югдөдны-туйдны либө ассыым юрөс пукта.

Епископъяс ышөдісны сійөс та вылө:

— Мун Эжваса Пер Муас, вөч ыджыд да сьөкыд удж.

Москваса ыджыд өксы Митрей, кодөс во мысти, Куликов эрд вылын кось бөрти, нэмсө кутасны шуны Донскөйөн, та дор жө сувтас. Öд лунысь-лун ёнмысь княжество дінас зэв ыджыд да озыр му өтувтөм йылысь сёрниыс вөлі. Öксы сетіс Храплы дружина и став коланасө, медым ыджыдаліс Эжваса Пер Муын, вермис кыпөдны ен кар да зумыда кутчысьны сэні.

Локтіс Храп татчө, Емва юөдз, Стефан попөн нин, 1379 воө. Бөрынджык поздысис Емдін сиктө, коді сулалө ва туйяс падвежасянінын да көні вөлі пермяналөн медшөр кевмысяніныс — кумирнича.

Комияслы налӧн чужан кыв вылас Стефан поп лыддис проповедьяс, нуӧдіс вичко служба, чуксаліс найӧс виль ен дор — Христос дор. И водзӧ комиӧдіс небӧгъяс.

Ставыс тайӧ шылыда, тӧдӧмысь, эз артмы. Вильтортӧ пыртны да велалӧмторйысь мынтӧдчыны абу кокни. Язычникъяслӧн — шонділы, валы, тӧвъяслы, пу-зверлы кевмысьяслӧн — вӧліны асланыс пу еньяс-идолъяс, юрбитанінъяс да вежа местаяс. Налӧн вӧліны жрецьяс, тӧдысь-тунъяс и на пӧвстын медыджыдыс — Пама. Сійӧ и медсясӧ сувтіс виль енмӧн локтысьлы паныд. Найӧ ӧд эз кӧсйыны воштыны зырана вылын властьсӧ, эз кӧсйыны усьны йӧз син водзас да синісны асьыныс. Делӧыс эз ӧтчюд волы тыш-косьӧдз. Но Стефан зэв видзчысьмӧн, ёна асьсӧ кутӧмӧн, мудера и сэк жӧ пыр ӧтарвыв вӧчис асьыс. Сійӧ пӧ быттьӧ абу скӧрмывлӧма, водзӧс абу босьтлывлӧма, а пыр велӧдӧма, туйдӧма, кевмӧмӧн корӧма да лӧньӧдӧма став йӧзсӧ. Стефан пыр зільӧма петкӧдлыны, мыйӧн слабӧсь тун-шаманъяс да налӧн эскӧмыс, и водзӧ унджык жуглӧма да сотӧма язычникъяслысь став вежасӧ — налысь кевманінъяссӧ да пу еньяссӧ. Та вӧсна ӧнӧдз нинӧм эз коль комилӧн сэкся олӧмсьыс, культурасьыс. Ми ӧні ог и тӧдӧй, кутшӧм сійӧ вӧлі. Гашкӧ, меддонаторъяссӧ кытчӧкӧ ылӧ-пыдӧ дзекысны да ӧнӧдз на некод эз аддзы.

Та пыдди Храп кыпӧдаліс енкумъяс да вичкояс и виль енлы эскӧдіс эз сӧмын Емва вожса, но и Эжва да Сыктыв юяс ковтысса йӧзӧс. Ковмис пыр содтӧд вичко служитысь — коми грамота, вичко небӧг да Христослысь велӧдӧмсӧ тӧдысь йӧз. Ковмис найӧс дасьтыны тані жӧ, сы могысь восьтыны школа, лӧсьӧдны сәні небӧгъяс. Тадзи Храп лои пермяналы лӧк и бур вӧчысьӧн.

А Пама зіліс тунъясыскӧд быд ногыс падмӧдны сылысь уджсӧ. Ӑтчюд сійӧ пырис воӧм попкӧд татшӧм венӧ — кыкнанныслы мунны би пыр и ва пыр. Кодным пӧ вермам мунны, сылӧн и эскӧмным бурджык. Кодным ог сотчӧй ни ог вӧйӧй, сійӧ и тані коляс. Стефан вермис, Пама пышйис Из сайӧ вогулъяс ордӧ да сьӧрсьыс нуис пермяналысь меддона идолсӧ — Зарни аньӧс.

Но абу тай весьшӧрӧ медводдза коми поэт Иван Куратов, кодӧс асьсӧ дякӧнӧ ли попӧ жӧ велӧдлісны, но коді эз эскыв енлы, шулӧма, религия пӧ эскысясыслы пемыд, а тунъяслӧн велӧдӧмыс пӧ миянлы

став эскөмсыыс на пемыд. Өд мый вөчис Памаыд?! Пышйис Из саяд да вогульяслысь косясьны радейтысь Асыка өксысө кутіс ышөдны Эжваса Пер Му вылө уськөдчыны. Войдөр эз көсйы, медтыкө зыранаөс пыртасны вежа ваөн, а сэсся чукөстіс «пыртны» найөс асланыс вирын.

Стефан дор сувтысыыс лоис пыр унджык. Өд сійө вайис Пер Муса йөзлы ассыныс шыпаса грамота, велөдіс лыддьысьны и гижны, журнасыө югдөдіс. Дай Пер Мусө дорйис Москва нимөн рытивыввсянь Новгородлөн, асивыввсянь вогульяслөн усьласьөмысь да рөзөритөмысь, колис куш Москва ки улө. Пер Му, сылөн йөз кутісны ёнджыка да паськыдджыка нимаवны и асьныс унджык төдны да кужны.

Комиө Христос нимсө вайөдысь 1383 воын муніс Москваө, корис тані восьтыны торъя епархия да индыны сэтчө юралысьсө — епископөс. Кыз уджсө пө вөчөма, миян енлы эскысыыс лои уна, вичкояс восьталөма, попьясөс велөдөма. Роч православной вичколөн медвылыс властыыс — собор шуис Стефанлы, тэ пө ачыл сэні став уджсө вөчин, тэ и лоан епископнас. Локтан воас воссис Пер Муса епархия. Храп бөр локтіс владыкаөн — Пермскөй епископөн нин, а Емдін лои владыка карөн.

Бөрын сійө ветлөдліс на Москваө дай Новгородө, мед эськө дорйыны ассыыс мусө Новгородса ушкуйникъяслөн да вогульяслөн усьласьөмысь да Москва улө ёнджыка суйны, тырвийө пыртны ёнмысь Московскөй государстволөн отувья олөмө.

1396 воө Перымса Стефан бара вөлі Москваын, но бөр Коми муө локны сэсся эз нин вермыв: сійө роч юркарын и куліс. Коркөя манак Храп, сэкся дякөн, поп и медбөрын Пермскөй епископ лои дзоньнас роч православной вичкоыслы вежа мортөн. Сійөс дзөбисны Москва Кремльса соборө. Кулан лунсө Россияса христианскөй вичко и өні төдө кызди сійөс казтылан лун.

Сы бөрын Пер Муса мукөд епископьяс паськөдісны Христослы эскөмсө Печораса да Камаса коми пөвстын. Епархия улас вочасөн веськалісны тшөтш и роч йөз, медсясө устюгсяя да вятичьяс. Епископыс пыр ёнджыка кутіс овны Пырас—Котласын, коді ньөжйөник лои роч карөн. Но век жө матө кык нэм, 1571 воөдз, владыкалөн местаыс вөлі сэні, кытчө поздысьліс Храп,— Емдінын, өнөдз на пась-

кыда шевкмуно́м коми сиктын.

Стефан бо́рын лоысь владыкаяс эз нин бура то́длыны коми кыв, эз видзны монастыръяс бердын и коми школаяс. Вичкоясас съывны во-часо́н кутисны церковно-славянско́й кыв вылын. Со́мын откымын ма-настырын комиыс дыр на кутчысис, XVIII, а то и XIX нэмодз. 1919 воо́ на Емваса Гам сиктысь сюрёма о́бедня гижод важ коми кыв вылын.

Артмо́, Пермско́й Стефан ло́сьодлис коми анбур да медводдза коми гижода кыв, кодон сэсса коми небог гижысьяс водитчисны некымын нэм. О́ти кадó тайо́ анбурнас водитчóмао́сь и Москва́са гижысьяс, мед мукóд оз гогорво, кор о́та-модныслы колóма юóртны мыйкó гуся-тор.

Стефан олигон уна вичко гижод во́ли комиодóма да разодóма Емва, Эжва, Сыктыв вожъясод. Сыло́н олан туй йылысь аслас ыджыд не-богын Храплон важ ёртыс Епифаний Премудро́й гижо́, Христос улó пыртто́дз грамота да небог то́дтом пермяно́с по́ Стефан велодис гогорво-ны гижод и небог. Кóть и сыодз на, шуо́ Епифаний, збыльысь во́ломао́сь коми «баснотворецъяс». Найо́ по́ асланыс баснион висьтавлóмао́сь оло́м йывсьыс и тайо́ мирсо́ ло́сьодом йылысь, и Адам йылысь, и се́рни сертиыс йóзыслон юксóм-торъяло́м йылысь, и мукóдтор.

А Стефан век жо́ одóбтис важ коми йóзлысь водзо́ оло́мсó.

ХРАП

Монах Степан Храп, мы уже знаем, автор анбура — коми алфавита. Создал он ее в монастыре святого Григория Богослова в Ростове очень давно, более шестисот лет назад. Пермьки тогда были расселены широко. Древние коми выстроили в одном краю город Кунгур (назывался Канкар), вовсе в другом — Котлас (Пырас), другие крепости и крупные селения. Канкар и Пырас были чисто зырянскими городами. Много зырян проживало и в Устюге, где родился Степан. Его мать вышла тоже из них, а отец — русский, дьячок устюгского собора. Рос сынишкамышленым мальчиком. По тем временам много учился.

Много ездил. Со своим дедушкой, купцом по имени Дзebas, еще юным приезжал в Пермь Вычегодскую, к зырянам. Он уже тогда

понял, что им, живущим на торговых путях из русских земель к Уралу-Камню и Сибири, надо торговать. Для этого знать грамоту и счет. Особенно близкими зыряне были молодому Храпу потому, что знал язык их, соплеменников своей мамы.

Ради учебы сын устюгского дьяка Симеона Храпа и попал в Ростов. Прилежно обучался русской и греческой грамоте, день и ночь читал в богатой монастырской библиотеке. Тогда еще, монахом, он твердо задумал стать миссионером христианской церкви среди зырян-язычников. Кое-кто брался за это и прежде. Но они не знали пермячской речи, хотели обратить людей в новую веру на непонятном им языке. И ничего не получилось, кого из них прогнали, кого даже убили. Поэтому хитрый и мудрый Храп уже в Ростове создал коми алфавит и начал переводить на язык зырян церковные книги. Там же его за старания наградили чином диакона.

Когда Степан почувствовал себя готовым, обратился к высшим лицам русской православной церкви:

— Хочу просветить зырян со святым крещением или положу свою голову.

Епископы благословили его на это, сказав:

— Иди в Пермь Вычегодскую, твори большое и трудное дело.

Великий князь московский Дмитрий, которого через год, после Куликовской битвы, навек нарекут Донским, также поддержал. Ведь речь шла о присоединении к крепнущему день ото дня княжеству огромного и богатейшего края! Великий князь дал Храпу дружину и все остальное, чтобы правил в Перми Вычегодской и смог возвести и городище церковное и прочно закрепиться.

Добрался Храп досюда, до реки Вымь, уже в сане священника Стефана, в 1379 году. Позже обосновался в селе Усть-Вымь, которое стояло на перекрестке водных путей и где была кумирня — главная молельня пермян. Поп Стефан читал для них проповеди на их родном языке, вел церковную службу, призывал и обращал их в новую веру — веру Христа. И продолжал переводить книги.

Понятно, все это гладенько не получалось. Вводить новое и отказываться от привычного не легко. У язычников — молящихся солн-

цу, воде, ветрам, деревьям и зверям — были свои деревянные боги-идолы, молельни-кумирни и святые места. У них были жрецы — ясновидцы-предсказатели, шаманы и главный среди них — Пама. Прежде всего он противился пришельцу. Шаманам не хотелось терять своей власти над зырянами, они не хотели терять влияния на них и гнули свое. Дело не раз доходило до драки и бойни. Но Стефан очень осторожно, с большим терпением, хитро и в то же время настойчиво делал свое. Он больше брал красноречием. Храп «не гневался и зла не помнил... Он всех учил, наставлял, молил и укрощал». Стефан постоянно старался показывать слабость шаманов и их веры, все больше разрушал и сжигал святыни язычников — их молельни и идолы. Поэтому ничего не осталось от языческой культуры коми. Мы сейчас и не знаем, какой она была. Возможно, самые святые и дорогие предметы запрятали так глубоко — далеко, что и поныне никто не нашел.

Вместо всего этого Храп возводил храмы и часовни Христа и обращал в новую веру жителей не только Выми, но и бассейнов Вычегды и Сысолы. Нужны были все новые служители церкви — знающие коми грамоту, церковные книги и учение Христа. Приходилось их готовить из зырян, а потому на местах открывать школы, создавать учебники для них. Так Храп принес в Пермь зло и добро.

А Пама с шаманами всячески старался тормозить его работу. И однажды у него с иноземным попом возник такой спор — пройти обоим сквозь огонь и воду. Кто из нас, мол, сможет пройти, у того вера и лучше. Кто не сгорит и не утонет, тот и здесь останется. Победил Стефан, Пама убежал за Камень к вогулам, захватив с собой главного идола пермяков — Золотую бабу.

Однако не зря первый коми поэт Иван Куратов, кого также готовили в священники, но который не верил в бога, писал, что всякая религия для людей темна, а шаманство темнее всех известных религий. Ведь что вытворял Пама?! Сбежал за Камень и начал призывать воинственного князя вогулов Асыку напасть на Пермь Вычегодскую. Сперва не хотел, чтобы зырян крестили святой водой, а потом призвал «крестить» их в их же крови.

Сторонников Стефана становилось все больше. Ведь он принес племени Перми Вычегодской свою буквенную грамоту, учил читать

и писать, просвещал их. Да и защитил именем Москвы эту землю от нападков и разора Новгорода с запада и вогулов с востока, оставил ее только под рукой Москвы. Пермь Вычегодская и его народ стали шире славиться и сами они — больше знать и уметь.

Принесший в Коми край имя Христа попросил в 1383 году Москву открыть здесь отдельную епархию и назначить ее главу — епископа. Основная работа, мол, сделана, правоверных стало много, храмы построены, попы обучены. Высшая власть русской православной церкви — собор сказал Стефану: ты сам там все сделал, самому и епископом быть. На следующий год открылась Пермская епархия. Храп вернулся владыкой — епископом Пермским, а селение Усть-Вымь стало владыческим городом.

Он и позднее ходил в Москву и Новгород, чтобы оградить свои владения от нападков новгородских ушкуйников и вогулов и ещё более притянуть под власть Москвы, полностью включить в единую жизнь набирающего мощь Московского государства.

В 1396 году Стефан Пермский вновь в Москве, однако вернуться в Коми край ему уже не было суждено: он умер в русской столице. Когда-то монах, затем диакон, поп, наконец, епископ Стефан Пермский стал святым для всей русской православной церкви. Его похоронили в соборе Московского Кремля. Христианская церковь России и поныне отмечает день памяти Стефана.

Последующие за ним владыки распространили веру в Христа среди коми, живущих по Печоре и Каме. Под епархию постепенно попали и русские, в основном устюжане и вятичи. Епископы все больше проживали в Пырасе—Котласе, который потихоньку становился русским городом. Но все же почти два века, до 1571 года, кафедра епископа оставалась там, где первым обосновался Храп,— в Усть-Выми, и ныне вольно раскинувшемся коми селении.

Другие владыки уже не знали коми язык так хорошо, не содержали при монастырях коми школы. В местных церквях начали петь на церковно-славянском. Лишь в отдельных монастырях зырянский язык еще долго сохранялся, до XVIII, а то и до XIX века. Еще в 1919 году в вымском селе Гам нашелся текст обедни на древнем коми языке.

Выходит, Стефан Пермский создал коми азбуку (анбур) и первый

сложил коми письменный язык, которым зырянские книжники пользовались затем веками. В одно время его алфавитом пользовались и московские писцы, чтобы никто не понял, когда в переписке надо было сообщить что-либо тайное. При жизни Стефана много церковных текстов было переведено на коми язык и разослано в храмы и монастыри по Выми, Вычегде, Сыsole. В своей большой книге про жизнь Стефана Пермского его современник и соратник Епифаний Премудрый пишет, что не ведавшим до христианизации ни грамоты, ни книги пермянам Стефан «книжный разум даровал». Хотя и до того, утверждает Епифаний, у них точно были баснотворцы. Они баснями говорили «о бытии и о миротворении, и о Адаме, и о разделении язык, и прочая».

А Стефан заметно ускорил дальнейшую жизнь древних коми.

ЦАПЛЯ ДА ТУРИ

Цапля да тури олісны өти нюрын, но өта-мөдсыныс торйөн. Аддзысьлыны кө, ва вуджны колө. Найө асьнысө быттьө өтар-мөдар югыдсыс аддзöны: цапляыс васыньыс өтарын, туриыс — мөдарын. Воис турилы гөтрасян кад. И со мый сійө мөвпыштис:

— Ветла цапляөс коравны. Оз-ө пет ме сайө?

И кызкө, асывводз ли рытсёр, мөдөдчис жө сэсся цапля ордад. Локтис да нырнас котш-котш керис өдзөсас. Цапля шыасис:

— Коді сэн?

— Тайө ме. Шоча овлысь ыджыд гөсть локті. Восьты вай...

— Кутшөм тэ ыджыд гөсть?! Некор тэнө гөсть туйө эг пуктыв и өні ог жө восьты.

— Пуктылін ли эн, а ме көсья тэнө коравны. Восьты. Орччөн өд олам. Вай өтувтчам, гөтрасям.

А цапля дзыкөдз ыззис, тури вылө горзө. Бус пиняліс дай вөтліс сійөс. Восьлалө тури аслас гортлань да туй чөжыс шогсьө:

— Скөрмөді мыйөнкө цаплатө, тыдалө, мыйкө эг сідз шу... Эз өд весьшөрө вөтлы.

Мөдыс, цапьяыд, тшөтш жугыль:

— Со өд дивёйд, пöрысьмыны нин куті, а верöс сайö сідз и эг пет. Корасьысь со воліс, да весиг сійöс вöтлі. Кыдз нö сідз? Колö вöлі сыкөд ладмөдчыны. Мөдысь өд муртса кө локтас. Гашкө, аслым нин сы ордö ветлыны да...

Шуöма — вöчöма.

Мөдөдчис цапляыд тури ордö. Ва и вөртор вуджис, тури дінö воис.

— Котш, котш, котш,— таркөдчö тури ордö.

— Коді сэн? — мөдыс юалö.

— Бур юөр вая, шань сёрниён локта,— шуö цапля.

А тури, кылö, та вылö воча:

— Кутшөм нöшта сэн шань сёрниён локтан? Ме тэнö дзик некор эг и артавлы шаньтор вылö сяммысьөн. Нинөм öтувьыяс миян тэкөд оз ло.

Сідзи и вöтліс тури цаплятö. Коньөрлы бөр лои гортас мунны. И öнөдз на, буракö, öти шог шогалöны кыкнанныс.

ЦАПЛЯ И ЖУРАВЛЬ

Цапля и журавль жили на одном болоте, но отдельно друг от друга. Чтобы встретиться, надо воду перейти. Они себя будто в двух селениях видели: она по одну сторону воды, он — по другую. Настало время журавлю жениться. И задумал он вот что:

— Схожу-ка к цапле свататься. Не выйдет ли за меня?

И как-то, утром ранним ли вечером поздним, собрался наконец к цапле. Пришел и тук-тук клювом в дверь. Цапля в ответ:

— Кто там?

— Это я. Большой и редкий гость пришел. Открой давай...

— Какой ты большой гость?! Никогда тебя гостем не считала и сейчас тоже не открою.

— Считала не считала, а я хочу на тебе жениться. Открывай. По соседству ведь живем. Давай сойдемся, поженимся.

А цапля всю расшумелась, кричит на журавля. Отругала и прогнала его. Журавль шагает в сторону своего дома и всю дорогу печалится:

— Видать, рассердил чем-то цаплю, что-то не так сказал, должно

быть... Неспроста же прогнала.

И та, цапля, тоже в печали:

— Вот ведь диво, стареть уж стала, а замуж так и не вышла. Жених вот приходил, да и тому отказала. Как же так? Надо было согласиться! Ведь ещё раз едва ли придет. Может, уж сходить самой к нему...

Решено — сделано.

Отправилась цапля к журавлю. Через воду перебралась, лесок перешла, до журавля дошла.

— Тук, тук, тук,— стучится к журавлю.

— Кто там? — тот спрашивает.

— Добрую весть несу, с хорошим разговором иду,— отвечает цапля.

А от журавля слышит:

— С каким ещё там хорошим разговором идешь? И вообще я тебя никогда не считал способной на добро. Ничего общего у нас с тобой не будет.

Так и прогнал журавль цаплю. Бедняжке пришлось возвращаться домой. До сих пор, кажется, одной печалью печалятся оба.

ЧОКЫР ДА РУЧ

Олісны-вылісны чокыр да руч. Дерт, вöрын олісны. Сёйнысö налы нинöм лои, кыкнанныс мöдісны тшыгъявны и сёрнитчöны:

— Вай пудьясям, кодлы пудйыс усяс — сійöс и лоö начкыны, öтиным кöть ловйöн колям!

Пудйыд усис чокырлы. Руч и шуö:

— Ме эськö начки тэнö, да менам öд пуртыс абу!

— Чадö ордö котöртлы да кор.

Тринь-тронь котöртис ручыд чадö ордö да корö:

Чадöйй дай чадöйй,

Вай меным пурттö

Чокырӧс начкыны,
Мен, коньӧрлы, выль яй, выль яй.

А чадӧйд сылы воча:

— Сета эськӧ ме тэд пурттӧ, да менам зэв ныж, лэчтавны колӧ.

— Вай кеслам.

— Менам и зудйид абу.

— А кысь эськӧ зудйыс сюрӧ?

— Сійӧ Енлӧн эм. Ветлы вай да сылысь кор.

Тринь-тронь водзӧ мӧдӧс кокни кокнас ручыд Ен ордӧ зудла. Воис дай кевмӧ:

Енмӧй, Енмӧй,
Вайлы меным зудтӧ
Чадӧ пурт кеслыны,
Чокырӧс начкыны,
Мен, коньӧрлы, выль яй, выль яй.

— Сета эськӧ ме зудтӧ, да сійӧ менам ӧд зэв ыджыд, тэ нуныд он вермы.

— Кыдз нӧ сійӧс кыскыны?

— Ветлы Тӧлысь ордӧ ӧшла. Сійӧ кыскас, а сыысь ӧтдор некод оз вермы.

Тринь-тронь тэрмасьӧ руч Тӧлысь ордӧ. Воис и бара кевмӧ-корӧ:

Тӧлысьӧй, Тӧлысьӧй,
Вай меным ӧштӧ
Енлысь зудсӧ кыскыны,
Чадӧ пурт кеслыны,
Чокырӧс начкыны,
Мен, коньӧрлы, выль яй, выль яй.

А Тӧлысьыд воча:

— Сета эськӧ ме ӧштӧ, да тэ он вермы вӧтлыны, сійӧ менам наян. Ветлы Шондӧ ордӧ ӧш вӧтлысь зонла.

Бара ручыд триньӧдӧс-троньӧдӧс аслас кокни кокӧн Шондӧ ордӧ

өшкөс вөтлысыла да корө:

Шондйй, шондйй,
Вай тэ меным зонто
Төлысь өшкөс вөтлыны,
Енлысь зудсө кыскыны,
Чадө пурт кеслыны,
Чокырөс начкыны,
Мен, коньөрлы, выль яй, выль яй.

— Сета ме тэныд зонто, да өд тшыг сййө талун да оз мун.

— Мыйөн нө сййөс вердан?

— Сййө менам көч йөв юө. Колө көч ордө йөвла ветлыны.

И бара — көч ордө йөвла нин — кокни кокнас ручыд тринь-тронь
мөдіс. Воис көч дінад дай шуалө:

Көчөй, көчөй,
Вай тэ меным йөвтө
Шонді зонмөс юктөдны,
Төлысь өшкөс вөтлыны
Енлысь зудсө кыскыны,
Чадө пурт кеслыны,
Чокырөс начкыны,
Мен, коньөрлы, выль яй, выль яй.

— Сета эськө йөвтө, да ме өд тшыг и талун менам йөлыд абу. Мем
колө пөттөдз сөйны, а сэссия вөлись йөлөй лоас.

— Мыйөн нө эськө тэнө вердыштны?

— Ветлы пипу дінө кырсыла. Ме пипу кырсь сөя.

Водзө лыйө-мунө руч пипу дінө, воис дай кевмысьө:

Пипуөй, пипуөй,
Вай меным кырсьтө
Көчөс вердны,

Йӱвсӱ лысьтыны,
Шондӱ зонмӱс юктӱдны,
Тӱлысь ӱшкӱс вӱтлыны,
Енлысь зудсӱ кыскыны,
Чадӱ пурт кеслыны,
Чокырӱс начкыны,
Мен, коньӱрлы, выль яй, выль яй.

— Сета эськӱ ме кырсьтӱ, да тӱ ӱд он вермы сӱйӱс менсьым куль-ны. Ковмас тӱд мой ордӱ ветлыны пиньла. Тӱнад пиньыд оз кырсьсы, менам кырсьӱй зӱв чорыд.

Водзӱ котӱртӱ вӱртӱ руч, корсис мой оланӱнтӱ да кевмӱ-шуалӱ:

Мойӱй тӱ, мойӱй,
Вай меным пиньтӱ
Пипу кырсь кырсьсыны,
Кӱчӱс вердны,
Йӱвсӱ лысьтыны,
Шондӱ зонмӱс юктӱдны,
Тӱлысь ӱшкӱс вӱтлыны,
Енлысь зудсӱ кыскыны,
Чадӱ пурт кеслыны,
Чокырӱс начкыны,
Мен, коньӱрлы, выль яй, выль яй.

— Сета эськӱ тӱд лӱчыд водз пиньясӱс, да найӱ ӱд менам зӱв крeпыда кутчысьӱны, нетшыштныд он вермы, ковмас кузнеч ордӱ клещила ветлыны.

— Ладнӱ, сы мында нин котралӱ, ветла и кузнеч ордӱ.
Бара тринь-тронь мӱдӱс, локтӱс дай шуӱ:

Кузнечӱй, кузнечӱй,
Вай тӱ меным клещитӱ
Мойлысь пиньсӱ кыскыны,
Пипу кырсь кырсьсыны,
Кӱчӱс вердны,

Йөвсө лысьтыны,
Шонді зонмөс юктөдны,
Тöлысь öшкөс вөтлыны,
Енлысь зудсө кыскыны,
Чадө пурт кеслыны,
Чокырөс начкыны,
Мен, коньөрлы, выль яй, выль яй.

— Сета эськө тэд клешиөс, да сийө менам жугалөма, колө эськө дорыштны-дзоньталыштны. А тэ бур пөт нин мудзөмыд дай кынөмыд сюмалө, вай сөйышт да водышты паччөр дорө, нырнад талань вод, а ме кузнечаө ветла да тэныд клеши дзоньтала.

Ладнө, ручтө вердыштіс, мөдыс паччөрас кайис, мудзвывсьыд да сөйөм бөрад шоныдінад унзілыс босьтіс дай ойбыртіс. Вомсө паськөдіс, кывсө öшөдіс и мөдіс шкоргыны. А кузнеч ветліс, клешисө кельыдөдз донөдіс, бөр локтіс да ручлысь кывсө клешинас кватитіс, песовтіс дай нетшыштіс.

Руч куліс, а кузнечыдлы тайө и колө вөлі. Кучиксө кулис, яйсө вузаліс, кусьыс воротник вөчис да, гашкө, тшөтш вузаліс, гашкө ачыс новліс.

Чокыр вөлі бөрдө да тірзө:

— Менө руч начкас, кызд сөмын пурт ваяс.

А ручыд сідзи эз и лок. Чокыр и өні, колөкө, ловья.

МЕРИН И ЛИСА

Жили-были мерин и лиса. Понятно, в лесу жили. Есть им нечего стало, начали голодать оба и договариваются:

— Давай жребий тянуть, кому выпадет, тому конец, но один из нас жив останется.

Жребий выпал погибать мерину. Лиса и говорит:

— Я бы зарезала тебя, да ведь у меня ножа нету!

— Сбегай к чаду и попроси у него.

Тринь-бринь побежала лиса к чаду и просит:

Чадушко ты, чадо,
Одолжи мне ножик
Мерина зарезать,
Мне, бедняжке, мясо
Будет, свежее мясо.

А чадо отвечает:

— Дала бы я тебе нож, да он у меня очень тупой.

— Давай наточим.

— У меня и бруска нету.

— А где брусок найдется?

— Он у Бога есть. Сходи, попроси у него.

Тринь-бринь дальше побежала легконогая лиса к Богу за бруском.
Добежала и просит:

Боже всевышний,
Одолжи мне брусок
У Чада ножик наточить,
Мерина зарезать,
Мне, бедняжке, мясо
Будет, свежее мясо.

— Дал бы я брусок, да он у меня ведь очень большой, ты не сможешь унести.

— Как же его утащить?

— Сходи к Луне за быком. Он потащит, а кроме него никто не сможет.

Тринь-бринь помчалась лиса к Луне. Добежала и опять умоляет:

Месяц-луна,
Дай мне быка
Божий брусок потащить,
У Чада ножик поточить,

Мерина зарезать,
Мне, бедняжке, мясо
Будет, свежее мясо.

А Луна в ответ:

— Дала бы я быка, да ты его не погонишь, он у меня лукавый.
Сходи-ка к Солнцу за парнем-погонялой.

Опять лиса тринь-бринь на своих легких ногах побежала к Солнцу за погонялой и умоляет:

Солнышко-светило,
Дай мне погонялу
Лунного быка погнать,
Божий брусок потащить,
У Чада ножик поточить,
Мерина зарезать,
Мне, бедняжке, мясо
Будет, свежее мясо.

— Дала бы я тебе погонялу, да ведь сегодня он голоден и не пойдет.

— Чем же его кормишь?

— Он у меня заячье молоко пьет. Надо к косому за молоком сбе-
гать.

И опять — к зайцу за молоком — тринь-бринь несется лиса.
Добралась до зайца и говорит:

Заяц косоглазый,
Молочка ты дай мне
Парня у Солнца напоить,
Лунного быка погнать,
Божий брусок тащить,
У Чада ножик поточить,
Мерина зарезать,
Мне, бедняжке, мясо
Будет, свежее мясо.

— Дам тебе, конечно, да сегодня голоден я и нету у меня молока. Надо мне наесться, и потом уж появится молоко.

— Чем тебя покормить?

— Сходи к осине за корой. Я только осиновую кору грызу. Дальше лиса несется, уже к осине, добежала и умоляет:

Осина ты, осинушка,
Дай мне твоей коры
Косого накормить,
У него молочка надоить
Парня у Солнца напоить,
Лунного быка погнать,
Божий брусочек тащить,
У Чада ножик поточить,
Мерина зарезать,
Мне, бедняжке, мясо
Будет, свежее мясо.

— Дам я тебе коры, да ты ведь не сможешь ее содрать. Придется тебе к бобру сходить за зубами. Твои зубы не возьмут, моя кора очень жесткая.

Дальше бежит лиса по лесу, добралась до бобровой хаты и говорит:

Бобёр ты, бобрище,
Резцы свои займи,
Погрызть осиновую корицу,
Косого накормить,
У него молочка надоить,
Парня у Солнца напоить,
Лунного быка погнать,
Божий брусочек тащить,
У Чада ножик поточить,
Мерина зарезать,
Мне, бедняжке, мясо
Будет, свежее мясо.

— Уступлю я тебе свои резцы, да они у меня крепко сидят, тебе не вырвать, придется к кузнецу за клещами сходить.

— Ладно, набегалась уж, схожу и к кузнецу.

Опять тринь-бринь понеслась, добежала и говорит:

Мастер ты, кузнец,
Займи клещи свои
Бобру резцы рвать,
Погрызть осиновую кору,
И косога накормить,
У него молочка надоить,
Парня у Солнца напоить,
Лунного быка погнать,
Божий брусок тащить,
У Чада ножик поточить,
Мерина зарезать,
Мне, бедняжке, мясо
Будет, свежее мясо.

— Дам тебе клещи, да они у меня поломаны, надо починить. А ты устала порядком и есть хочешь, подкрепись-ка давай да приляг на печке. В эту сторону мордой ложись, а я в кузницу схожу и тебе клещи почию.

Ладно, лисицу покормил, та на печку полезла, с усталости да после еды разомлела и прикорнула. Пасть раскрыла, язык вывесила и захрапела. А кузнец сходил, клещи раскалил, вернулся и лису за язык схватил, закрутил его и вырвал.

Лиса померла, что кузнецу и надо было. Шкуру он снял, мясо продал, мех на воротник выделал и, может, тоже продал, может, сам износил.

Мерин в слезах дрожит:

— Меня лиса зарежет, как только нож принесет.

А лиса так и не появилась. Мерин и нынче, возможно, жив.

ШАНЬ ШЫШ

Крестьянинлөн вöли пи. Быдмис сійö, и бать-мамыс шуöны, гöтрасьны пöра, пиö. А пиныс налы воча, ме пö омöлик керкаад ог гöтрась. Ме пö гöль, и некод ме сайö оз мун. Вай выль керка тшупöй да вöлись.

Батыс панис керкатö и кызкö öктысьöмөн-удждысьöмөн да помечөн кыпöдис. Бара шуö, вай пö гöтрась, пиö, керкаыд öни выль. А пиыс пöкаживайтö выль джодж кузя да вочавидзö:

— Ме ог гöтрась, батьö, а бурджык гусясьны велöдча.

Крестьянин скöрмис:

— Ак тэ, сэтшöм-татшöм, ме пöрысьöдз олi да йöзлысь нинöм эг вöрзöдлы, а менам пи кöсйö шышкалöмөн овны. Татшöм кыв кö шуин, и мун гортись кытчö гажыд.

Саридз дорын пур вöчис, пож сукар пуктiс, писö пуксьöдис и тойыштiс берегсьыс. Мыйöн йöткыштiс, пуртö пыр жö тöv босьтiс да нуис. Гашкö, крестьяниныд куш на повзöдны кöсйис, а пиыс эз повзьи. Оз шогсьы, сукар йирö и кывтö саридзöд. Воис кутшöмкö берег. Видзöдö, а сэнi кар, зэв озыр. Кайис карад и вöйысис öти ордö узыны. Гöль ордö веськалiс, но воём мортыдлы öтказ абу. Нурийöдыштiсны да сёрниö воисны. Бокöвöй морт пö тай кыськö усьöмыд, юасьö кöзяин, тэ пö кысь? Ме пö йöз муысь, а нимöй менам — Ылыс Шыш. Висьтав, кодi танi медся озыр, кодлөн зарниыс медуна? А сылы воча: миян медся озырыс — царь, сійö миян медзарниа.

Но, ладнö, шуöны, талун шойччам, аски гусясьны ветлам. Кöзяиныс сiдз жö шуис, а то пö нэм уджалi да сiдзи эг и озырмыв. Узисныкерисны, а мыйöн воис аски войыс, мунiсны царлысь амбарьяс видлавны. Ылыс Шыш томаньяссö осьтiс — зарниыс амбар тыр! Морт öти мешöкөн босьтiсны и нуисны.

Аскинас царыд чеччис, видлiс зарни амбартö. Видзöдö, кык мешöк вошöма. Сылөн, царыдлөн, пыдi гуö — му тюрьмаö вöли тöдысьöс пуксьöдöма. Час, лоö ветлыны, шуö, оз-ö инды, кодi менам царствоын татшöм яндысьтöм вөрөн лоис. Лэччис гуад да юалö тöдысьлысь:

— Сар-государ! — шуö тöдысь.— Тэнад муö воис Ылыс Шыш. Сійö и гусялiс зарнитö.

А кызди сійос кутны, юалө. Кыйны пö сьöкыд, сійö зэв мудер да другон оз шед. Но видлам наперво сідз, велөдö тöдысьыд. Тэ пö порсьöс зарниав да сы бөрся уличөд лэдз дас кык салдатöс. Ылыс Шыш пö зарни вылад горш, кызкө да явитчылас. А салдатъясыдлы тшöкты кутавны, кодi уськөдчылас зарни порсь вылад. Тшötш и Ылыс Шыш вермас сюрны.

Царь тшöктiс öшлыны порсьлы көв йылö зарни и лэдзис сы бөрся дас кык салдатöс. А Ылыс Шыш быд вой гусялö зарнитö выль и выль мешök. Казялис и зарниа порсьтö уличсьыс да гөгөрвоис, тайö пö нальк меным. Мунiс лавкаö, ньöбис генерал паськөм, пасьталiс и нач генерал кодь лои. Сэсся кар шөрсьыс керка ньöбис, сэтчö овмөдчис. А сэтi буретш порсьнад мунöны. Генерал сулалö öшинь дорас да видзөдö. Салдатъяс сы весьтö воисны да честь сетiсны.

— Мый нö тi, менам пи-вокöй,— шуö,— порсь бөрся вötлысьд? Юр яндзим татшөм службасьыд!

Да со, вочавидзöны, кутшөмкө вөр локтöма, ыли муысь, сійöс көсьям кутны. Локтöй пö, гажтөм служба служитысьяс, пырö ме ордö гөститны, менам талун буретш нимлун, а порсьтö эсийö амбарас йöртлöй. Аттö дивö, шензьöны салдатъяс, кутшөм бур генерал веськалис. Порсьтö амбарö йöртiсны да игналисны и ставыс пырисны генерал ордö. Сійö лөсьөдöма быдсяма винасö и сёянсö. Салдатъяс юисны, юисны да коркө ставныс кок йывсьыныс гылалисны öта-мөд бөрсьыс. Мыйон найö усялисны, Ылыс Шыш мунiс да ньöбис дас кык манак паськөм. Узьысь салдатъястö манакö пасьтөдiс, зарниөдөм порсьтö босьтiс дай пышйис.

Салдатъясыд палялисны, видзөдлисны — ставныс найö манак. Ак, шуöны, миянös тай наян шышкыд бөбйөдлöма. Мөдiсны царь дiнö. А сійö, батюшка, видзөдö, манакъястö ылисянь аддзö. Төдiс ассьыс салдатъяссö. Миянös, шуöны, кутшөмкө генерал юктөдiс, а палялим да, паськөмнымös вежöма. Царь тшöктiс ньөръявны найös татшөм службасьыд, быдөнлы дас кыкысь кучкыны.

Но ладнö, лэччис бара тöдысь дiнад, кызди пö кутны Ылыс вөрös. Тöдысь велөдö, тэ пö каретаö куим вöv доддяв да зарниав ставсö. Пуксьөд каретаас гөтыртö да сылы и кучерыслы öружье сет, мед лыясны, кодi матыстчас. Царь сiдзи и вöчис да тройкасö мөдөдiс ас-

лас сад гөгөр. Царица кучерыскөд кытшовтөны садсө, а Ылыс Шыш казяліс, бара пө меным тайо нальк октөны. Пасьтасис дзор тошка корысь пөльөн и на водзын мунны лөсьөдчис. И өти пу йылө өшөдчис. Каретаөн локтісны сы весьтө, а сійө и киргө-кевмө:

— Ен могысь кора, мездөй! Ылыс Шыш менө татчө со джагөдіс.

Царица мөвпалө, корысьтө кө нин весиг грабитөма, тайө абу Ылыс вөр, а тайө Матыс вөр, татчөс. Кучерыслы тшөктіс:

— Мун, огө нин чеччылөй.

Эз мездыны, мунісны водзө. А Ылыс Шыш, мыйөн саялі каретаыд, разис өшөдчан гезсө да веськыдаліс садтіыс и бара на водзө мөд пу йылө өшөдчис. Бара корө мездыны, Ылыс вөр пө өшөдіс. Но пө и воис жө кыскө тайө шышкыд, быдлаө тырмылө — шуалө царица да тшөктө кучерлы, мун пө бергөдчыв да мезды воддзасө, а ме тайөс. Чеччис да лөсьөдчө мездыны пөрысь морттө, а кучер гөнитіс мөд өшөдөм дінас. Мыйөн саяліс сійө, Ылыс Шыш мездысис джаг гезійысь, бөр йөртіс царицаөс каретаас и давай пышйөдны сэтысь.

— Тіянлы Ылыс вөрөс кыйны ковмис?! — шуалө царицаыдлы.— Водзө вылө мед эз зэв көсыйссыы сійөс кутны, вөчам со кызди...

Царицатө пөрччөдіс да пасьтөгыс эз карета — омөлик телега бөжө домаліс. Вөвъяс царлөн пондісны гымөдны-мунны, дворечад туйсө асьныс төдөны. А царь балконсянь ылөдз видзөдө, кутшөмкө грешницаөс пө вайөдөны меным. Матыстчис телегаыд да, казяліс: пасьтөм бабаыд — сылөн гөтыр-государыня!

— Вай өдйөджык разьө йөз син водзсыы,— тшөктө слугаясыслы.— А Ылыс вөрлы та бөрын не овны.

Бара лэччис төдысь дінө му тюрмаас. Пөгибө пө куті воны, кызди кутны Ылыс Шышкөс. Мөдыс и шуө: Ылыс вөрыд кутас сөйны порсь яйтө, а тэнад пукалысь эм, Ыджыд Ныр. Мед төдмалас, кутшөм керкаын сөйө, да пас пуктас керкаас. Муніс царь Ыджыд Ныр дінө и шуө, сямман кө пө корсьны, дзикөдз мезда тэнө. А Ыджыд Нырлы став көрыс куим верст сайсянь кылө. Лэдзисны сійөс кар кузя, гөгөр дукалө-исалө. Локтіс Ылыс Шыш керка весьтө, а сылөн буретш царыдлысь порсьтө пражитөма.

Пырас Ыджыд Нырыд, Ылыс Шыш сійөс пызан саяс пуксьөдө. Төрыт на пө порсь начки, царлөн. Гөстыыд сөяс-юас и петігмозыс

кильчө өдзөс юрйылас пасъяс мелөн первой номер. Ылыс вөр мөвпалө, тайө мортыс весьшөрө эз волю, тайө бара мыйкө меным пакость вöчны кöсийны! Петас кильчө вылас и аддзас пастö. Öдийö сэтшöм жö мел босьтас да куим улич кузя быдлаө гижалас первой номер.

А Ыджид Ныр висьталис царлы, кызди да мый. Ыстис царыд салдатъясöс, Ыджид Ныр пö нуодас. Мунöны салдатъяс сы бöрся и аддзöны: быдлаын, быд кильчöын первой номер.

— Ак, тэ царöс ылөдлан!

Царь нöйтис Ыджид Ныртö да му тюрмаө суйис.

Но, нинöм эз артмы. А Ылыс вöрыд öд быд вой нуö и нуö царыдлысь, дзыкөдз помалис сийöс. Бара тöдысь динö шыасис царь. Тöдысь и велөдö: бал вöч, уна йöзöс кор, и мед пö юöны. Войнас игнав дворчтö, морт мед оз вермы петны. Ылыс Шышкыд, дерт, локтас жö бал вылад. А нывтö ассьыд дас кык томан сайö игнав. Вöрыд сы динö пыралас, и царевнаыд мед сылы пас пуктас. Асывнас сэсся сюрö Ылыс Шышкыд.

Бöчис балтö царь. Коркө, коддзисны йöзыд да, налы шуö:

— Коди менам ныв дорö вермас пыравны, сийö и зятьöн лөö!

А нылыслы тшöктис, тэ динö кö кодкө пыралас, сылы пас вöч. Царь мунис водны, а ставныс коднысла гылалисны. Öтнас Ылыс Шыш питшöгас юис, эз и гажмы весиг. Ключьяс сылөн лöсялисны, дас кыкнан томансö осьтитис. Пырис, сэни мичасьыс-мича ныв пукалө. Ачыс Ылыс Вөр мича жö молодеч. Найö и радейтчисны югандорöдзыс.

Мем петны колö, шуö вöрыд. Пондис петны да, син улас уси картузсьыс гöрд карандаша пас: мөд номер. Петис да гöрд карандашнад став гöстьыслы сидз жö пукталис номер. Ачыс бокö водис.

Корь царь садьмис, нылыс висьталис, волис пö öти молодеч, ме картузас пасйи. Öни жö корсям, шуö батыс. Петис да видзөдö, порог дорас генерал узьö, а картузас мөд номер гижöма. Пыр жö кутисны сийöс. Мөдöс видзөдлисны, и бара мөд номер. Коймөдöс — и сылөн мөд номер. Ставыс мöй пö пыралисны ныв динö, мөвпалө царь.

Нинöм эз сяммы керны царь, да аскинас бара лэччис тöдысь динö. Мый жö водзö вöчны, юасьö. Вай пö нöшта тадз видлы, велөдö саргосударöс. Бал вылө йöзсö выльысь чукöст, а ныв ордад пыранинас гу вöч, мед пö сэтчö вöрыд усьö и петнысö оз вермы.

Царь сідзи и вѳчис. Гуыд гуся артмис, он казав. Мыйѳн гѳстьяс кодзыштисны, царыд бара шуѳ, кодї пѳ вермас пыравны менам ныв дїнѳ, сїѳ зятѳн лоѳ. Ылыс Шыш гѳгѳрвоѳ, мый тайѳ сылы бара нальк талун. Но мѳдѳдчи пѳ да пырала нин. Мыйѳн пырис медводдза томан саяс, сѳтчѳ и уси. Петны оз вермы гусьыд. Юрсѳ жуглытѳдз думайтис да гораа пондїс горзыны:

— Сотчам! Пѳжар!!!

Код йѳзыд уськѳдчисны сылѳн горзѳм вылѳ восьса ѳдзѳсад и гуас гылалїсны. Ылыс вѳр, садь да, йѳз вывтїыс кайис и петис гусьыс.

Царь чеччис, видзѳдѳ — гу тыр йѳз. Ставныс бытѳѳ зятѳяс, кутны некодѳс. Мый татчѳ керан...

Йѳзѳдны ковмис сѳссия ассьыс кыв: кодлѳн нимыс Ылыс Шыш — сїѳ шань шыш и менам медся вежѳра гѳсть. Пет, эн дзебсясь, нылѳс сета тѳ сайѳ и царѳ пуксьѳда. Указ лѳдзис, Ылыс вѳр явитчис. Сюсь да мича молодец вѳлѳма! Тѳдѳмысь, сѳн сѳссия пир лои, сѳїны да юны пондїсны. Гѳтрасис крестьянин пыид. Сѳнї ме тшѳтш вѳлї, вердїсны капустаѳн, и кынѳм коли пуस्ताѳн.

СЛАВНЫЙ ВОР

Был у крестьянина сын. Вырос он, и родители говорят ему, пора жениться, сынок. А тот им в ответ: я в этой худой избе жениться не стану. Я бедный, и за меня никто не пойдет. Давайте новую избу срубите сперва.

Отец начал строить и как-то с долгами-поборами и людской помощью завершил. Опять говорит, женись давай, сын, дом нынче новый. А тот прохаживается по новым половицам и отвечает:

— Я не женюсь, отец, а лучше научусь воровать.

Крестьянин вскипел:

— Ах ты, такой-сякой, я до старости прожил и ничего чужого не трогал, а мой сын хочет вором быть! Коль такое сказал, убирайся из дому куда угодно.

Связал на морском берегу плот, положил лукошко сухарей, поса-

дил сына и оттолкнул от берега. Как только оттолкнул, ветер тут же подхватил плот и понес. Может, крестьянин лишь попугать хотел, но сын не испугался. Не печалится, сухари грызет и плывет по морю. Пристал к какому-то берегу. Смотрит, там город, очень богатый. Поднялся в город и попросился на ночлег. К бедняку попал, но путнику отказа нет. Поужинали, разговорились. Издалека, видать, к нам попал, интересуется хозяин, откуда же? Из чужих краев я, отвечает, а имя мое — Дальний Вор. Скажи, кто здесь самый богатый, у кого золота больше всех? А ему отвечают: у нас самый богатый — царь, у него больше всех золота.

Ладно, говорит, сегодня отдохнем, завтра воровать пойдем. Хозяин согласился, а то всю жизнь работал, мол, да богатым так и не стал. Переночевали, а как настала следующая ночь, пошли проверять царские амбары. Дальний Вор открыл замки — золота полно! По мешку взяли.

Утром царь проснулся и осмотрел свои золотые амбары. Видит, два мешка исчезли. У него в глубокой яме — земляной тюрьме сидел ясновидец. Придется к нему сходить, думает, не укажет ли, кто таким наглым воров стал в моем царстве. Спустился в яму и спрашивает ясновидца.

— О царь-государь! — отвечает ясновидец. — На твою землю пришел Дальний Вор. Он и украл твое золото.

А как его изловить, спрашивает. Поймать его трудно, он очень хитер и сразу не попадется. Но сперва попробуем так, учит ясновидец. Озолоти ты свинью и пусти за ней по улице двенадцать солдат. Дальний Вор жаден на золото, как-нибудь он проявит себя. А солдатам вели хватать тех, кто позарится на свинью. И Дальний Вор может попасться.

Велел царь привести свинью и навешать на нее золота на ниточках и пустил за ней двенадцать солдат. А Дальний Вор каждую ночь тащит по мешку золота, заметил как-то позолоченную свинью на улице и сообразил, что это ему ловушка. Пошел в магазин, купил генеральский наряд, надел его и вовсе как генерал стал. Затем купил дом в самом центре города и поселился там. Вот как раз там проходят солдаты со свиньей. Стоит генерал у окна и смотрит. Солдаты порав-

нялись с ним и честь отдали.

— Что ж вы, сынки мои-братцы,— говорит,— за хавруньей волочитесь? Стыд и срам от такой службы!

Да вот, отвечают, какой-то вор издалека заявился, его хотим поймать. Идите, такую постылую службу несущие, говорит, заходите в гости ко мне, у меня как раз сегодня именины. А свинью в тот амбар заприте пока. Ах ты диво, изумляются солдаты, какой добрый генерал оказался. Загнали свинью в амбар и заперли, и все зашли к генералу. У него приготовлено всяких вин и закусок. Пили солдаты, пили и один за другим свалились с ног. Как они повалились. Дальний Вор пошел и купил монашескую одежду на всех двенадцать. Переодел их спящих, забрал позолоченную свинью и убежал.

Проспались солдаты, посмотрели — все они как монахи. Ах, говорят, одурачил нас хитрый вор. Отправились к царю. А он, батюшка, издалека увидел монахов и узнал в них своих солдат. Нас, докладывают, какой-то генерал напоил и одежду поменял. Царь велел за такую службу каждому из них по двенадцать ударов вицей дать.

Ну ладно, спустился царь вновь к ясновидцу, спрашивает, как изловить этого вора. Ясновидящий велит тройку запрячь в карету и все озолотить, а в карету царицу посадить и ей, и кучеру оружие дать. Если вор подойдет, пусть стреляют. Царь так и сделал, запряженную тройку отправил вокруг сада. А Дальний Вор сообразил, что это опять ему ловушку устроили. Оделся древним бородатым нищим и устроился перед тройкой. И повесился на одном дереве. Карета поравнялась с ним, а он хрипит — помощи просит:

— Христом-Богом прошу, спасите! Дальний Вор это меня так.

Царица думает, если даже нищего ограбил, это не Дальний Вор, это ближний вор, местный. Кучеру велит:

— Гони, не будем выходить.

Не освободили, поехали дальше. А Дальний Вор, как только карета скрылась, развязал петлю, по саду наперерез побежал и опять перед тройкой на другом дереве повесился. И опять просит выручить. Дальний Вор повесил, мол. Ну и послал же нам Бог в наказание этого вора, везде успеваешь,— ворчит царица и велит кучеру вернуться к тому повешенному, а сама думает этого вызволить. Вышла из

кареты и хочет освободить старика, кучер же поскакал назад, к первому. Как только он скрылся, Дальний Вор высвободился из петли, загнал царицу в карету и давай гнать с этого места.

— Дальнего Вора поймать вам захотелось?!— выговаривает царице.— А вот я сейчас сделаю так, чтоб впредь не повадно было гоняться за ним...

Он раздел царицу и голую привязал к заду не кареты — старой телеги. Царские кони копытами бьют, сами дорогу к дворцу знают. А царь с балкона далеко смотрит и думает, что какую-то грешницу к нему на суд гонят. Как подкатила тройка с телегой, разглядел: раздетая баба — его жена-государыня!

— Давай быстрее развяжите да уведите с людских глаз,— велит слугам.— А Дальнему Вору после этого не жить.

Опять он спустился к ясновидящему в земляную тюрьму. До гибели дошел с этим вором, говорит, как его поймать. Тот и говорит: Дальний Вор станет свинину есть, а у тебя в тюрьме сидит Большой Нос. Пусть вынюхает, в каком доме ест, и отметит дом. Пошел царь к Большому Носу и выложил что надо. Свободу обещал. А Большому Носу все запахи на три версты слышны. Пустили его по городу, кругом вынюхивает. Дошел до дома Дальнего Вора, а у того в самый раз царская свинья зажарена.

Зашел Большой Нос, а Дальний Вор его за стол сажает. Только вчера, говорит, царскую свинью зарезал. Наелся-напился гость и выходя над крыльцом поставил знак — первый номер. Дальний Вор думает, этот человек приходил неспроста, опять какую-то пакость мне готовят. Вышел на крыльцо и увидел знак. Быстренько таких же знаков наставил мелом на каждом доме по трем улицам, везде первый номер.

А Большой Нос доложил царю, как и что. Послал государь солдат, мол, поведет Большой Нос. Шагают солдаты за ним и видят: везде, над каждым крыльцом номер один.

— Ах, ты царя обманываешь !

Наказал царь Большого Носа и в земляную тюрьму загнал. Ну, не получилось ничего. А Дальний Вор ведь каждую ночь все тянет и тянет добро у царя. Ещё раз к ясновидцу обратился царь. А тот учит:

устрой бал, побольше людей пригласи, и пусть пьют. Ночью закрой дворец, чтоб никто не мог выбраться. Дальний Вор, ясно, тоже зайвится на бал. А дочь свою на двенадцать замков запири. Вор к ней проберется, и пусть царевна ему отметину сделает. Утром и выявится Дальний Вор.

Царь устроил бал. Когда-то захмелели гости, и говорит он им:

— Кто сумеет до моей дочери добраться, тот и зятем станет!

А дочке наказал, если кто зайдет, пусть ему метку оставит. Царь пошел спать, гости все с ног повалились от хмельного. Один Дальний Вор не пил. Его ключи подошли, все двенадцать замков открыл. Зашел в светлицу царевны — красавица красавицей она сидит. Сам Дальний Вор тоже молодец-красавец. Они миловались до предрасветного часа.

Мне уходить надо, говорит вор. Выходит и замечает на картузе отметину красным карандашом: номер два. Вышел и красным карандашом всем гостям наставил такой же номер. Сам в стороне улегся.

Когда царь проснулся, дочь сказала, что приходил один молодец, я мол его картуз отметила. Сейчас же найдем его, обрадовался отец. Вышел из светлицы, смотрит, генерал спит у порога, а на картузе номер второй. Тут же схватили генерала. На другого посмотрели — опять второй номер. На третьего — и у него то же. Все, что ли, побывали у дочери, удивляется царь.

Ничего не смог сделать царь и назавтра решил последний раз обратиться к ясновидцу. Как же дальше быть, спрашивает. Давай еще так попробуй, учит тот царя-государя. Снова пригласи людей на бал, а у входа в светлицу царевны вырой яму, чтобы вор провалился туда и не выбрался.

Царь так и сделал. Яма получилась потайная, замаскированная. Когда гости захмелели, царь вновь объявил, кто сумеет пробраться к его дочери, того зятем назовет. Дальний Вор понимает, что это ему опять западня сегодня готовится. Но раз настроился, то не отступит. Только за первый запор пробрался, тут и провалился. Выбраться не может из ямы. Ломал да ломал голову и начал громко кричать:

— Горим! Пожар!!!

На его крик кинулись хмельные гости в открытую дверь и посы-

пались в яму. Дальний Вор, трезвый, вскарабкался по ним и выбрался наружу.

Проснулся царь, глядит — яма полна людей. Будто все зятя, ловить некого. Что тут делать...

Пришлось обнародовать свое решение: кому имя Дальний Вор — это славный вор и самый умный гость. Явись — не хоронись, за тебя дочь выдам и самого на царский престол посажу. Издал указ, и Дальний Вор не стал больше прятаться. Ловким да красивым молодцом оказался! Понятно, там затем пир устроили, есть да пить начали. Женился крестьянский сын. Там я тоже был, накормили капустой, в животе пусто.

ЗАРНИ ЩОТЬ

Олө-вылө вөлі крестьянин. Крестьянинлөн вөлі куим пи. Öтиыс Гриша, мөдыс Миша, коймөдыс Иван. Мөмөт.

Олісны-вылісны дыркодь нин. Гриша да Миша гөтрасисны, а Иван оз гөтрась. Коркө-некоркө налөн батьныс висьмис. Дыркодь висис да коркө-некоркө и кувны пондіс. Кувтөдзыс корис ас дінас пиянсө.

— Кула да,— шуө,— медводдза войсө гу дорын видзны Гришалы, мөдсө Мишалы, а коймөд войсө — Иванлы.

Кувсис бать. Дзевисны. Гришалы колө мунны батьыс гу вылө. А сійө оз мун, ыстө бөб Иванөс.

— Сета,— шуө,— вит шайт деньга. Мун ветлы.

Воис Иваныд бать гу вылө. Вой шөр войнас бать шыөдчис гусянь-ыс:

— Коді тани?

— Ме,— шуас бөб Иван,— ме.

— Вот тэд таысь зарни көрлысь зарни си.

Иван воис гортө да висьталіс вокьяслы: батьным пө тай зэв чудной вөлөма.

Мөд вой воис, колө Мишалы мөдны. Миша эз жө мун, ыстіс Иванөс, сетіс дас шайт.

Муніс Иван гу вылө, дас кык часын бара батьыс гусянь шыасис.

— Вот тэд таысь зарни порсьлысь зарни щөть.

Воис Иван гортö и висьталö вокъяслы: ещö на пö батыд страшнöй петкöдчылis.

Коймöд войнас аслас öчередь мунны. Мунis Иван, пуксис гу дорö. Вой шöрын бара шыасис батыс:

— Вот,— шуö,— тэд Сивко-Бурко. Кор ковмас, рочөн чукöст: «Сивко-Бурко, стань передо мной, как лист перед травой».

Иван чукöстас вöвсö, веськыд пельöдыс пырас, шуйга пельöдыс петас — сэтшöм лоö мича, мöд морт сэтшöмыс абу, а сэсса шуйга пельöдыс пырас, веськыд пельöдыс петас,— важкодъыс жö лоö.

Коркö-некоркö — мойдыд öд висьтавсьö öдйö, а лун-вой кольö ньöжйö — кутis кывсьыны, Елена Прекрасная пö кöсийö мунны верöс сайö. Кодi пö вермас чеччыштны керка дас кыкöд судтаöдз, сылы Елена Прекрасная и лоас гöтырөн.

Кык вок кутisны лöсьöдчыны, картасъыс вöвъяс босьтisны и мунisны. Иван-дурак дыр эз думайт, корис моньясылысь чуман — ме пö тшак вотны ветла. Мунis гортсьыс неылö, горöдis:

— Сивко-Бурко, стань передо мной, как лист перед травой.

Сивко-Бурко локтis, вöлöс Иван кутis, веськыд пельöдыс пырис, шуйга пельтisыс петis — сэтшöм шань молодечыс некөн абу. Вöв вылö пуксис, кучкис-вартis, коркö вокъяссö и суис. И кыкнанныслы öтчyдысьөн пель боканыс кучкис, водзö гөнитis да сувтлытöг нельöд судтаöдз чеччыштis.

Сэн горзöны:

— Кутöй, кутöй, кутöй!

А кысь сийöс кутан! Бөр воис горт дорас, вöвлы шуйга пеляс пырис, веськыдсьыс петis, важкодъыс лоис.

Тшак чуман босьтis и гортас воис. Гортас пырис— и паччөрö.

Воисны и вокъяс коркö да висьталöны: вот сiдз и сiдз, вöла ордйис миянöс и пель боканым кучкис.

Эг-ö пö ме вöв, шуö Иван. Зырым бедь пö тэ, чöv ов, кысь тэд сэтшöм вöлыс да татшöм паськöмыс?

Узисны да асывнас вокъяс бара медбур вöвъяссö картасъыс босьтisны. Мömöt Иван куйлыштis паччөр вылас, сэсса лэччис да бара корис моньясылысь чуман: ме пö ветла тшак вотны. Мунis, тшак вотыштis и бара чукöстis:

— Сивко-Бурко, стань передо мной, как лист перед травой.

Сивко-Бурко воис, Иван сылы веськыд пеляс пырис, шуйгасьыс петіс и сэтшөм жö бөр лои шань молодец. Пуксис вöв вылö, навыс-кок мöдiс, вокъяссö суис, кыкысьöн плешканыс кучкис.

Водзö скачитіс да көкъямысöд судтаöдз чеччыштіс. Бара горзыны кутісны:

— Кутöй, кутöй!

Да кысь кутан — бөр гөнитіс. Воис сэтчö, кытчö тшак чумантö кольліс, босьтіс сійöс и гортö воис.

Коркö и вокъяс воисны гортö, висътасьöны: бара пö вöліс вöла, миянлы бара кучкис. А эг-ö пö ме вöв?

— А мун,— шуасны,— тэ, зырым бедь, кысь тэд татшөм вöвъя-сыс?

Коймöд лунö вокъяс бара чеччисны, вöвъясöс босьтісны картаысь и бара мöдiсны.

А Иван чеччис паччöрысь да моньясыслысь бара чуман корис — тшак вотны. Мыйöн öктыштіс, бара Сивко-Буркоöс корис. Сивко-Бурко локтіс. Иваныд веськыд пельöдыс пырис, шуйга пельöдыс петіс и бара лои добрöй молодец. Бара вокъястö суис да коймöдысьöн кучкис. Царевна керка дінö воис да дас кык судтаöдз чеччыштіс.

Елена Прекрасная окаліс сійöс и зарни чунькытш сетіс бöб Иванлы.

Бара гөнитіс сэсь. «Кутöй, кутöй!» — горзöны, да кысь кутан!

Воис гортö, кайис паччөрö, чунькытша чуньсö гартіс рузумөн. Чунькытшыс югыд, дзирдалö — да мед оз тыдав.

Елена Прекраснаялөн батыс сетіс приказ: мед став мужичöйыс локтасны царскöй дворö. Став мужичöй мунісны свадьба вылö, а Иван-мöмöt паччөрö коли.

А жöникпуыс оз сюр: ветліс, ветліс Елена Прекрасная, а некод зарни чунькытш оз пукты сылы стöканас. Кутасны юасыны: эз-ö пö кодкö мужичöй коль гортас. А вокъясыс мöмöt Иванлөн шуöны: миян пö коли паччöрын Иван-дурачок.

Пыр жö вöвъяс доддяласны и гөнитасны Иван-дуракла. Воисны да пырисны керкаö, Иван-дуракöс кыскисны паччöрсыйс, пуксьöдiсны телегаö и бөр гөнитісны. Пир вылö пыртісны мöмötöс, вина стöкан

сетісны, и Иван-дурак зарни чунькытшсö стöканас пуктіс. Елена Прекрасная повзискодь, а сэсса шуö — вот пö менам кутшöм судьбайй. Иванöс пыр жö мыссьöдісны, пуксьöдісны пызан сайö и кутісны пируйтны.

А Елена Прекраснаяылöн вöлі кык чой, кыкнанныс верöс сайынöсь. Чойясыс и кутісны серавны Елена вылын: татшöм йöй сайö пö мунö, медсяма чой вöлі да.

Коркö-некоркö царь шуас зятъяслы: коді пö ваяс зарни сюра кöрöс, сылы царство джынйöс сета.

Кык зять и мöдісны, медбур вöвъяссö босьтісны да. Иван-дурак тшöктіс гöтырыслы корны вöв — кöсийö жö мунны. Царыд эськö эз кöсий сетны, да сетіс жö омöлик, ва кыскалан вöвсö. Бöб Иван пуксис сы вылö и мöдіс. Неылö муніс да вöвсö бöжöдыс сідз нетшыштіс, мый вöлыс и куліс. Катша-ракалы, шуö. Сивко-Буркоöс корис, Сивко-Бурко воис, веськыд пеляс пырис, шуйга пельöдыс петіс, бара мича молодец лои.

Свöякъяс сылöн ветлісны, ветлісны, а зарни сюра кöрöс эз и адзыны. А Иван сійöс Сивко-Бурконад регыд и кутіс. Локтö нин гортас; кушинö воис да ыджыд вон зэвтіс, а вöвсö и кöрсö неылö домаліс.

Свöякъясыд сэтчö воасны. Аддзасны молодечтö, а оз тöдны, мый сійö Иван-дурак. Кутасны корны сылысь: вай, шуасны, вузав мянлы зарни сюра кöртö, ми сыысь деньга мыйтöм колö сетам. А Иваныд шуö, деньгаыд пö менам аслам уна эм.

— А мый вылö эськö вузалан? — юалöны.

— Вайö,— шуö,— чаль чуньястö коксыд кыкнанныд вундö, сэк ме тіянлы зарни сюра кöртö сета.

Свöякъясыд дыр оз думайтны — чаль чуньястö и вундасны да сетасны Иванлы. И гортас бөр мöдасны. Воасны гортаныс и висьгасьöны, кутім пö кöртö.

А Иван воас кар помö, Сивко-Буркоöс лэдзас и сэтшöм жö мөмөт лоö, кутшöм вöлі.

Коркö-некоркö царь бара сетіс приказ: код пö кутас зарни щötя порсьöс, сылы государствоöс ставнас сета, а асьсö царөн пукта. Бара зятъяс мöдісны, медбур вöвъяссö босьтісны да. А бöб Иван босьтіс кляча вöв, пуксис бөрөн и бара мöдіс карті. Кар помö воис, көбыла-

шойтö шыбитіс, рака-катшалы коліс. Ачыс Сивко-Буркоöс коріс. Сивко-Бурко воіс. Иваныд веськыд пеляс пыріс, шуйга пельöдыс петіс и сэтшöм мича молодеч лои! И бара гөнитіс.

Свöякъяс ветлісны, ветлісны, бара некысь нем эз аддзыны. А Иван-дурак регыдөн и кутіс зарни щötя порсьтö. Бара сідз жö воісны сылөн шойччан ыджыд вон дінö свöякъяс и кутісны корны вузавны зарни щötя порсьтö. Ми, шуöны, деньгатö мыйта колö сетам. Мем, воча-видзö Иван, деньгаыд оз ков. А мый вылö нö пö эськö сетан? А вай пö вундöй певъястö, сэк пö и сета.

Зятъяс дыр эз думайтны — певнысö керыштісны дай сетісны Иванлы. А сійö найöс тупляліс бумагаö дай зептас суйіс, а порсьöс сетіс.

Локтісны зятъяс гортас, ошйысьöны: ми зарни щötя порсьöс ва-йим.

А Иваныд сійö кар помö воіс, вöвлы шуйга пеляс пыріс, веськы-дöдыс петіс и важкодь мöмöt лои.

Царлы кык зятъыс бурöсь, кодсö и пуктыны ас пыддиыс — оз тöд. Аскинас чукöртіс карсьыс став йöзсö, мед пö найö асьныс бөръясны.

Воіс пир вылö став карыс. Мöмöt Иван петіс ывла вылö да чукöстіс асьыс вöвсö, Сивко-Буркосö. Веськыд пеляс пыріс, шуйга пельöдыс петіс и ён багатыр лои. Пыріс пир вылад да царлысь юалö: мыйла тэнад зятъясыд чуня кепысясь? Мед пö пöрччасны. Зятъясыд эськö оз кöйыны, да царыд тшöктас. Пöрччасны кепысьтö, а налөн киныс певтöм! Колö пö, царь-бать, налысь и кокъяссö видзöдлыны, мед са-пөгъяссö пöрччыласны. Оз эськö кöйыны, да царыд тшöктас. Кык зять пöрччасны кöмнысö, видзöдöны — кокъясыс налөн чаль чуньтö-мось!

Иваныд перъяс зепсьыд бумагаястö и петкөдлас. Öтиöс паськөдас — сэнi чаль чуньяс: тайö пö зарни сюра кöр; мөдсö разяс: пев чуньяс: тайö пö зарни щötя порсь. Ме куталі, а найö менсьым ньöбісны со таысь.

Царыд сэсся юаліс Иванлысь, мый пö накөд вöчам ылөдчөмсьыс? Иван шуö:

— Пир вылысь вөтлыны, дворецсьыд вөтлыны жö.

Сэсся Иван-багатырыд пируйтны сэн кутас. Царь пуктас сійöс ас

местаас. Видзёд, кытчөдз воис мортыс. Гашкё, öнi на царствуйтö.

ЗОЛОТАЯ ЩЕТИНКА

У крестьянина было три сына. Первый Гриша, второй Миша, третий — Иван. Недотёпой его считали. Жили-пожили уже немало. Гриша да Миша поженились, а Иван не хочет. Когда-то их отец и захворал. Вот уж и помирать собрался. Перед смертью позвал к себе сыновей.

— Как умру,— говорит,— первую ночь у могилы караулить Грише, другую Мише, а третью Ивану.

Вот помер отец. Похоронили. Ночью Грише надо идти на могилу. А он не идет, посылает Иван-дурака.

— Денег дам,— говорит,— пять рублей. Сходи за меня.

Пришел Иванушка на могилу. В полночь отец подал голос из могилы, спросил:

— Кто тут?

— Я,— отвечает Иван-дурак,— я это.

— Вот тебе за это золотую волосинку золотого оленя.

Иван вернулся домой и рассказал братьям: отец наш, оказывается, очень чудной был.

Настала вторая ночь, надо Мише идти. Миша также не пошел, послал Ивана, дав десять рублей. Пошел Иван на могилу, в полночь снова отец из могилы подает голос:

— Вот тебе,— говорит,— за это золотую щетинку золотого поросенка.

Иван вернулся домой и рассказал братьям: отец показывался ночью еще страшнее.

В третью ночь самому очередь идти. Пошел Иван, сел на могилу. В полночь вновь подал голос отец:

— Вот,— говорит,— тебе Сивко-Бурку. Когда понадобится, кликни по-русски: «Сивко-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой».

Кликнул Иван коня, в правое ухо ему влез, в левое вылез — таким красавцем стал, другого такого человека и нету, а потом влез в

левое ухо, в правое вылез — опять как прежде был.

Долго ль, недолго, это сказка скоро сказывается, а суток много минуло, и слух прошел, что Елена Прекрасная хочет замуж выйти. Кто, мол, сможет прыгнуть до двенадцатого этажа, тому и женой станет Елена Прекрасная.

Старшие братья начали собираться, вывели коней с конюшни и отправились. Иван-дурак, долго не думая, попросил у снох лукошко — схожу, говорит, за грибами. Недалеко отошел от дома, кликнул:

— Сивко-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Сивко-Бурка явился, Иван поймал коня, в правое ухо влез, в левое вылез — такого доброго молодца нигде не сыскать. Сел на коня, ударил его, когда-то и братьев догнал. И обоим по оплеухе дал, дальше поскакал и с разгону прыгнул до четвертого этажа. Там кричат:

— Держите, ловите, хватайте!

Да где его поймаешь. Прискакал домой, коню в левое ухо влез, в правое вылез, в прежнего дурачка превратился. Лукошко грибов взял и домой пришел. Пришел домой и на печку.

Вернулись братья, рассказывают: так и так, конник обогнал нас и по уху обоим дал. Не я ли был, спрашивает Иван. Сопляк ты, говорят, помалкивай, откуда тебе такой конь да такие наряды?

Переночевали и утром братья опять лучших коней с конюшни вывели. Иван-дурак полежал на печи, затем слез и опять попросил у снох лукошко: мол, схожу за грибами. Пошел, грибов малость набрал и так же кликнул:

— Сивко-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Сивко-Бурка явился, Иван влез ему в правое ухо, вылез в левое и снова превратился в того доброго молодца. Сел на коня, скакал, скакал, опять братьев догнал, обоим по два раза в лоб дал. Дальше поскакал и уже до восьмого этажа прыгнул. Опять там давай кричать:

— Держите, ловите!

Да где поймаешь — ускакал. Домчался до того места, где оставлял лукошко для грибов, взял его и добрался до дома.

Когда-то и братья вернулись, рассказывают: опять появлялся конник, нам опять надавал. А не я ли это был? — Иванушка им в ответ.

— Иди ты, сопляк,— отмахнулись,— откуда тебе взять таких коней?

На третий день братья снова с утра вывели коней из конюшни и отправились. А Иван слез с печи и опять у снох просит лукошко — грибы собирать. Как только набрал немножко, тут же покликнул Сивко-Бурку. Сивко-Бурка явился. Иван в правое ухо влез, в левое вылез и снова стал добрым молодцем. Так же догнал братьев, по третьему разу малость проучил их. Доскакал до дома царевны и прыгнул до двенадцатого этажа.

Елена Прекрасная расцеловала его, золотым кольцом одарила. Иван-дурак ускакал отсюда.

— Держите, ловите! — кричат, да где там его возьмешь.

Вернулся домой, залез на печку, тот палец, что с кольцом, перевязал. Кольцо яркое, сверкает, и чтоб не видно было.

Отец Елены Прекрасной дал приказ, чтоб все мужчины явились в царский дворец. Все мужчины пошли на свадьбу, один Иванушка-дурачок на печи полеживает. И на пиру нареченного не находят.

Ходила, ходила Елена Прекрасная среди гостей, однако никто не положил в ее стакан того золотого кольца. Начали спрашивать, не остался ли кто из мужчин дома. Братья Ивана и говорят: остался у нас на печи дурачок. Тут же запрягли и поскакали за ним. Зашли посыльные в избу, сволокли непутевого с печи, посадили в телегу и обратно помчались. Затащили Ивана на пир, стакан вина подали, а он туда золотое кольцо и опустил. Елена Прекрасная испугалась было, а потом покорно говорит — такая моя судьба. Ивана тут же умыли, посадили за стол и начали пировать.

А у Елены Прекрасной было две сестры, обе замужем. Они и стали надсмехаться над Еленой, за такого дурного, мол, пошла, хоть самая толковая сестра была.

Как-то царь говорит зятям, мол, кто приведет оленя с золотыми рогами, тому полцарства отдам. Два зятя отправились, взяв лучших коней. Иван-дурак велел жене, чтоб попросила коня — тоже собирается ехать. Царь не хотел было давать, но все-таки дал клячу-водовозку. Иван сел на нее и поехал. Отъехал недалеко и лошадку так дернул за хвост, что она тут же умерла. Воронью ее бросил. Кликнул

Сивко-Бурку, тот явился, в правое ухо влез, в левое вылез, вновь превратился в доброго молодца.

Сваяки его рыскали, рыскали, но оленя с золотыми рогами так и не нашли. А Иван-дурак на Сивко-Бурке быстро поймал его. Уже возвращается домой; в поле остановился, шатер натянул, коня и оленя поблизости привязал.

Сваяки туда же подъехали. Увидели молодца, а не знают, что это Иван-дурак. Начали выпрашивать у него: продай нам да продай золоторогого оленя, за него сколько хочешь денег дадим. А Иван в ответ: денег у меня и так много.

— А за что бы продал? — спрашивают.

— Давайте,— говорит,— оба рубите мизинцы на ногах, тогда я вам отдам золоторогого оленя.

Те не стали долго думать — мизинцы отрезали на ногах и дали Ивану. И домой отправились. Явились во дворец и докладывают: поймали оленя. А Иван подъехал к городу, отпустил Сивко-Бурку и таким же недотепой стал, как был. Елене Прекрасной говорят сестры, мол, ты очень славная была, а с этим мужем и на человека не похожей стала. Жена Ивана запечалилась.

Как-то царь вновь дает приказ: кто поймает поросенка с золотой щетинкой, ему все государство уступит. Снова зятя собираются, взяв лучших коней. А Иванушка берет клячу, садится задом наперед и снова по городу едет. За город выехал, опять кобылку воронью отдал, сам Сивко-Бурку кличет. Сивко-Бурка явился. Иван в правое ухо влез, в левое вылез и таким добрым молодцом стал! И вновь поскакал.

Сваяки рыскали, рыскали, бродили, опять ничего нигде не нашли. Иван-дурак же быстренько поймал поросенка с золотой щетинкой. Так же подъехали они к большому шатру, где отдыхал удачливый молодец, и давай просить за деньги поросенка с золотой щетинкой. Сколько хочешь, говорят, дадим. Мне, отвечает Иван, денег не надо. А за что же ты бы отдал? А давайте, мол, отрежьте на руках большие пальцы, тогда и получите поросенка.

Зятя недолго думали — большие пальцы отрубили и дают Ивану. Тот заворачивает в бумагу, кладет в карман и поросенка с золотой щетиной отдает.

Вернулись зятя во дворец, бахвалятся: мы и золотого поросенка доставили. Иван же к городу подъехал, коню в левое ухо влез, в правое вылез и прежним придурковатым стал.

А два зятя царю любви. Оба славные, и не знает, которого вместо себя воцарить. Назавтра собрал весь город, думает, пусть сам народ молодого царя выберет.

Собрался город на пир. Иван-дурак вышел на улицу и кликнул своего коня, Сивко-Бурку. В правое ухо влез, в левое вылез и таким невиданным богатырем стал! Явился на пир и спрашивает царя, почему же его зятя в перчатках сидят. Пусть, мол, снимут. Те противились, но царь велел снять. Сняли перчатки, а у них, глянь, нет больших пальцев. Богатырь говорит: может, у них и ноги такие же обрубленные, пусть разуются. Зятя, конечно, не хотели, да царь велел снять и сапоги. Посмотрели на разутых, а у них и на ногах кой-чего не хватает.

Иван вытаскивает тогда из кармана бумаги и показывает. Одну развернул — мизинцы: это, мол, золоторогий олень; другую развернул — большие пальцы: это, говорит, поросенок с золотой щетинкой. Я ловил, а они у меня покупали.

Вот царь и спрашивает Ивана, что с ними сделать за обман. Иван отвечает:

— С пира гнать, из дворца тоже выгнать.

Потом Иван-богатырь начал там пировать. Царь его вместо себя посадил. Видишь, чего добился человек. Может, и сегодня царствует.

СЫРЬЯ-ТУГЬЯ ЧЫШЪЯН

Салдат служитас кызь вит во, сійѳс лэдзасны гортас. Сійѳ локтѳ, локтѳ, и воас ѳти керка. Сэтѳн олѳ пѳрысь морт. И салдат вѳзйысис стариклы казакавны.

Асывнас кѳзьяиныс мунѳ удж вылѳ, а салдатлы сетѳ сизим ключ.

— Вот,— висьталѳ,— квайт ѳдзѳсас пыр, а сизимѳдас эн пыр.

Салдат кольччас ѳтнас. И ѳтик ѳдзѳс осььтас — сѳні нинѳм абу. Мѳд ѳдзѳс осььтас — сѳні нинѳм жѳ абу. Коймѳд ѳдзѳс — бара нинѳм

абу. Сідзи квайтнан өдзөссө восьтас, и квайтнан өдзөс саяс нинөм абу вөлөма. «Час, видла, мый сизимөд өдзөс саяс, мыйла старикыс эз тшөкты восьтыны сийөс.» Восьтас өдзөс — сәни ведра ва сулалө. Ведрa ваас чуньсө суйлас — чунь помыс зарниось лои. Пырас керкаө, водас паччөрө, кутас думайтны, кызди эськө старикысь дзезны, мед эз төд, мый сийө пыравлис сизимөд өдзөсас.

А час, вөлөс на өд эг сөөд,— мөвпалө. Вөвлы турун сетны петас. Вөлыд и шыасяс:

— Но ладнө, ме тәнө велөда, мый вөчны. Тэ пуксы да понды вөчны чер пу, а чуньтө көртав. Юалас кө, мый чуньыд лои, висьтав: чер пу тай вөчи да вундысис.

Сийө чунь көрталас, чер пу кутас вөчны. Рытнас көзьяиныс локтис удж вылысь, адзис гартлөм чуньсө, юалө:

— Мый нө лои чуньыд?

— А чер пу тай вөчи, да вундысис.

Но ладнө. Сөйисны-юисны, узыны водисны. Асывнас старик бара мунө удж вылө. Став жытник ключтө бара колис:

— Квайт өдзөсас пыр, а сизимөдас эн пыр.

Салдат кольө өтнас. Квайт өдзөссө оз и восьты, пыр жө пырас сизимөд өдзөсас. Видла пө, мый сэтөн ведраас. И суйлас кисө ведраас сойөдзыс — сойыс чунь кодьыс жө зарни лоө. Мый жө вөчны? Вөвлы турун сетны петас. Вөв бара висьталө:

— Öн старикыд тәнө сөяс нин, эз өд ков сэтчө китө суйны. Но ладнө, ме тәнө велөда, мый вөчны. Тэ гартлы сөйтө, ачыд босьт ведраяс и ва катлы. Старик кө юалас, мый лои сойыдкөд, шу, ва катли да уси и чеги сойөс.

Салдат ва катлас, сойсө гартлас-төбас и виччысьсө. Рытнас старик локтө удж вылысь.

— Мый нө сойыд лоөма?

— А ва катлигөн тай уси, да сойөй чеги, кардьяли.

Но ладнө. Бара сөясны-юасны, водасны узыны. Асывводз бара көзьяиныс мөдөдчө удж вылө. Став ключсө жө колис. Салдатөс өлөдө:

— Эн пыр сизимөд өдзөсас!

— Ог, ог, ог пыр! — салдат вочавидзө.

Старик сөмын мунис удж вылө, салдат пырис сизимөд өдзөсас, мукөдьясад эз и пырав, и юртө гурс суйлис ведраас голяөдзыс. И

зарни юрыс лои голяөдзыс. Ок,— думайтө,— менам вöлыдлы турунтö сөттöм лои. Лоö вöв динö петавны. Мунис вöвсö сөдны. Вöлыд и висьталö:

— Тэ, другö, тайö лёка вöчин. Öни сэсся старикид быть сёяс тэнö, көть ме и велöда тэнö да. Но ладнö. Босьт,— висьталö вöлыс,— зу, зуд и сыръя-тугъя гөрд чышъян, пуксы ме вылö и пышъям, вөтöдас кө миянöс көзяинид, тэнö и менö сёяс.

Салдат босьтис зу, зуд, сыръя гөрд чышъян, и найö пышйисны. Бура ылö нин пышйисны. Старик локтис гортас удж вылысь — некод абу, ни вöв, ни казак. Видлис сизимöд öдзöстö, гөгөрвоис: салдат пыравлöма. И кутис вөтчыны. И кутас вөтöдны нин.

— Сёя, сёя! — горзö старик.

Вöлыд и шуйга казаклы:

— Тэ шыбит шуйга пельпом вывтыд зутö, мед зу кодь тшöкыд рас лоö.

Шуйга пельпом вомöныс зутö шыбитис — зу кодь тшöкыд рас, сук рас на костын лои. Старик и коли. А найö водзö пышйöны. Стариклөн черыд абу. Сийö бергөдчылас гортас, босьтас чер и бөр локтö рас дорас. Кералас, кералас — ордым вöчас. Бара кутас сүдны. Матыстчыны бара пондас:

— Но, öни вот и сёя! — старик шуй.

Вöлыд бара велöдö казактö.

— Шыбит зудтö, мед зуд кодь гөра лоö.

Шуйга пельпом вывти зудтö шыбитис — на костын сувтис зуд кодь чорыд да джуджыд гөра. Старик бара коли. Сэсся сийö йирис да йирис гөрасö. Пиньнас и, кинас и, кокнас и йирö-писькөдчö, и воссис гөра-ыд, сы вомөн петис. Бара пондис вөтчыны. И бара нин кутис сүдны салдатöс. Вот нин суас, горзö:

— Сёя, сёя, öни нин сёя!

Сэсся ю воас, да вöлыс висьталö:

— Вай юсö вуджам.

Сэсся юсö вуджисны, да вöлыс тшöктис:

— Вай шыбит сыръя-тугъя гөрд чышъянтö шуйга пельпом вывтыд, биён кутас юыс кывтны.

Чышъянсö шыбитис шуйга пельпом саяс казак, и юыс кутис гөрд

биён кывтны, сотчыны кутіс. А старикос и тайо эз сувтөд, гачсö пөрччөмөн чеччыштис вадорсяньыс и кутіс кевны, век на найос сёйны косьё. Сэсся ачыс кутіс сотчыны и горзö:

— Но, салдат, тэ тай менö сёйин!

И пусис старикыс сэтчö юад, пусис и кулі.

А салдат да вöv бөр косісны гортаныс, кытөн вöлі старикыд олö. Воисны сэтчö и кутісны овны да вывны. И öні на олöны бура. Пом.

ПЛАТОК С БАХРОМОЙ

Отслужил солдат двадцать пять лет, и отпустили его домой. Вот идет он, идет и видит дом один. Жил там старик. И солдат нанялся к нему казаком, батрачить то есть.

Утром хозяин уходит на работу, а солдату дает семь ключей от амбаров.

— Вот,— говорит,— шесть дверей отпирай, а в седьмую не смей входить.

Солдат остался наедине. Открыл одну дверь — там ничего нету. Открыл вторую — и там ничего нету. Третью — опять ничего. Так открыл все шесть дверей, и за всеми шестью пусто. «Счас попробую, что же за седьмой закрыто, почему старик запретил ее отпирать». Открыл и видит — стоит там ведро воды. Макнул палец в воду — на нем позолота появилась. Вошел в избу, лег на печи, начал раздумывать, как бы от старика скрыть, что заходил за седьмую дверь.

А погоди-ка, я же еще коня не накормил,— думает. Вышел коню сена дать. А тот человеческим голосом:

— Ладно, я научу тебя, как быть. Ты садись и начинай топорище делать, а палец перевяжи. Если спросит, что с пальцем, скажешь: топорище вот выстрогал и порезался.

Солдат перевязал палец и принялся за топорище. Вечером хозяин вернулся, заметил повязку, спрашивает:

— Что с пальцем?

— Топорище вот мастерил, да порезался.

Ладно. Поели-попили, спать улеглись. Утром старик опять на работу собирается. Все амбарные ключи вновь оставляет:

— Шесть дверей отпирай, а седьмую — нет.

Остался солдат наедине. Шесть дверей его и не интересуют, сразу седьмую открыл. Решил еще попробовать, что же в том ведре. И сунул туда руку по локоть — вся она стала золотой, как и палец. Что делать? Вышел коню сена подкинуть. Конь опять заговорил:

— Теперь уж верно съест тебя старик, не надо было руку совать. Ну да ладно, я научу, что тебе делать. Руку намотай, сам бери ведра и носи воду. Коли старик спросит, что случилось, скажи: воду носил, упал и руку сломал.

Наносил казак воды, обмотал руку тряпьем и ждет. Вечером хозяин возвращается с работы:

— Что у тебя с рукой?

— А воду таскал и упал, сломал вот руку.

Ладно. Так же поели-попили, спать устроились. Поутру хозяин опять на работу собрался. Опять все ключи оставил. Предупредил солдата:

— Не входи в седьмую дверь!

— Нет-нет, не войду! — ответил солдат.

Только ушел старик, солдат тут же открыл сразу ее, и бух голову по самую шею в ведро. И стала голова золотой. Ах, думает, я ведь еще коню сена не дал. Пошел в конюшню. А конь и говорит:

— Плохо ты, друже, сделал. Нынче уж точно старик сожрет, если я и научу тебя. Ну ладно. Бери чесалку щетинную, брусок точильный и платок красный с бахромой, садись на меня, и убежим. Если догонит нас хозяин, тебя и меня съест.

Взял солдат чесалку, брусок и платок с бахромой, и ускакали они. Довольно далеко уже ускакали. Вернулся старик домой после работы — никого нету, ни коня, ни казака. Проверил седьмую дверь, догадался: заходил туда солдат. И бросился догонять. И вот почти настигает уже.

— Съем, обоих съем! — кричит.

Конь тут и говорит казаку:

— Брось через левое плечо чесалку, пусть такая же густая, как

она, роща поднимется.

Бросил солдат чесалку через левое плечо — тут же чащоба между ними оказалась, не пройти. Старик отстал, а они дальше уходят. У старика не оказалось топора. Вернулся он домой, захватил топор и обратно к роще. Рубил, рубил — просеку пробил. Опять начал наступать:

— Ну, сейчас вот и съем! — страшает.

А конь снова учит казака:

— Кидай брусок, пусть перед ним гора станет.

Бросил солдат через левое плечо брусок — возникла между ними гора высокая и как точило твердая. Опять отстал старик, взялся грызть гору. Вгрызается в нее и зубами, и руками, и ногами — пробивается. И гора не удержала, пробился через нее старик. Снова бросился вдогонку. Вновь уже догоняет. Вот-вот настигнет и кричит:

— Съем, съем, сейчас уж проглочу!

Доскакали до реки, и конь говорит:

— Давай переплывем через нее.

Перебрались на другой берег, и конь велит:

— Бросай красный платок с бахромой через левое плечо, река огнем потечет.

Швырнул казак платок за левое плечо, и загорелась-запылала вся река красным пламенем. А старика и это не остановило, сняв штаны, прыгнул с берега и пустился вброд, все грозитя убить беглецов. Но сам начал гореть и закричал:

— Ну, солдат, все же ты меня погубил!

Так и погиб старик в реке.

А служивый и конь вернулись в тот дом, где прежде этот старик хозяйничал. Вернулись туда и стали жить да поживать. И нынче хорошо живут. Вот и конец.

ЫДЖЫД ВОК ДА ИЧӨТ ВОК

Важөн олісны крестьянин гозъя. Налён вёлі кык пи. Коркө-й сэсся бать-мам пöрысьмисны и кулісны, а кык вок гётрасисны и юкисны.

Ыджыд воклөн вөлі сөмын гөтыр дай оліс озыра, а мөд воклөн вөлі өкмыс ныв, дасөд гөтыр, дас өтикөд ачыс, и оліс сійө зэв гөля.

— Вай, мужик, тэ најөвитчыны ветлы,— шуө мөд воклөн гөтырыс.

Ветла пө, шуө сійө. И мөдіс мунны најөвитчыны. А сылөн четвертак деньга сьөрсьыс вөлі. И кабак дорті мөдіс мунны дай думыштіс пыравны.

Пырис сійө и шуө:

— Человальник, вай винанад юктав.

Четвертак вылад пө ог юктав. Вөчны нинөм, вөлөкө петіс сійө, вөлөкөд пондіс мунны. Воис кузь пос. Пос улысь петіс дзор пөль и юалө, кытчө пө мунан. Нажөвитчыны пө мөді, шуө гөль вок.

— Тэ,— шуө,— сулав, ме тэд сета зарни гөна мегөөс.

Старик пыраліс пос улө, петкөдіс межөс. Сетіс гөль воклы:

— На,— шуө,— нуөд гортад, сувтөд пызан вылад и тшөкты: мегө, шу, пыркнитчы. Мыйөн пыркнитчас, быд гөн йылысь зарни деньга сьавкмунас.

Гөль вок мегөтө босьтіс и бергөдчис гортас. Грезд помө воигөн аддзис коз и сувтіс сэтчө.

— Час,— шуө,— видлам тани. Ноко,— шуө,— мегө, пыркнитчы!

Мегө пыркнитчис, быд гөн йылысь зарни сьөм киссис. Гөль вок зэв рад лои. Сійө и думыштіс, час, шуө, человальник ордө пырала, өні, шуө, винаөн менө юкталас: менам өд эм өні мыйөн мынтысьны.

Пырис гөль вок человальник ордө, ошйысьө сылы:

— Менам өд мыйкө эм.

Сэссия босьтіс сійө мегөсө да стойка вылас сувтөдіс.

— Но,— шуө,— мегө, пыркнитчы!

Мегө пыркнитчис, и быд гөн йылысь сьавкнитіс зарни деньга. Человальник шензөмөн өктіс быдсөн зарни сьөмтө и гөль вокөс коддзытөдзыс юкталіс винаөн. Гөль вок коддзис дай унмовсис. Дінас жө эськө пуктыліс зарни гөна мегөтө, а человальникыд узигкостыс вежис сійөс, зарни гөна мегөтө босьтіс аслыс, а гөль воклы пуктіс прөстөй мегөөс.

Аскинас паляліс гөль вок, босьтіс мегөтө, мөдіс гортас. Гортас воис и шуө:

— Но, нывьяс, гөтыр, пуксьөй пызан сайө, видзөдлөй, кутшөм

дивөтор ме вайи.

Сэсса сійө мегөс пуктіс пызан вылө и горөдіс:

— Ноко, мегө, пыркнитчы!

Мегө эз пыркнитчы, некутшөм сьом гөн йылысь эз сьякмун. Баба дөзмис мужик вылө, видны кутіс. Мун пө бара ветлы најөвитчыны, а ми пө тайө мегөтө начкам да сөям.

Мужик бара мөдөдчис најөвитчыны. Муніс, муніс сійө, бара воис кузь пос дорө. Пос улысь бара петіс дзор пөльыд.

— Менам,— шуө,— нинөм эз артмы мегөсьыд.

Старик и шуө:

— Ме сета тэныд пызандөра.

Пыраліс сійө пос улө, вайис пызандөра, сетіс гөль воклы:

— Мыйөн,— шуас,— паськөдан тайөс, ставыс лоө пызан вылын: кодлы мый колө, сөян-юан, и ставыслы торья, көть кымынөс пуксьөдан.

Гөль вок босьтіс пызандөрәтө, бергөдчис бөр и воис аслас деревняө. Коз улө пуксис и шуө:

— Час, паськөдлам тайөс, збыль абу.

Паськөдіс гөль вок пызандөрәтө, а сы вылын ставыс эм: сөяныд и, юаныд и, винаыд и. Но, ставыс, ставыс, мый колө. Шензис, шензис сійө, босьтіс пызандөрәтө и бара пырис человальник ордө.

— Ме,— шуө,— бара на вайи мыйкө.

И паськөдіс сійө пызандөрәтө человальник водзө. Мыйла эськө и паськөдныс вөлі, төдны нин эськө колө вөлі да. Но, паськөдіс сійө пызандөрәтө и мөдіс сөйны-юны. Сэсса и бара кодзис да унмовсис. А человальник бара вежис пызандөрәтө, прөстөй пызандөра сылы пуктіс. Аскинас садьмис гөль вок, мөдөдчис гортас. Гортас воис и шуө:

— Но, пуксьылөй, нывьяс, пызан сайө, гөтыр тшөтш лок.

Пуксисны найө пызан гөгөр, вольсаліс сійө пызандөра — нинөм оз пет. Гөтыр бара пондіс видны сійөс, янөдіс.

— Мун,— шуө,— да эн весь шөйт, бура најөвитчы.

Вөчны нинөм. Бара муніс мужикыд. Муніс, муніс, и бара кузь пос воис. Кузь пос улысь бара петіс сійө жө старикыд и юалө:

— Но,— шуас,— кытчө нин тэ?

Бара пө мөді најөвитчыны, шуө гөль вок. Пызандөрасьыд пө менам нинөм эз артмы. А пөльыд сійө төдө, кытчө лоины мегөыд и пы-

зандөрайд. И шуис сійө голь воклы:

— Ме сета тэныд сэтшөм сумка.

Сэсса пыраліс сійө пос улө, вайис сумкатө, сетіс голь воклы и висьталө:

— Вот тайө сумкасьыс, мыйөн восьтан, кык молодеч петасны, мый тшөктан, сійө и вөчасны.

Өшөдіс голь вок сумкатө пельпом вылас, бергөдчис дай мөдіс гортас. Воис коз улө сійө, восьтіс сумкатө, петісны сэсь кык молодеч. Бура и нөйтісны найө голь воктө. Мыйла, шуоны, воштін зарни гөна мегөсө да пызандөрасө?

Бөр тшөктіс сійө кык молодечлы пырны сумкаө, пөдлаліс сійөс и бара кежис человальник ордө. Мый пө нин вайин, юалө человальник. А со пө мый. Голь вок восьтіс сумкатө, кык молодеч сэтысь чеччыштісны и пондісны человальникөс дубитны. Ноко пө, көні зарни гөна мегөйд, пызандөрайд, ваян он пө, шуалөны. Человальник зэв өдійө вайис пызандөра и зарни мегөөс.

Өшөдіс голь вок пельпом вылас сумка, босьтіс зарни гөна мегөөс да пызандөра и мөдіс гортас. Гортас воис голь вок и шуө:

— Вайө пуксьөй, челядь, пызан сайө, лок,— шуас,— гөтыр, тэ тшөтш өні,— шуас,— позяс сөйны-юны збыльысь.

Паськөдіс сійө сэсса пызандөра — став сөян-юаныс лои сэні. Ставныс найө зэв бура сөйисны-юисны. Гөтыр и шуө, тадз пө и колі тэныд најөвитчыны. Сэсса велөдіс сійө челядьсө, аттьө пө шуөй таысь батъыдлы. Сөйисны-юисны, пондісны чеччавны пызан сайысь. Энө пө чеччалөй, шуө бать. Сэсса лэптіс сійө пызан вылө зарни гөна мегөөс и шуө:

— Но, мегө, пыркнитчы.

Мегө пыркнитчис, и зарни сьөм сьавкмуні.

— Вот,— шуө гөтырыс,— тадзи и колө најөвитчыны, а тэ көнкө дуран, ветлан.

И зэв лөсьыда найө пондісны овны. А озыр вок пондіс лөгавны, завидь сылы лоис мөд вылас.

— Час,— шуас,— ме сылысь мырддя зарни гөна мегөсө, пызандөрасө да сумкасө.

И сетіс сійөс судө. Судө сетіс, и корисны кык вокөс суд вылө.

Судья шуö:

— Вот ме тiянлы нöдкыв сета. Думайтöй бура и аски асыв локтöй да висьталöй, кодi медмуса му вылын, кодi медсыла да кодi медся уна ветлöм-мунöм. Кодi кужас висьтавны, сылы и сета ставсö.

Петiсны вокъяс суд вылысь, мöдiсны гортас. Озыр вок и пондiс думайтны: вот, шуас, мый дыра нин ме ола гöтыркöд, и некор на эг тышкасьлы. Дерт, сiйö медся муса. А медся сылаыс пö мян öш, кодöс кольöм во начкылiм да öнöдз на яйыс эм, сёйны пö ог вермöй шыдсö, сэтшöм сыла. А Серко пö менам, вöралан понйöй, медся ветлöм-мунöм.

А мöд вок воис гортас зэв жугыль. Нывъяс и юалöны:

— Мый нö,— шуöны,— бать, сэтшöм жугыль?

Вот пö задача судья тшöктiс решитны, кодi пö му вылын медся муса, медся сыла и медся ветлöм-мунöм. Медся ичöt нылыс и шуö, ме пö, бать, тайöс висьтала. Медмусаыд пö сiйö ун, медся сылаыд пö му, медся ветлöм-мунöмыд пö думыд. Но менö пö тэ судьяыдлы эн висьтав.

Аскинас кык вок мунiсны судья ордö. Судья и юалö: но мый, думайтiнныд? Озыр вок шуö, медмуса пö менам гöтырöй, мый дыра пö öтлаын олам и некор на эгö тышкасьлöй, öти шебрасөн гартчöмөн пö век узылам. Медся сыла пö вöли мян куим арöса öшным, кодöс пö начкылiм кольöм во и öнöдз на яйыс эм. Сэтшöм сыла шыдыс, мый и сёйныд он вермы. Медся ветлысь-мунысь пö Серко понным мян. Озыр воклөн висьтавсис, и судья тшöктiс мöд воклы: но, сэсся тэ висьтав. Мöд вок висьталiс: медся муса пö лоö унмыд, медся сыла му, а медся ветлысь-мунысь пö думыд. А кодi пö тайö тэд висьталiс, юалiс судья. Гöль вок эз дзед, шуис, меддзоля нылöй пö. Сiдз кö пö — сетiс сылы судья кудель китыр — тэнад нылыд мед таысь печкас-кыас шапка, вылыс кышан, гач и став паськöм.

Локтiс гöль вок гортö и зэв жугыль. Мый нö пö тэ сэтшöм жугыль, бать, юалöны нывъяс. Со пö судья тшöктiс кудель китырсьыс печкыны-кыны шапка и, кышан и, гач и — став паськöм, шуис бать дзоля нылыслы. Эн пö шогсьы, батьö, шуас нылыс, мун вод да узь, аски пö аддзам, мый вöчны. Бать водiс.

Аскинас чеччисны, сёйыштiсны. Бать пондiс мунны суд вылö. Нылыс и шуис сылы, на пö этiйö сартас китырсö ну судьяыдлы, тась пö мед вöчöма печкан, ректан, кысян стан и став приборсö, мед пö

гөгөрвоас ачыс сэсся. Нуис сійö судьяыдлы сартас китырсö и вись-таліс нылыслысь тшöктöмсö. Судья сöмын сьöлыштіс. Сідзи сэсся эз и вермы судитны гöль воклысь озыр воклы эмбурсö.

СТАРШИЙ БРАТ И МЛАДШИЙ

Жили в старину крестьяне, муж и жена. Было у них два сына. Когда-то родители состарились и померли, а два брата поделили наследство себе взял. У него была только жена и зажил он богато. А у другого брата девять дочерей, жена десятая да сам одиннадцатый. Жил очень бедно.

— Давай, муженек, на заработки сходи,— говорит ему жена.

Схожу, отвечает. И собрался на заработки. У него денег было четвертак. Идет мимо кабака и решил зайти. Зашел и говорит:

— Целовальник, давай вином напои.

На четвертак, говорит, не напою. Делать нечего, в волость вышел, идет. Вот по дороге длинный мост. Из-под него вышел старик и спрашивает, куда идешь, мол. На заработки отправился, отвечает бедный брат.

— Ты,— говорит,— постой, я тебе барашка золотого дам.

Залез старик под мост, вынес барашка с золотой шерстью. Дал бедному брату.

— На,— сказал,— веди домой, поставь на стол и попроси: барашек, отряхнись. Как отряхнется, с каждой шерстинки по золотой монете выпадет.

Взял младший брат золотого барашка и повернул домой. Уже у самой деревни остановился под елью, решил:

— Сейчас испробуем здесь. Ну-ка, барашек, отряхнись!

Барашек отряхнулся, с кончика каждой шерстинки-волосинки золотая монетка упала. Бедный брат очень обрадовался. Он и решил, мол, дай-ка, к целовальнику загляну, сейчас уж напоит меня: нынче есть чем расплатиться. Зашел к целовальнику, хвастает:

— У меня что-то есть.

Затем взял барана да на стойку поставил.

— Ну,— говорит,— барашек, отряхнись!

Барашек отряхнулся, с каждой шерстинки сверкнула золотая денежка. Немало удивившись, целовальник собрал их до единой и напоил бедного брата вином допьяна. Тот опьянел и заснул в кабаке. К себе было взял барашка с золотой шерсткой, да пока спал, целовальник тем временем подменил его, золотого взял и вместо него подсунул обычного ягненка.

Наутро протрезвел бедный брат, взял барашка, отправился домой. Пришел домой и говорит:

— Ну, дочери и жена, рассаживайтесь вокруг стола, глядите, какое диво я принес. Затем поставил барашка на стол и крикнул:

— Ну-ка, барашек, отряхнись!

Тот и не отряхнулся, и деньги не посыпались. Жена рассердилась на мужа, начала ругать. Иди ты снова на заработки, говорит, а мы твоего барана зарежем.

Опять пошел бедный на заработки. Шел, шел, вновь до того длинного моста дошел. Из-под него опять старик выходит.

— У меня,— говорит ему,— ничего не получилось с бараном.

Старик в ответ:

— Я тебе скатерть дам.

Вынес он из-под моста скатерть, дает мужику и наставляет:

— Как только развернешь ее, все будет на столе: угощений — чего душе угодно, и каждому отдельно, хоть сколько человек усади.

Бедный брат принял скатерть, повернул назад и добрался до родной деревни. Устроился у околицы под елкой:

— Сейчас развернем-ка и посмотрим, правда ли.

Развернул скатерть, а на ней все есть: и еда, и питье, и вина. Ну все, все, чего хочешь. Очень удивился он, свернул скатерть, опять зашел к целовальнику, говорит:

— Я опять принес чего-то.

И развернул самобранку перед целовальником. Зачем уж надо было показывать! Но развернул скатерть и начал есть-пить. Потом так же опьянел и уснул. А целовальник снова поменял его самобранку, про-

стую скатерть подложил. Наутро проснулся младший брат, пошел домой. Пришел и говорит:

— Ну-ка, присядьте, дочери, к столу, жена, тоже подойди.

Уселись вокруг стола, расстелил он скатерть — ничего не появляется. Жена опять давай его ругать да стыдить.

— Уходи,— мол,— да не шляйся впустую, зарабатывай.

Делать нечего. Снова пошел. Шел, шел, и опять добрался до длинного моста. Из-под него все тот же старик выбрался и спросил, куда уж путь держит мужик. А опять на заработки отправился, отвечает бедняк. Со скатертью мне толк не вышел. А старик знает, куда подевались барашек и скатерть. И говорит:

— Я тебе этакую сумку дам.

Вынес из-под моста сумку, дал бедному и сказал:

— Вот из нее, как только откроешь, два молодца выскочат, и чего скажешь, то и исполнят.

Надел бедный брат сумку через плечо, повернул домой. Дошел до околицы, под елкой устроился, открыл сумку. Два молодца выскочили из нее и ох крепко побили бедного брата. Почему, говорят, потерял барашка с золотой шерстью, почему потерял скатерть?

Велел он молодцам обратно залезть в сумку, закрыл ее и зашел к целовальнику. Чего уж принес, спрашивает тот. А вот что, отвечает. И открыл бедняк сумку, два молодца выскочили и начали дубасить целовальника. Ну-ка, где барашек с золотой шерстью, где скатерть, ну-ка верни,— приговаривают. Целовальник быстренько принес скатерть и барашка золотого.

Повесил бедный брат сумку на плечо, взял золотого ягненка и скатерть и отправился домой. Пришел домой и говорит:

— Рассаживайтесь за стол, дети, иди к столу и ты, жена; сейчас и запаправду можно будет поесть.

Развернул скатерть, всяких яств там стало вдоволь. Все досыта наелись, напились. Жена и говорит, так и надо было тебе наживаться. Затем дочерей надоумил отблагодарить отца. Наевшись-напившись, начали выходить из-за стола. Погодите, не спешите, говорит отец. Затем поднял на стол золотого ягненка и сказал:

— Ну, барашек, отряхнись!

Барашек отряхнулся, посыпались золотые монеты. Жена говорит: — Вот так и надо зарабатывать да наживаться, а ты где-то дурачишься, гуляешь.

И хорошо они зажили, очень. И богатый старший брат начал дуться, завидно ему стало и зло держит на младшего.

— Счас, — говорит, — я отниму у него и золотого ягненка, и скатерть с сумкой.

И подал на младшего в суд. Подал в суд, и вызвали двух братьев туда. Судья сказал:

— Вот я вам загадку задам. Подумайте хорошенько, а завтра утром придите и скажите, кто на земле всех милее, кто всех жирнее и кто всех быстрее. Который разгадает, тому и все присужу.

Вышли братья из суда, пошли домой. Старший думает: вот сколько уже живу с женой, а ни одного скандала не было. Значит, она самая милая. А самый жирный наш бык, которого в прошлом году зарезали и до сих пор мясо осталось, суп невозможно есть, до того жирный. И мой Серко, охотничий мой пес, быстрее всех бегаёт. А младший пришёл домой опечаленный. Дочери и спрашивают:

— Что ж ты, отец, так невесел? Вот, мол, судья задачу задал, надо ответить, кто на земле всех милее, всех жирнее и всех быстрее. Самая младшая и говорит: это я тебе скажу, отец. Милее всего это сон, жирнее всего — земля, а быстрее всего мечта. Но про меня судьбе не говори.

Назавтра старший брат и младший пошли к судье. Он и спрашивает: ну что, подумали? Богатый отвечает: милее всех моя жена, так долго уже живём и никогда ещё не вздорили, под одним одеялом спим в обнимку. Самый жирный был наш трехгодовалый бык, которого зарезали в прошлом году и мясо все ещё не перевелось. Такой наваристый и жирный суп получается, что и есть не можешь. А быстрее всех наша собака Серко.

Судья обратился к младшему: ну, теперь ты говори свой ответ. Младший сказал, как надоумила дочь. Судья и спрашивает, кто тебя научил. Бедняк не стал скрывать, признался, что младшая. Коли так, — подаёт ему судья с пригоршню кудели, — пусть твоя дочь нарядит и свяжет отсюда шапку, пальто, штаны и всю одежду.

Вернулся домой младший брат очень опечален. Что же так невесел, отец, спрашивают дочери. Да вот, велел судья из этой кудели напясть и связать шапку, и пальто, и портки — всю одежду, говорит отец младшей. Не печалься, отец, успокаивает она, иди ложись и спи, утром видно будет, что делать. Отец лег.

Утром встали, поели. Отец начал собираться в суд. Дочь и говорит ему, возьми, мол, этот пучок лучин и отнеси судье, пусть он из этой пригоршни сделает прялку, мотовило, стан и весь ткацкий прибор, пусть потом сам понимает как хочет. Отнес отец пригоршню лучин судье и передал наказ дочери. Судья лишь плюнул. Так и не сумел он отсудить добро младшего брата в пользу старшего.

МОЙДЫСЬ ДЯДЬӨ

Өти дядьө ветлас ылі муө најөткала да бөр кутас локны гортас. Воас өти грездө да узыны вөйыяс. Пырас өти керкаө, а сэн пөль да пөч сөмын олоны. Пөль и шуө:

— Мойд кө висьталан — лэдза, он висьтав — ог лэдз.

— А мый нө ог висьтав! Висьтала.

Пөрысь гозья узысьөс ужынөн вердасны, кызди и колө, сэсса пөчид водас паччөрө, а пөльыд да мойдысьыд — пөлатьө. Пөчид регыд унмовсяс.

— Но, вай,— шуө,— висьтав мойдтө.

Ветлысь-мунысьыд и кутас висьтавны. Вот пө ми тэкөд өні ошкө пөримө. Ошъяслы пө тані овны оз позь. Вай ми мунам тэкөд вөрө, шуас өти ошкыд. Мунасны найө вөрө, ветлөдласны, ветлөдласны сэн, гашкө, быдса төлысь. Кыкнанныс ёна тшыгъяласны, и өти ошкыс шуас: менам пө кык мөс эм көзяйкалөн, өтисө вай сөям, мөдыс сылы кольө. Воасны найө йирсьысь стада динө, и мөдас старикыд корсьны асьыс мөсьяссө. Налөн вөлөмны Гөрдань да Сьөдань. Гөрданьыс омөльдзык, Сьөданьыс бурджык, вердасаджык. Вай пө Гөрданьсө сөям. Гөрданьөс джагөдасны дай сөясны кык ошкыд. Бара мунасны вөрө — өні пө ми пөтөсь.

Дыркодь найө ветлісны вөрөд; мөдіс ар пуксьыны. Пөрысь ошкыд

и шуо: вай пö кöзьяйкалысь мöд мöссö сёямö, мед сийö олас мöстөг. Кык ош воасны стадаö дай кутас корсьны пöрысь ош ассьыс Сьöданьсö. Сёясны Сьöданьöс и мунасны бөр вөрö.

Ар воас, лым заводитас петны. Том ош и шуо: миянлы ковмас гуö пырны, вай жö пö ми перьям гу. Перьясны гу и пырасны кык ош гуö. Арын вöралысьяс воасны сэтчö да налөн понйыс ёна увтны гутö кутас. Том ошкыд и шуо: ак пö, кöзьяин, аддзисны öд миянöс, виасны татчö кыкнаннымöс. Вай пö эстчö гу вом дорас вода, мед менö виасны, а тэ эстчö саяс мун. Менö пö виасны да гусьыс кыскасны и мöдасны кульны. Менö кулигкості тэ видзöд, сэсся гусьыс чеччышт да пышйы, тэ пö мынан ловйөн. Кылö нин керасьöм шы, кыз пу зорьяс вöчöны вöралысьяс, сёрниыс налөн кылö. Вот пö миянöс винытö локтöны нин, тиралöны кык ош. Сэсся томсö виасны, кульны кутисны, пöрысь ош гуысь звирк чеччыштіс дай вартöдны мöдіс...

Пöльыд пöлатысьыд грым чеччыштіс, пöчыс садьмис да ёна повзис. А верöсыд сылөн джодж шöрас сулалö дай шуо:

— Ок, кöзьяйка, кöзьяйка, некоднан мöскыд öд миян абу, кыкнансö сёйимö!

Мöдыс юасьö, кыткö пö доймин эн? Сэсся старукаыд биасис, а старик век дольö: вай петаламö картаад, ми öд пö кыкнан мöснымöс сёйим. А гöтырыс юасьö: кор пö сёйин да кытчö ветлін? А ми пö öд ошкөн вöлім, вөрöд ветлöдлім. Пöчöыд вензьö: ті пö некытчö эн ветлö, пöлатын узянныд. Петісны гозья мöсьяс дінö. Кыкнан мöскыс эм, лясни дорын сулалöны. Пырасны старукакöд дай водасны джоджö узыны. А ветлысь-мунысьыд эз и садьмыв, век пöлатын узьö кузь туй бöрад. Узясны асылöдз. Асылын чеччасны, ветлысь-мунысь чеччас жö.

— Вай,— шуö пöльыс пöчыслы,— вердышт мортсö.

Нурьясьыштасны, да узысьыд туйö лöсьöдчыны кутас. А пöль сылы и шуо: ми пö öд кыкнанным ошкөн вöлімö тавой. Эк, дедöй, тэ пö öд вöтасин. Муніс узысьыд, а пöль дыр на эз эскы, мый тайö ставсö сылөн вöтассьöма, а абу збыль вöлöма.

ДЯДЬКА-СКАЗОЧНИК

Один дядька ходил в дальние края на заработки и вот возвраща-

ется назад. Дошел до одной деревушки и на ночлег попросился. Зашел в одну избу, а там лишь дед да бабка поживают. Дед и говорит: — Расскажешь сказку — пушу, не расскажешь — иди своей дорогой.

— Отчего не рассказать, — отвечает тот, — конечно, расскажу.

Старики накормили путника ужином, как и положено, затем бабка устроилась на печи, а дед и сказочник — на полатях. Бабка скоро уснула.

— Ну, давай, — просит старик, — сказывай сказку.

Тут путник и начинает свое. Вот, мол, мы с тобой нынче в медведей превратились. А медведям в деревне оставаться нельзя. Давай же отправимся мы с тобой в лес, говорит один медведь. Ушли они в лес, пробыли там, может, месяц целый. Оба сильно проголодались, и один медведь говорит: дома у моей хозяйки две коровы, давай одну съедем, а другая ей останется. Вышли медведи к стаду, и давай старик искать своих коров. Клички у них были Рыжуха и Чернуха. Рыжуха похуже, Чернуха лучше откормлена. Давай, говорит, Рыжуху съедем. Съели Рыжуху два медведя. И обратно в лес ушли — сытно им стало.

Опять долго бродили по лесу; осень уже настает. Старый медведь и говорит: давай задерем вторую корову моей хозяйки, пусть она живет без коровы. Подкрались два медведя к стаду, и стал старый медведь свою Чернуху высматривать. Нашел. Задрали медведи Чернуху и обратно в лес.

Осень настала, уже снегом всё покрылось. Молодой медведь и говорит: в берлогу придется нам залечь, давай-ка быстрее выроем ее. Вырыли медведи берлогу и залезли туда. А позднее осенью набрели на нее охотники, и их собака яростно залаяла. Молодой медведь и говорит: беда, хозяин, обнаружили нас, обоих пристрелят тут. Давай я туда, к выходу лягу, пусть меня убивают, а ты поглубже залезай. Меня убьют, из берлоги вытащат и станут шкуру сдирать. Пока мою шкуру будут снимать, ты не зевай, а выскакивай из берлоги и беги, и живым останешься.

Уже стал слышен стук топора, березовые колья готовят охотники, их разговор доносится. Вот, дрожат оба медведя, их убивать идут.

Затем молодого убили, взялись с него шкуру снимать, а старый в это время как выскочит из берлоги и давай удирать...

Старик сиганул с полатей, старуха проснулась и испугалась страшно. А ее дед стоит посреди избы и говорит:

— Ой, хозяйка, хозяйка, ни одной коровы ведь у нас не осталось, обеих мы задрали!

Та спрашивает, не ушибся ли? Затем зажгла свет, а дед все свое: давай выйдем посмотрим, мы ведь обе коровы наши потравили. Жена же спрашивает, когда съел и куда ходил? А мы ведь медведями были, по лесу ходили, — отвечает. Бабка спорит: никуда вы не ходили, спали на полатях. Всё же заглянули хозяева на скотный двор. Обе коровы целы, у кормушки стоят. Зашли обратно в избу, улеглись уже на полу. А путник и не просыпался, все так же на полатях крепко спал с дороги. Выспались к утру. Утром встали, и путник поднялся.

— Накорми давай человека, — говорит дед бабке.

Перекусили, и гость начал собираться в путь. А хозяин ему: мы сегодня ночью оба с тобой медведями были. Эх ты, дед, ты ведь это сон видел. Ушел путник, а дед ещё долго не верил, что все это ему приснилось, а не наяву было.

ЭН ГОРШАСЬ

Öти попаддя öтдортис тьöтпом нывсö, кöть шондi кодь авья да зиль сийö вöли.

Öтчыд рытнас пукалö тайö нылыс крут берегын, видзöдö тöлысь вылö да лыддьöдлö:

— Югыд эзысь тöлысьöй тэ! Эн кывлы, он тöд, кыдзи мем овсьö му вылас. Лун-лун ме лич тöдлытöг мырся, а век вомалöны. Ставнас семьяыслы вура, печка да кыа, а ачым киссьöм сарапанön ветлöдла. И некодлы мем аслам шог йылысь висьтавны.

Кылис тöлысь тайö норасьöмсö да и лэччис енэжсьыс.

— Лок, — шуö, — нылöй, ме динö, ме кöть тэнö жалитышта. Босьт менсьым эзысьöс мыйта верман.

Нылыд повззылис эськö, да эз шöйöвош: чеччыштіс тöлысь вылö да

водздора тырыс эзысьсö кураліс.

— Аттьö тэныд,— шуö,— шань төлысь. Гөрд дөрөм тэныд козьна-ла, кор мөда верөс сайö петны.

А төлысь сылы воча:

— И тэныд аттьö, ныланöй, бур кывсьыд. Сьöмыд кө оз ло — нöшта волю.

Кывзис гусьон тайö сёрнисö попадья. Нөрöвитіс лун-мөд, виччысис сэзь рыт, локтіс крут кыр вылө.

— Ясыд, югыд эзысь төлысьöй! Лэччы ме дорö, вöч сэтшöм бур-тор! Верөс сайö ме пета, а козиньяс ньöбны нинöм вылө.

Эз казьяв төлысь, коді сійöс корö, дай лэччис вадорад. Попадья и давай эзысьтö кватлавы да кытчö сöмын вермө сюявыны. Сюяліс-лөдіс — но сэсся нач нин некытчö.

— Виччысьыштлы,— шуö,— шань төлысь, ме дозмукла котöртла.

Лыйыштліс гортас, гоз ведра вайис. И водзö лөдö-куралö. Сэк сöмын казьяліс төлысь, мый тайö абу сійö коньөр нылыс, а горш попадья. И босьтіс дай кыпöдчис енэжланьыс.

Кураліс попадья эзысьсö ведраясас чукойн, пысаліс карнан помья-сас да көсйис му вылас воськовтны. Видзөдö: а муыд ылын-ылын нин сысянь.

Тадзи и коліс попадья төлысь вылын. Он кө эскы, төлыся войö видзөдлы. Карнан йылын гоз ведраа век сулалö. Но мед эз горшась.

А тьöтпом нылыс верөс сайö петіс. Төлысьлы гөрд дөрөм козьна-ліс. Сы вöсна и төлысьыс мукöддырйи овлө гөрд.

НЕ ЖАДНИЧАЙ

Одна попадья невлюбила падчерицу, хоть та славненькой и работащей была.

Раз вечером сидит девушка на крутом берегу, смотрит на месяц и причитает:

— Месяц ты бел-серебряный! Не знаешь ты, не ведаешь, каково мне жить на земле. День-деньской я корплю-тружусь, а все попрекают. Всю семью обшиваю, пряду да вяжу, а сама в рваном сарафане

хожу. И некому мне о своем горе высказать.

Услышал месяц эти жалобы да и спустился с неба.

— Поди,— говорит,— девушка, ко мне, хоть я тебя пожалею. Бери моего серебра, сколько можешь.

Девушка испугалась было, да не растерялась: вспрыгнула на месяц, полный передник серебра набрала.

— Спасибо,— говорит,— тебе, добрый месяц. Красную рубаху тебе подарю, как стану замуж выходить.

А месяц в ответ:

— И тебе спасибо, доченька, за добрые слова. Не будет денег — ещё приходи.

Подслушала этот разговор попадья. Повременила день-другой, выждала ясный вечер, пошла на крутой бережок.

— Месяц ясный, бел-серебряный! Спустись ко мне, сделай такую милость! Выхожу замуж, а подарков купить не на что.

Не заметил месяц, кто его просит, да и спустился к крутому берегу. Попадья и давай хватать серебро да совать куда только можно. Совала-совала — больше некуда.

— Погоди,— говорит,— добрый месяц, я за посудиною сбегая.

Сбегала домой, два ведра принесла. И опять все гребет. Только тогда заметил месяц, что это не та бедная девушка, а жадная попадья. И взял да быстренько поднялся в небо.

Нагребла полные ведра серебра попадья, зацепила ведра на коромысло и хотела шагнуть на землю. А смотрит: земля уже далеко-далеко.

Так и осталась жадная попадья на луне. Если не веришь — посмотри в лунную ночь. Всегда стоит она с парой ведер на коромысле. Ну и пусть не жадничала.

А ее падчерица замуж вышла. Месяцу красную рубаху подарила. Поэтому и бывает иногда месяц красным.

ЮКСИСНЫ

Оліс-выліс крестьянин. Сылён вёлі кык пи. Юкисны, да ётикыс овмёдчис бура, озырмис. Мёдыслён керка тыр челядь, муртса кысь-

оны.

Отчыл озыр вокыд нимлун кузяыс пир вочас. Коралас сійӧ став рӧдвужсӧ, озыръясӧс, а гӧль воктӧ оз и кор.

Пуксялісны найӧ пызан сайӧ, юӧны да сейӧны. Озыр воклӧн ваялӧма быд сикас угощеннӧ: мармелад и шоколад, ӧгурцы и ӧгманчи, пелепетушки и лапша, колькъя рысь и нӧкъя рок, вый сука рач и еджыд блин.

Гӧль вок и шуӧ гӧтырыслы: петала ме тшӧтш пир вылас, ёна пӧ окота.

Гӧтырыс оз лӧдз, шуӧ: эн пӧ мун кортӧгыд. Кортӧм гӧстыд сійӧ медся нин лӧк. Петала пӧ, кӧть мый. Петіс. Мунӧ озыр вок ӧшинь улӧдыд. Озыр вокыд аддзис дай шуӧ: юр уськӧдысьыд пӧ воӧ.

Гӧль вок ӧдзӧсӧд кутіс пырны, а озырыд сылы паныд уськӧдчис. Эн пӧ лок. Бӧрти пӧ волы, рытнас. Горшӧй пӧ тай косьмӧ да юыштны кӧсйи, шуӧ гӧль вокыд. Посводзас пӧ ваыс, сӧсь ю.

Посводзас сӧні сулалӧ ва пельса, кӧш эм и. Юис сӧсь гӧль вокыд дай коддзис. Кильчӧ вывтыд петны кутіс дай горӧдіс сывны. А озыр вокыд видчӧ бӧрсянныс:

— Лӧк мортыд юрӧс янӧдны кӧсйӧ.

Друг гӧль мортлы кывсис: бӧрсянныс кодкӧ тшӧтш сьылӧ. Видзӧдліс: зӧв лӧк паськӧма морт локтӧ. Код пӧ тӧ сӧтшӧмыс? Ме пӧ тӧнад Нуждаыд. Но, тӧ кӧ менам Нужда, пырам пӧ ме ордӧ.

Пырисны найӧ керкаӧ. Гӧль морт и шуӧ: кӧзьяйка, кыкӧн ми локтім да, вай пӧ вердышт мянӧс мыйӧнкӧ. Кӧзьяйка вайис шыд да рок да, мый вӧлі, ставсӧ вайис. Но сӧсся, кӧзьяйка, вай пӧ мянлы вольсышт мыйкӧ. Ми пӧ сӧсся водам. Кӧзьяйка вольсаліс, мый сьлӧн вӧлі: перинатор да, кӧлуйяс юр улӧ пуктышталіс да. Кӧзьяин водіс Нуждакӧд, а кӧзьяйка — пӧлатъ сӧрӧгас челядыскӧд.

Асывводз кӧзьяйка чеччис, пач ломтіс, шыд-рок пуис. Нужда да кӧзьяин чеччисны, кӧмасисны-керисны. Кӧзьяиныд и шуӧ: вердышт пӧ вай, кӧзьяйка, мянӧс. Сейыштам пӧ да ветлам Нуждакӧд уджавны.

Кӧзьяйка вердіс-юкталіс. Нужда да мужик черьяс босьтісны, кӧрт зыръяс босьтісны да мунісны уджавны — кӧбрег гу кодйыны.

Воисны кладбище дорӧ, кутісны кодйысьны. Первой ӧтикыс кодъяс, сӧсся мӧдыс.

Джуджыд нин лоис гуыд, морт джуджда нин. Сэсса пырис кодйыны Нужда. Копыртчис да муртса тыдалö.

Кöзьяиныд и шуö: но пö, Нужда, мольыд абу нин?

А сийö гу пытшкад мышкырасьö да гу пыдöссö шыльöдö. Мольыд нин пö лоис, мольыд, пыр пö кая.

Бура пö мольöд, бура.

Нужда копыртчис шыльöднытö, а кöзьяин босьтис көрт зыр дай кутис валитны сы вылö небыд мусö. Дзикöдз тыртис Нуждаöс. Гу вывсö шыльöдис-мольöдис, пу лöп вылысас тэчалис, чер-зыр босьталис и лэччис гортас. Но, шуö кöзьяйкалы, вай пö вердышт. Ме пö гуалi Нуждатö.

Кöзьяйка кыскалiс пачысь шыд-рок дай вердис.

Но, меным висьтавыны регыд-а, воис рыт, и водалисны узыны. Аскинас кöзьяин чеччис, шондi вылын нин, кайис паччöр вылас дай куритчö. А налön вöли курöг. Сийö колькьялöма дай зэв ёна котсьö. Кöзьяин лэччис, видзöдö: колькйыс абу прöстöй, а зарни.

Кöзьяйкасö кутис чуксавны:

— Чеччы,— шуö,— кöзьяйка. Курöгыд вайöма мыйкö зэв мичаöс.

Кöзьяйка чеччис. Видлалö кольктö — збыль зарни кольк и эм. Налы зэв любö. Босьтис кöзьяйкаыд кольктö дай нуис лавкаö, пуктис лавочник водзö. А лавочниклön синмыс вералö. Уна-ö коран та вылö? Уна-ö пö сетан? Сё шайт тырмас? Тырмас пö, шуö гöль мортыд. Сё шайтыд сылы зэв нин уна сьöм.

Кöзьяин босьтас сё шайттö, ньöбас мый колö сёян-юан и лэччас гортö. Воис налы Ыджыд лун праздник.

Висьтавыны регыд, а аскинас курöгыд бара зарни кольк ваяс. И аскомысьнас сiдз жö. Вузаласны найö мöд кольктö кыксё шайтысь, а коймöдтö — куимсёысь. И лунтыр гозья босьтасисны: шыдöстö мешökön, сакартö мешökön, пызтö доддьöн, ситеч-матерьетö пона-ясөн. Босьтасисны да босьтасисны, лэччöдлiсны да лэччöдлiсны вөлön и, ас выланыс и. Нянь и, сакар и, шыдöс и,— быдторйыс налön лои дöвöль.

Озыр вокыд и кутис думайтны: «Мый тайö лои менам воккöд, ставсö куллöн да мешökön лэччöдлö. Кысь сылы деньгаыс?» Ёна завидь сылы лои.

Голь вок и шуө көзаяйкаыслы:

— Но,— шуө,— көзаяйка, овлім ми тэкөд гөля, нужда ради нэмөн пир эг вөчлөй, нимлун эг ыдждөдлө. Өні,— шуө,— миян эм быдтор. Вай,— шуө,— лосьөдчы, сёян-юан пөжав, самөкур гудрав, сур пу, нимлун вөчам тэа-меа.

Көзаяйка куим көрчага пуис, вежалун чөж самөкур вийөдіс, сур пуис, нянь пөжаліс.

Сур да нянь эштис, вина — ыджыд бөчка тыр, и лосьөдісны найө нимлун кузя пир на весь мир. Коралісны став рөдвужсө, тшөтш и озыр воксө.

Озыр воклы яндзим. Юис румка-мөд, сэсся оз ю, оз көсйы коддзыны. «Час жө, төдмала, кызди-мый менам вокыд озырмис».

А вок сійө радлун кузяыд өтикөд румка да мөдкөд стөкан. Сулик коддзис.

Озыр вок и кутіс юасьны:

— Аттө,— шуө,— вокө, кызд бара тэ озырмин-а?

Код юрнад вокыд ставсө и висьталіс. Вот пө, вокө, Нуждаыд ме дорө көвьясис, кор ме тэ дорө пир вылад волі. Помнитан пө, вөтлін менө ещө. А ме пө босьті дай гуалі Нуждатө. Сідз и мыні сыысь.

Озыр вок и думайтны кутіс: «Час, ме кая да перья сэсь Нуждасө. Скөрйывсьыд сійө бөр нуждаө вөйтас менсьым воктө».

Ладнө. Озыр вок гусьөникөн пышьяс пир вывьсыд, босьтас көрт зыр, каяс кладбище вылө и кутас кодйыны. Кодъяс, кодъяс, видзөдө — вөрыштө кодкө гу пыдөсас.

— Нужда,— шуас,— ловья?

Нужда кыпөдчис сэки дай шуө: өдва пө ловья, муртса эг пөд, вай пө отсав петнысө.

Озыр вок сетіс кисө, лэптис дай шуө:

— Со өд лөк мортыд мый тэнө вөчис. Не кө ме, татчө и лоис эськө сісьмыны. Лэччы,— шуө,— сы дорө, буретш талун пир сылөн.

— Аттьө,— шуө,— тэныд, бур морт, перйөмыд вылө. А вокыд дорө ме нинөмысь ог лэччы.

Мый сыкөд вөчан? «Час, ме ылөдла тайөс,— думайтө озыр вок.— Лэччөда пир вылад да сэтчө и коля».

Мөдөдчис вокыс пир вылө. А сэні пызан выв тыр быд пөлөс сёя-

ныд: пелепетушки и лапша, ѓгурчы и ѓгманчи, колькъя рысь и нѓкъя рок, вый сука рач и пѓсь блин.

Пырис сэтчѓ озыр вок, а Нужда кольччис кильчѓ пос помад. Оз лысьт пырныд, шеда пѓ да бара гуалас.

Озыр вок оліс-оліс сэн шогпырысь дай мѓдѓдчис. А Нужда со сійѓ — кѓвьясис, другѓ, мынтѓм вылѓ. Кѓвьясис, дай гѓльмыны кутіс озыр вокыд: ѓти лунѓ ошъяс скѓтсѓ виисны, мѓд лунѓ вѓръяс амбарсѓ петкѓдісны, коркѓ сѓсся и керкаыс сотчис.

Со ѓд кыз Нуждаыд вермас бергѓдчыны. Со мыйѓ вайѓдѓ, кор вокъясыд оз лѓсявны.

РАЗЛАД-НУЖДА

Жили-были два брата. Все у них шло ладком, и нужды не знали. Но как-то повздорили из-за чепухи и решили разделить хозяйство, каждый своим хозяйством зажить. У одного дела пошли хорошо, он богатым стал. Другой еле концы с концами сводит, лишь полная лавка детей.

Как-то раз богатый устроил пир по случаю своих именин. Пригласил всю зажиточную родню, а бедного брата и вовсе не позвал. Расселись они вокруг стола, пьют да едят. У богатого брата наготовлено и куплено всякого угощения, каждому даже названия не придумаешь.

Бедный брат и говорит жене: пойду-ка я на пир-то, очень уж охота. Жена противится, не ходи, мол, без приглашения. Незванный гость, говорит, хуже всего. А тот: выйду все равно. Пошел. Проходит под окнами богатого брата. Тот увидел и говорит: стыдобушка моя сюда прет.

Бедный в дверях только появился, а богатый ему навстречу бросился. Не заходи, мол. После загляни, вечером. В горле пересохло, и я напиток хотел, промолвил бедный брат. А в ответ слышит: у меня помимо избы есть вода, иди вон там пей. В сенях стояла кадка с водой, и ковш есть — вот он. Напился воды бедный-то брат да и с чего-то опьянел. Спускаясь с крыльца, запел песню. А богатый вовсю ругает его вслед:

— Дурной человек этот — позор на мою голову.

Тут бедняку послышалось, позади его кто-то поет тоже. Обернулся — человек в одних лохмотьях за ним шагает. Кто ты? — спрашивает. Мол, я Нужда твоя. Ну, коли ты Нужда моя, говорит, заходи ко мне.

Зашли они в избу. Бедняк и говорит жене: двое мы пришли, давай накорми нас чем-либо. Хозяйка подала суп да кашу и, что было, всё выставила. Ну, хозяйка, говорит бедняк далее, постели нам. Мы уж спать ляжем. Хозяйка постелила что имела: небольшую перинку да в изголовье разного тряпья наложила. Хозяин лег с Нуждой, хозяйка устроилась с детьми на полатах.

Спозаранку она вскочила, печь растопила, суп да кашу сварила. Нужда с хозяином поднялись, обулись-оделись. Хозяин и говорит: покорми нас давай, хозяйка. Подкрепимся, мол, да сходим с Нуждой поработать. Та накормила-напоила. Нужда и мужик прихватили топоры, лопаты взяли да и пошли трудиться — яму для погреба копать.

Дошли до кладбища, начали копать. По очереди роют, сперва один, потом другой. Яма уже глубокой стала, в человеческий рост. В свою очередь полезла Нужда. Наклонилась и еле видно. Хозяин и спрашивает: ну, Нужда, гладкое ли уже дно стало? А та возится в яме да все подчищает и подравнивает. Гладко уже стало, говорит, гладко, сейчас вылезу. А хозяин ей:

— Хорошо ровняй, хорошо ровняй.

Нужда наклонилась, хозяин же взял лопату и давай валить на нее мягкую землю. Совсем завалил Нужду. Сверху сровнял яму, древесным хламом покрыл, собрал лопаты да топоры и вернулся домой. Ну, говорит хозяйке, давай покорми, я похоронил Нужду. Та достала из печи суп с кашей и накормила мужа.

Мне недолго сказывать, а когда-то настал вечер, и легли спать. Наутро хозяин поднялся, солнце уже высоко, он полез на печку и закурил. А у них была курица. Она снесла яйцо и — всю кудахчет! Хозяин спустился с печи, видит: яйцо-то не простое, а золотое. Начал хозяйку звать:

— Вставай, хозяйка. Кура снесла что-то очень красивое.

Та встала, вертит в руках то яйцо — на самом деле ведь золотое.

Очень им любо. Взяла хозяйка яйцо и понесла в лавку, поставила перед лавочником. А у него аж в глазах зарябило. Сколько просишь за это? А сколько дашь? — отвечает. Ста рублей хватит? Хватит, отвечает беднячка. Сто рублей для нее уже большие деньги. Хозяин купил на ту сотню из еды что надо было. Для них, бедных, как бы настал праздник Пасхи.

Сказывать скоро, а назавтра курица вновь снесла золотое яйцо. И на третий день тоже. Продали они второе яйцо за двести рублей, а третье — за триста. И целый день муж с женой покупают: крупу — мешком, сахар — мешком, муку — возами, ситцы и материалы — целыми тюками. Понакупали да понакупали, таскали да возили и под водой, и на себе. И хлеба, и сахара, и круп разных — всего у них стало вдоволь.

Богатый и задумался: «Что это стало с моим братом, все кулями да мешками свозит. Откуда у него деньги?» Очень завидно ему стало.

Бедный брат заводит разговор с женой:

— Ну, хозяйка, жили мы с тобой бедно, из-за нужды в жизни пира не устраивали, именин не отмечали. Нынче у нас все есть. Давай, — говорит, — готовься, угощений наготовь, самогону выщеди, пива навари, именины устроим мы с тобой.

Хозяйка с три короба наварила, всю неделю самогон гнала, пиво варила, хлеба пекла. Пива и хлеба наготовлено, вина — полная большая бочка, и сочинили они по случаю именин пир на весь мир. Позвали всю родню, и богатого брата тоже.

А тому стыдно. Выпил рюмку-другую и больше ни-ни, чтоб не опьянеть: «Погоди же, разузнаю, как и почему мой брат разбогател». А брат тот на радостях с одним рюмку, с другим стакан. Вовсе захмелел. Богатый и начал спрашивать бедного.

— Диво этакое, — говорит, — как же ты разбогател?

Захмелевший брат возьми да все и выложи. Вот, мол, браток, Нужда-то ко мне привязалась, когда я к тебе на пир приходил. Помнишь, ты еще выгнал меня? А я взял да и зарыл ее, похоронил Нужду. Так и избавился от нее.

Богатый брат тут и начал раздумывать: «Сейчас пойду и вызволю Нужду оттуда. С обиды она вновь в нужду загонит моего брата».

Ладно. Богатый тайком удрал с пира, взял лопату, пошел на кладбище и начал копать. Роет, роет, глядит — копошится кто-то на дне могилы.

— Нужда,— спрашивает,— ты жива?

Нужда выпрямляется тогда да и отвечает, что еле жива, малость не задохнулась, давай помоги, говорит, выбраться.

Богатый брат подал руку, помог подняться и говорит:

— Вот ведь, плохой человек что с тобой наделал. Если б не я, тут и пришлось согнуть. Ступай,— говорит,— к нему, сегодня самый раз пир у него.

— Спасибо,— отвечает,— тебе, добрый человек, за выручку. А к брату твоему я ни за что не пойду.

Что с ним станешь делать? «Сейчас я обведу его,— думает богатый.— Поведу на пир да там и оставлю». Пошел на пир. А там все еще полный стол всего такого, что всем угощениям и названий не выговоришь. Зашел богатый брат, а Нужда осталась у крыльца. Не смеет зайти, боится, что попадется в руки бедного и тот снова ее зароет.

Богатый же брат сидел-сидел среди гостей грустный и собрался восвояси. А Нужда тут как тут — привязалась, и никак не избавишься от нее. Привязалась, и начал с того времени беднеть богатый брат: в один день медведи его скот потравили, в другой — воры весь амбар вынесли, затем как-то и дом сгорел.

Вот ведь как Нужда может обернуться. Вот к чему разлад братьев приводит.

НАЯН ЯКОВ

Оліс-выліс Яков нима мужичöй. Озыр нин, а водзö пыр ёнджыка горшмö. Быдмис сълön му вылын озыр урожай, и сылы эськö сöмын радлыны, а Яков — оз!

— Бара менам куш рöскod лоö. Мед татшöм урожайсö идравны, сикт пасьтасьыс отсасьысьясöс лоö медавны. А уджалысьяс кö воасны, верд да юктöд найöс. Лун джын мыйкö вöчыштасны, а тэ найöс верд нин! Найö бара лун джын легыштасны — тэ мöдысь верд да юктав. И мöд лун, и коймöдöс. Дзикöдз рöзöритчан! Бур эськö вöлі,

медалём йёзыс кё ме ордын дырджык уджалісны, а ме найёс шочджыка верді...

Ветлөдлө сідз керка гөгөрыс, кияссө мышкас кресталёма да юрсө өшөдөма: мөвпалө.

А ськөд орччөн оліс өти зэв сюсь мужик. Сійө важөн төдө Яковлөн наынавны радейтөм йылысь и сьлөн скуплунысь дөзмис нин. Со и казяліс пьськөс вежөра суседыд Яковлысь майшасьёмсө, вуджис потшөс вомёныс сыладорө да мудера, вежавидзёмөн быттё, сёрнисө панө:

— Чолөм, Яков! Мый юртө жуглан? Кутшөмкө шог эз-ө нин су? Висьтась. Век жө сусед тэныд, друг да мыйкө и сөветуйта, друг да мыйёнкө отсала.

— Эм шогыс, эм,— ышлолалө скуп мортыд.— Шог суис, и сөветыд колө. Да бур сөветсьыд тэ пөди дон менсьым пычкан, сьём?

— Мый нин тэ! Ме сідз, некутшөм донтөг.

Рад лои Яков да висьталіс суседыслы асьыс шогсө:

— Кыз эськө вөчны, медым отсавны медасьысьяс менам му вылын уджалісны дырджык, а ме эськө найёс вердөм-юкталөм вылө рөскодуйтчи этшаджык?

Сюсь мужикыд помөдзыс эз и мөд кывзыны, здукөн гөгөрвоис ставсө.

— Төда,— шуө,— төда, мый колө тан вөчны. И тэнө, Яков, туйда.

— Туйды, бур морт, туйды! — сідзи и югзис Яков, а мөдыс сійөс велөдө нин:

— Лунсө колө нюжөдны, мед сійө кык пөв кузьджык лои. Со тэнад отсасьысьясыд и кык пөв унджык вөчасны, а сёясны кык пөв этшаджык. Сідзи өд артмө?

— Да өд кызди нюжөдан? Мыйён?

— Укватөн, Яков, укватөн. Кодөн гөтырыд пачад чугун-гырничтө сьявлө. Аски асыв босьт укваттө, эрд вылын сулалысь ьджыд пожөм йылас кавшась да, кызд сөмын шондіыс мөдас кьпөдчыны, тэ сійөс кут укватнад крепьдджыка. Сійө кайө, а тэ сійөс век жө кутышт, падмөдышт, мед оз тэрмась! Вот тэныд луныд и нюжалас.

— Да он-ө тэ пөрийөдлы?! — радлө нин Яков.

— Нинөмысь ог! Ачым сідз жө вөчлывла. Ог эськө гожөмнас да.

Арнас, кор старукакөд картофель босьтам. Арся шондид зэв нин өдий лэччө. Вот ме сийос и час джын — час кежлө корсюрө укватон мян град йөр весьтын кутышта. Зэв на и бура артмө! Но арнад кокниджык: шондид оз выліті ветлөдлы, ме сийос дженьыд воропа укватон кутышта, а өнія, гожся каднад укваттө колө кузь потш помө пысавны. Сюрас-ө тэныд сэтшөм кузьыс?

— Эм! — нач нин чиктивны мөдіс Яков да уськөдчис сикткодъсыс уджалысьясөс аски кежлө чуксавны.

А асывнас водз, кор петукъяс на эз чуксасыны да кыаыс на эз ворсөдчы, босьтіс бабаыслысь укватсө, потшөссыс кыскис медся кузь потшсө да гезйон көрталіс сы йылө укватсө. Котөртис ыджыд пожөм дінад, кавшасис муртса эз туганөдзыс да кыйкъялө, оз-ө локны вундыны отсасысьяс.

И со вундысьясыд воисны, му весьтын пуксьө выль лун. И сэки Яков чургөдіс укватсө пожөм тугансянь кызд позьө ылөджык, витіс гөрд шондіас да сідз кутө и кутө став вынсьыс, мед эз сэтшөм өдий кыпөдчы.

Шондид сөмын муртса-муртса на вөртассыс торъяліс, а Яковлөн и киясыс нин юкалөны, и мышкас зургө. Но та пыдди сийө сідзи и казялө, сідзи и аддзө: кадыс ньөжйөджык кутіс мунны! Сэтшөм лөня да ньөжйө, мый, позьө шуны, нач сувтіс.

— Видзөдлы! — броткөдчө Яков.— Кызд эськө мем не вывтіасыны. Тыдалө, лунсө ме эг нин кык пөв, а вит кымын пөв нюжөді! Мед эськө менам уджалысьясыд эз казавны. А гөгөрвоасны — пышьяласны гортаныс. Тадз оз позь, дай колө аслым шойччыштны и мужикъясыс да бабаясыс мед личөдчыштласны.

Лэччис пожөм йывсьыд, пуксис муас да шуө:

— Но, зонъяс! Уджыштінныд ті бура, вайөй жө пажнайтыштам.

Вундысьясыд, дерт, шемөсө усины: збыль вылас өд и час на эз коль. Но көзяин кө пажнайтны чуксалө, вензыны эз мөдны: пуксисны, сөйисны.

Пажнайтісны, шойчисны да сөмын чарлаясас босьтчисны, сөмын лөсьөдчисны кольта йиавны да чумали сувтөдавны, Яков бара нин пожөм йывсьыс лэччө. Лэччө, упкө да соснас ньылөмсө чышкалө:

— Но жө и мян крестьянскөй уджыд! Но и мырсьыштім ми, зонъя-

яс! Со өд мыйта вөчим! Вайө жө курччыштам!

Сідзи и луныс муніс вундысьясыдлөн пажнайтөм да нурьясьөм, курччыштөм да ужнайтөм вылө, и этша мый бурсө найө нянь му вылас вөчисны, но Яков и сідз зэв рад. Мунө гортас, уквата потшсө бөрсьыс кыскө, муртса-муртса восьлалө, а ачыс тош пырыс нюмъялө:

— Колө жө тадз, ме талун сы мында нянь да ырөш видзті! Уджа-лысьяс чайтөны, мый ме найөс өти лунөн татшөмасө верді-уді, а ме найөс, бөбьясөс, быдса вежон верді. Аски асыв бара и пожөм йылас кая. Ай да ме!

ХИТРЫЙ ЯКОВ

Жил да был мужик. Добра уж столько нажил, а все жаднее становился. Звали его Яковом.

Уродилась у него в поле рожь высокая да колосистая, и тут бы только радоваться надо, а Яков горюет:

— Опять у меня расходы! Чтобы такой урожай убрать, надо помощников со всей деревни созывать. А раз помощники придут, то их напоить, накормить надо. Они день отработают, а ты их уже корми! Они другой день отработают, а ты их опять угощай. И на третий день корми, и на четвертый... Чистое разорение! Нет, хорошо бы так сделать, чтобы помощники у меня наработали побольше, а я бы хлеба, соли да квасу истратил поменьше...

Ходит он у своей избы под окошками, руки за спину заложил, голову опустил: думает.

А рядом с ним жил один шустрый мужичок. Он давно про скопидомство Якова знал, и очень оно ему надоело. И вот, как-то увидел этот мужичок Якова на лужайке, так сразу подходит к нему и так вежливо-превежливо говорит:

— Здорово, дядя Яков! О чем задумался? Ежели горе какое, поделись. Я ведь тебе сосед: вдруг да что и присоветую, вдруг да и выручу.

— Есть горе, есть,— вздыхает Яков.— И горе есть, и посоветоваться надо бы. Да только за хороший-то совет, поди, денежку с меня

стрясешь?

— Ну что ты! Я за так!

Обрадовался Яков и рассказал соседу-мужичку про свою заботу:

— Как бы сделать так, чтобы помощники у меня в поле наработали побольше, а я бы на их угощение поистратился поменьше?

Мужичок и дослушивать не стал, вмиг все сообразил.

— Знаю,— говорит,— что тут делать надо, знаю. И тебя, дядя Яков, научу.

— Научи, милушко, научи! — так и засиял Яков, а мужичок ему объясняет:

— День надо растянуть, чтобы он вдвое длиннее стал. Вот у тебя помощники-то в два раза больше и наработают, а съедят в два раза меньше.

— Да как его растянешь? Чем?

— Ухватом, дядя Яков, ухватом. Тем самым, которым твоя хозяйка горшки да чугушки в печи переставляет. Возьми завтра утречком ухват, залезай на сосну в поле, да как солнышко подыматься начнет, ты в него ухватом и упрись посильнее. Оно подымается, а ты его все равно придерживай! Вот так вот день и растянется. Понял ли?

— Понял! — возликовал Яков.— Да только не обманываешь?

— Ни в жизнь! Сам этак делаю. Правда, не летом, осенью, когда со старухой картошку в огороде копаем. Осеннее-то солнышко куда как быстро садится; вот я его на полчаса — на часик нет-нет да ухватом над нашим огородцем и придерживу. Шибко хорошо выходит! Но осенью легче: солнышко ходит невысоко, я его придерживаю коротеньким ухватом; а по нынешней, летней, поре надо ухват на длинный шест насаживать. Есть ли у тебя такой?

— Есть! — совсем уже воспрял Яков и кинулся по деревне скликать на завтрашний день помощников.

А рано утром, когда ещё и петухи не кукарекнули и заря не занималась, забрал у бабы на кухне самый крепкий ухват, вытянул из ограды самую длинную жердь и прикрутил к ней ухват веревкой.

Прибежал к высокой сосне, влез почти на самую макушку, глядит, не идут ли жнецы-помощники.

И вот жнецы пришли, и новый день над полем занялся, и тогда

Яков выставил над сосной ухват как можно дальше, прицелился в красное солнышко да и держит, и держит его изо всех сил, чтобы оно не так быстро поднялось.

Солнышко ещё только-только над лесной опушкой приподнялось, а у Якова уже и руки болят, и спина занемела. Но зато он так и чувствует, так и видит: время тише пошло! Так тихо да медленно, что, можно сказать, совсем остановилось.

— Ишь ты! — бормочет Яков. — Как бы мне не перестараться! Похоже, я день-то не вдвое уже растянул, а раз в пять! Как бы мои работнички не догадались. А догадаются — по домам разбегутся. Нет, надо и самому отдохнуть, и мужикам да бабам дать передышку.

Сполз он с сосны, сел на землю и говорит:

— Ну, робятушки! Поработали мы хорошо, давайте-ка пообедаем.

Жнецы, конечно, очень удивились: на самом-то деле и часу не прошло. Но раз хозяин обедать зовет, спорить не стали: сели, пообедали.

Пообедали, отдохнули да только за серпы взялись, только снопы вязать да суслоны ставить наладились, а Яков опять со своей сосны слез.

Отпыхивается, рукавом пот утирает:

— Ну и работенка наша крестьянская! Ну и упарились мы, робятушки! Ну и дел наворочали! Давайте-ка пополдничаем!

Так весь день у жнецов и прошел в обедах, полдниках, ужинах да паужинах, и ничего они толком на поле не сделали, но Яков все равно очень рад.

Идет домой, жердь с ухватом за собой волочит, едва-едва ноги переставляет, а в бородищу ухмыляется:

— Это ж надо же, сколько я сегодня хлеба да квасу сберег! Работники-то думают, это я их за один день так здорово наугощал, а я их, глупых, накормил за целую неделю. Завтра утром опять на сосну полезу. Ай да я!

СОДЕРЖАНИЕ

А	Анбур	2	Азбука	5
Б	Бобõ	9	Ласка — гладкая головка	9
В	«Водзджык тай садьмыссьõма»	10	Малость раньше проснулся	11
Г	Горт олõм	13	Женское безделье	15
Д	Дякõн нõбасьõ	17	Беременный дякон	20
Е	Енмõн сетõмтор	23	Божий дар	24
Ё	Ён кыв	25	Слово — сила	28
Ж	Жуг-ёг, шылльõ-мылльõ	30	Брызги-дребезги, были-небылицы	33
З	Зарань	36	Зарань	38
И	Ичмонь да инька	41	Сноха и свекровь	46
І	«Меліа» сёрнитіс	50	«Ласково» поговорил	52
Й	Йõй Иван	53	Иван-дурак	57
К	Кõч да руч	61	Заяц и лиса	64
Л	Лõсьыд олõм	66	Любовью и советом	69
М	Мамтõм Машук	72	Сиротинушка Маша	77
Н	Нёрым	84	Нёрым	87
О	Ош да мужик	90	Медведь и мужик	92
Õ	Õксы пьян да Õксинь	94	Княжичи и Аксинья	98
П	Пера-багатыр	103	Пера-богатырь	107
Р	Руч да пõль	112	Лиса и дед	114
С	Савõ да сизь	116	Савва и дятел	123
Т	Тури да руч	124	Журавль и лиса	125
У	Ур велõдис	126	Белка проучила	128
Ф	Фома да Ёма	129	Фома и Ёма	132
Х	Храп	135	Храп	139
Ц	Цапля да тури	143	Цапля и журавль	144
Ч	Чокыр да руч	145	Мерин и лиса	149
Ш	Шань шыш	154	Славный вор	158
Щ	Зарни щõtь	163	Золотая щетинка	168
Ъ	Сыръя-тугъя чышъян	172	Платок с бахромой	175
Ы	Ыджыд вок да ичõt вок	177	Старший брат и младший	182
Ь	Мойдысь дядьõ	186	Дядька-сказочник	187
Э	Эн горшась	189	Не жадничай	190
Ю	Юкисны	191	Разлад-нужда	195
Я	Наян Яков	198	Хитрый Яков	201